

МИШЕЛЬ
ПЕССЕЛЬ

ЗОЛОТО
МУРАВЬЕВ

Annotation

«Золото муравьев» — очередная книга известного французского ученого-этнографа и неутомимого путешественника Мишеля Песселя. На этот раз он отправился в один из наиболее труднодоступных районов планеты — Гималаи — на поиски легендарной «Страны дардов». «Отец истории» Геродот сообщал, что в этой сказочно богатой стране драгоценный металл добывают из-под земли гигантские муравьи — «ростом больше лисицы, но меньше собаки». Песселю удастся решить эту мучившую многих ученых загадку, но, пожалуй, более важен накопленный им в ходе экспедиции материал о народности минаро — древних обитателях Гималаев.

Для широкого круга читателей.

-
- [Мишель Пессель](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Глава первая. Мечты и действительность](#)
 - [Глава вторая. Счастливая долина](#)
 - [Глава третья. Человеческие жертвоприношения](#)
 - [Глава четвертая. Художник каменного века](#)
 - [Глава пятая. Женское царство](#)
 - [Глава шестая. Золото Инда](#)
 - [Глава седьмая. Единорог и феи](#)
 - [Глава восьмая. Отравленные стрелы](#)
 - [Глава девятая. Операция «горный козел»](#)
 - [Глава десятая. Кончина льва](#)
 - [Глава одиннадцатая. Золото муравьев](#)
 - [Глава двенадцатая. Земля предков](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
-

Мишель Пессель
Золото муравьев

Предисловие

«Лежа на земле, я созерцал сквозь листву сверкающие вершины, которые вырисовывались на фоне ярко-голубого неба... меня переполняла радость, и я, как обычно во время путешествий по Гималаям, задал себе извечный вопрос: „А почему не остаться здесь навсегда?“ Я сознавал, что моя личность во многом сформировалась под влиянием Гималаев. Ведь я почти три года своей сознательной жизни бродил в полном одиночестве по гималайскому высокогорью... Жизнь в странах моего детства не имела ничего общего с тем, что любило мое „гималайское“ я. Долгие месяцы скитаний... складывались для меня в одну непрерывную нить существования, чуждую моей другой жизни на родине. И все же меня тянуло туда, быть может... неистребимая потребность разделить мой гималайский опыт с другими и тем самым сделать его полезным людям»^[1].

В 1987 году, когда я писал предисловие к книге, Мишелю Песселю, французскому географу и этнографу, как он сам себя рекомендует, исполнилось пятьдесят лет. Добрую половину из них он провел в путешествиях. В 1976 году, отправляясь в отдаленную область Западных Гималаев — Заскар, Мишель Пессель с удивлением спрашивал себя: «Как случилось, что в свои тридцать девять лет я верю в волшебные сказки? Неужели никогда не повзрослею? Я по-прежнему мечтаю о приключениях, опасностях, сильных ощущениях. Моими героями по-прежнему остаются путешественники и исследователи прошлых лет. Я всегда видел себя исследователем, первым ступающим на неизведанную землю, населенную туземцами. Я всегда хотел бродить по долинам затерянных миров и

осваивать их. Я всегда был и остаюсь мечтателем, заблудившимся в мире искусственных спутников, сверхзвуковых самолетов, пластмассовых ложек, алюминиевых аэровокзалов, баров, подземных супермаркетов и рукотворных солнц». До поездки в Заскар (Северо-Западная Индия) были еще два крупных путешествия в Гималаи: в Мустанг (Непал) в 1964-м и в Бутан в 1968 году. Издательство «Мысль» предлагает читателям очередную книгу Мишеля Песселя^[2], путешественника и писателя, получившего от тибетцев в Гималаях второе имя — Хрустальная Гора. Мишель Пессель провел свои детские и отроческие годы в пансионах и закрытых школах Франции, Англии и Канады. Студентом он изучал право в Сорбонне, учился в Оксфорде, готовился к карьере бизнесмена в Школе бизнеса при Гарвардском университете (США). Однако Мишель Пессель не стал ни юристом, ни бизнесменом. Его одолевала страсть к путешествиям, хотя внешне он был, как пишет о себе, «современным европейским молодым человеком, который летал на самолетах, водил спортивный автомобиль и танцевал твист в модных дансингах». Это не мешало тому, пишет М. Пессель, что «в 21 год я рисовался себе первопроходцем — Кортесом или Христофором Колумбом с детских известных рисунков». Юношу влекли Гималаи. Первая попытка посетить их, в частности Бутан, организовать туда экспедицию в 1959 году не увенчалась успехом. И первое крупное путешествие Мишеля Песселя было не в Гималаи, а в Мексику, на полуостров Юкатан. Оно принесло молодому исследователю крупный успех: им было найдено более десятка древних городов майя, затерянных в джунглях Юкатана.

В конце 50-х годов М. Пессель начал изучать разговорный тибетский язык. Интерес к тибетскому

языку пробудился у него почти случайно. В букинистической лавке в Париже он купил «Грамматику разговорного тибетского языка» Чарльза Белла, известного английского тибетолога начала нашего века. Пессель увлекся тибетским языком и стал брать уроки у тибетцев-эмигрантов, которых в то время оказалось много в Европе и США. Он стал одним из немногих в те годы европейцев и американцев, способных говорить по-тибетски. Знание тибетского языка, знакомство с представителями тибетской эмиграции, в том числе и высокопоставленными (старший брат далай-ламы XIV), безусловно, повлияли на то, что основным объектом его путешествий стали Гималаи. Для тех, кто читал книги М. Песселя, очевидно, что активное знание тибетского языка во многом предопределило успех его экспедиций. «Я был одержим страстью к тибетской культуре», — напишет М. Пессель позднее, хотя это было время, когда одно упоминание о том, что он говорит по-тибетски, вызывало смех. Период, когда бритоголовая молодежь заполнит улицы европейских столиц и ринется в Гималаи, тогда еще не наступил. Читая книги М. Песселя, однако, необходимо помнить, что, владея тибетским разговорным языком, он не знал (по крайней мере в 60–70-е годы) классического и литературного тибетского языка. Правда, это не помешало ему в 1968 году защитить в Сорбонне диссертацию, посвященную истории Мустанга, маленького, населенного в основном тибетцами владения в Гималаях, входящего в состав Непала.

Говоря о путешествиях М. Песселя, нельзя упускать из виду и такой фактор. На южных склонах Гималаев, где тибетцы издавна жили вместе с другими местными народами, тибетское население существенно возросло после 1959 года, когда далай-лама XIV покинул Лхасу. Тибетская эмиграция и ныне довольно многочисленна.

Тибетцы живут в Индии, во многих странах Западной Европы, в США. Существует правительство Тибета в эмиграции, различные культурные учреждения тибетцев, такие, как Тибетская академия. Хотя в наши дни правительство КНР прилагает определенные усилия к тому, чтобы далай-лама и тибетцы-эмигранты возвратились на родину, влияние эмиграции, имеющей своих представителей на всех основных кафедрах по изучению Тибета и буддизма в Западной Европе и США, на поддержание научного и околонучного интереса к Тибету и его культуре остается весьма значительным. Кроме того, Западные Гималаи, Ладакх, — своеобразное преддверие Тибета. Это район, где соприкасаются Индия, Пакистан, Китай. И события последних сорока лет, затронувшие названные государства, играют в интересе к этому району не последнюю роль.

Новая книга М. Песселя «Золото муравьев», которую предлагает читателю издательство «Мысль», — описание экспедиции автора в Заскар и Ладакх, к малоизученному народу минаро. Отправляясь в это путешествие, Пессель решил раскрыть тайну минаро, тайну проживания или появления индоевропейцев в этом районе. Заодно он хотел найти реалии древней легенды, известной в Европе со времен Геродота, о гигантских муравьях «величиной больше лисицы, но меньше собаки», которые на севере Индии добывают из-под земли золотиносный песок. М. Пессель, готовясь к своему путешествию, облазил пятнадцать этажей Гарвардской библиотеки, прочел о Ладакхе все, что обнаружил. И в своей книге он апеллирует к именам широко известных в своей области ученых, таких, как Ф. Франке, А. Стейн, Р. А. Штейн, Б. Лауфер, Д. Туччи, Л. Петех, Самтен Кармай, К. Йеттмар. Один перечень этих имен способен внушить специалисту уважение к той работе, которую М. Пессель проделал, готовясь к экспедиции. Не его вина и не вина науки, что он в

трудах маститых ученых не нашел ответа на мучившие его вопросы. Пессель подчеркивает, что его особенно вдохновляли труды немецкого ученого К. Йеттмара^[3], работающего в сопредельных с Кашмиром районах Пакистана. «Нужно воздать должное, — пишет он в своей книге, — титаническому труду профессора Йеттмара, который предупреждал, что (цитирую одну из его книг) „необходимо принять самые неотложные меры с целью сохранения для науки возможно большего количества свидетельств“ доиндоевропейских корней народа шина (дардов). Призыв, однако, услышан не был. До сих пор ни один ученый не предпринял попытки исследовать места проживания народа минаро — несомненно, последнего наследника традиций, следы которых обнаружил у народности шина профессор Йеттмар. Меня, как исследователя, ждал непочатый край работы — и интереснейшей работы — в заповедном Заскаре».

Минаро действительно малоизученный народ. По описанию автора, эти люди европеоидного облика, русоволосые и голубоглазые. В минаро автор хочет видеть не просто почти отибеченных к сегодняшнему дню индоевропейцев, а «наших» предков вообще, которые спустились с вершин Гималаев и оттуда, из этой «земли обетованной» индоевропейцев, пришли в Европу. Это его основная идея — индоевропейцы, русоволосые и голубоглазые (а не смуглые индоевропейцы — индийцы и другие), со времен каменного века обитающие в Гималаях. Хотя следует сказать, что в книге читатель найдет и ряд иных гипотез, справедливость которых автор допускает. Например, то, что минаро — потомки греческих солдат, попавших в Северную Индию во времена походов Александра Македонского. Но допущение прищлости,

неавтохтонности минаро играет в его рассуждениях все-таки подчиненную роль.

Происхождение индоевропейцев — одна из труднейших научных проблем. Их прародиной считают Переднюю Азию, Балканы или Северное Причерноморье. В принципе М. Пессель не одинок, считая прародиной индоевропейцев (а то и всего человечества) Гималаи. Последние исследования советских специалистов исходят из того, что общеиндоевропейский язык можно датировать 4-м тысячелетием до нашей эры, а «весь комплекс... данных, относящихся к духовной и социальной жизни племен, говоривших на общеиндоевропейском языке, — характер мифов, ритуалов и социальной организации праиндоевропейского общества, предполагающий близость к переднеазиатским культурам, исключает возможность формирования такого объединения племен на обширных территориях Восточной Европы в 5-4-м тысячелетиях до нашей эры в отрыве от цивилизаций Древнего Востока»^[4]. Специалисты утверждают, что «можно локализовать индоевропейскую общность в пределах Ближнего Востока, вероятнее всего, на северной периферии Передней Азии, то есть к югу от Закавказья до Верхней Месопотамии»^[5]. Появление индоиранских племен на севере Ирана относят к первой половине 3-го тысячелетия до нашей эры^[6], а «проникновение древнеиндийских племен на северо-запад Индии датируется второй половиной 2-го тысячелетия до нашей эры»^[7].

М. Пессель отмечает, что исследовавшиеся им минаро родственны народу шина, входящему в дардскую группу народов. Дарды — обобщенное и достаточно условное наименование ряда народов, живущих на стыке территорий Индии, Пакистана и

Афганистана. В эту группу народов входят кашмирцы, шина, кхо, кохистанцы. Дардские языки — языки индоиранские, занимающие промежуточное положение между языками иранскими и индийскими^[8]. Йеттмар пишет о шина как о «индийском языке северо-западной группы»^[9]. Для носителей языка шина характерен отказ от разведения крупного рогатого скота из-за его культовой нечистоты^[10] — обычай, используемый Песселем как доказательство отсутствия всякого родства между минаро и индийцами. У минаро, как и у всех шиноязычных дардов, воплощением чистоты и святости среди животных считается горный козел. Из домашних животных священной и чистой считается только домашняя коза. Все, что дают козы, чисто, все, что дает прочий, прежде всего крупный рогатый, скот, нечисто. Наконец, добавим, что русоволосость и голубоглазость некоторых групп горцев, замкнуто живущих на высокогорных плато и в высокогорных котловинах Памира, Гималаев, Гиндукуша, объясняют влиянием условий их обитания. Сделав эти предварительные замечания, обратимся к книге Мишеля Песселя.

Автор отправляется в путешествие, чтобы обнаружить те реалии, которые могут скрываться за легендой о «золоте муравьев». Вместо «золота муравьев» он обнаруживает многочисленные изображения горных козлов, сцен охоты на них, изображения, по его заключению, известные всему миру как памятники палеолита, точнее, верхнего палеолита (конца древнекаменного века) и неолита (новокаменного века). Заметим, что данные памятники у минаро практически не исследовались специалистами-археологами. Подобные изображения на территории Пакистана, во всяком случае большинство из них, К. Йеттмар полагает сравнительно поздними: «Я

считаю, что... культ благородных диких животных — дикого и каменного козла — получил большее, чем когда-либо до этого, развитие в поздние века... Ранние изображения животных относительно редки... Я считаю увеличение значения охоты реакцией на мировые религии — буддизм и ислам — „нативистским“, т. е. подчеркивающим собственное наследие и собственный вклад коррелятом»^[11]. М. Пессель и его спутница Мисси, которой посвящена книга, прибывают в район селения Хамелинг округа Заскар. Их усилиями выясняется, что местные жители — минаро, европеоиды, хотя и числятся буддистами, но поклоняются богу Бабалашен и богине Аби-Лхамо. Минаро помнят свой язык и рассказывают, что их предки первоначально жили в окрестных пещерах. «До появления лука и стрел их предки охотились на горных козлов, загоняя их к краю обрыва, откуда животные падали и разбивались». А по возвращении с охоты охотники наносили на скалы изображения горных козлов. «Первый вопрос я задал (служителю местных божеств Цевану Риндзингу. — *Е.И.*) о происхождении наскальных изображений.

— Да, — ответил Цеван, — их делают по возвращении с охоты. Это нужно, чтобы отблагодарить Бабалашена, бога гор.

— И до сих пор? — недоверчиво поинтересовался я.

— Да, и до сих пор, хотя сейчас мы охотимся на козлов очень редко...

— После охоты, — объяснил... Цеван, — рисуют козлов в знак благодарности за посланную удачу. Этот рисунок посвящен Бабалашену, богу удачи, хозяину стад и повелителю природы...

Чуть позже Цеван показал мне, как наносится рисунок на камень. Он взял острый обломок скальной породы и быстрыми точными ударами нанес на

поверхность камня изображение горного козла». М. Пессель пишет, что он не верил своим ушам и глазам. Действительно, можно изумиться, услышав столь детальное описание способа охоты человека древнекаменного века, когда еще не было лука и стрел, — способа, о котором пишут все современные учебники истории первобытного общества. У нас нет оснований не доверять автору. Только выводы из таких фактов ученые делают разные. Мы уже отмечали, что К. Йеттмар считает охоту на козлов и нанесение наскальных изображений козлов явлениями поздними, а Пессель хотел бы видеть в минаро протоариетов. Автор книги не мог не отметить то, что минаро подверглись значительной тибетизации. И он ставит вопрос: кто является коренным населением Заскара — минаро или тибетцы?

Предками тибетцев современная наука считает древних цянов, положивших начало ряду современных тибето-бирманских, по языку, народностей, включая и тибетцев. Во 2-м тысячелетии до нашей эры цяны жили в западных районах современного Китая и были самыми близкими соседями древних китайцев. Первые памятники китайской письменности, знаменитые надписи на костях, многократно упоминают цянов. Есть мнение, что народ чжоу, представители которого стояли у власти в Китае с начала 1-го тысячелетия до нашей эры, был цянским по происхождению. Однако позднее китайцы-чжоусцы стали постепенно оттеснять цянов на запад и юго-запад. Из верховий реки Хуанхэ и района озера Кукунор древние цяны двигались на юг вдоль Тибетского нагорья и на юго-запад — по Тибетскому нагорью. М. Пессель упоминает кратко об этом переселении. В Тибете предки тибетцев — цяны, безусловно, столкнулись с какими-то древними насельниками если не на севере, в Чангане, чрезвычайно суровом для проживания районе страны,

то в южной части Тибета, примыкающей к Гималаям. Тибет еще девственен археологически, и ответить на вопрос, кто были те люди, с которыми предки тибетцев — цяны повстречались в Северных Гималаях, пока невозможно. Что же касается Ладакха, области, которую посетил М. Пессель, то она была завоевана и заселена тибетцами позднее. Это случилось в середине VII века, когда уже существовало тибетское государство, в период правления первого государя (цанпо) Тибета — Сронцзангамбо (Сонгцэн цанпо). Ладакх до прихода тибетцев был заселен, и население его, вероятно, было индоевропейским.

Могли ли эти люди быть предками минаро? М. Пессель как бы отделяет минаро от «пришлых» индоевропейцев — индийцев, иранцев и других народов, ссылаясь на существование обычая минаро, по которому, как и «у минаро, живущих на берегах Инда, у минаро Заскара корова считалась нечистым животным. Ее мясо и молоко в пищу не употребляются... Для минаро корова — самое нечистое из всех созданий, и это удивительное табу запрещает даже носить одежду из ячьей шерсти и обувь из кожи яков и коров. Подошвы башмаков у минаро сделаны из козьей кожи. Нельзя также растапливать очаг ячьими кизьяками, что... создает немало трудностей — ведь речь идет об основном виде топлива в этой местности... Может быть, описанные обычаи, — задается вопросом М. Пессель, — свидетельство исключительной давности происхождения народа минаро?.. Могут ли они быть последними могиканами того белого народа, который охотился в этих краях еще в каменном веке, покрывая рисунками здешние скалы?» У самого М. Песселя нет, разумеется, твердого ответа на этот вопрос. Он то пишет, что ответить на него положительно или отрицательно еще рано, то уверяет читателя, что «мы находились перед чудесным открытием в Гималаях

людей, относящихся по языку к индоевропейцам, а по традициям — к каменному веку. Быть может, это было наше собственное прошлое, сохранившееся здесь в неизменном виде», или что «обнаружили ариев, живущих в Азии с каменного века». Мы уже отмечали выше, что последний вывод не согласуется с данными современной науки. М. Пессель отлично сознает это и потому старается убедить читателя в возможности своей правоты, ссылаясь на ощущаемую им лично мистическую связь с исследуемым регионом и заселяющим его народом. «По мере того как мы медленно продвигались вперед, нам открывались пространства засушливой и безлесной местности. Почему мне так по душе этот безрадостный пейзаж? Может быть, эти горы и есть мой настоящий дом, место, предназначенное мне для жизни природой?.. Кто знает, может, этот выбор достался мне по наследству вместе с генами, и я лишь восстанавливаю в памяти давно забытое прошлое?» «Зов предков» — лейтмотив повествования М. Песселя. Этот «зов», это нечто, доставшееся и европейскому читателю «по наследству вместе с генами», и пытается внушить автор нам, читателям его книги.

Интуиция важна в науке, она имеет в ней совершенно определенную ценность, но «зов», ощущаемый Песселем, пока все-таки стоит за пределами современной науки. Однако, возможно, этот «зов» объясним. Возможно, корни его — в отношении автора к современной цивилизации, пронизывающем все его произведения.

Цивилизация враждебна первозданной дикости природы. Это тот мотив, который также звучит на протяжении всей книги. В наши дни немало людей, стремящихся в религиях Индии, в буддизме, его школе — дзэн-буддизме, обрести ту духовную и нравственную опору, которой их якобы лишила современная

цивилизация, или, как пишет о себе М. Пессель, приобрести в Гималаях то мистическое наследие, которое «не имеет ничего общего с рутинной нашей технократической цивилизации, рожденной бронзовым и железным веками».

«Как все-таки мало продвинулись мы со всеми своими телескопами в осознании истинной глубины наших связей с миром, в котором живем». М. Пессель из числа тех, кто в древних учениях, особенно восточных, хотел бы обрести ту «истину», которую якобы утратили современная Европа и Америка. Безусловно, прогресс ведет не только к приобретениям, но и к утратам, часто невозполнимым, однако «золотой век» древних, как и их непреходящая мудрость, — это тоже иллюзии, реакция на несовершенство нашего мира и следствие вполне естественного желания защитить природу от чрезмерного вторжения в нее. Гималаи и прилегающие, районы потому и импонируют Песселю, что они пока еще «свободны от сувенирных маркетов и толп вездесущих туристов», что здесь, как в долине Ролагонга, где цветы растут «выше всех цветов в мире», лечат травами, а не современными медикаментами. «Цепь, связывающая нас с первыми сборщиками трав, протянулась, вероятно, на пятнадцать — тридцать тысяч лет и объединяет от четырехсот до девятисот поколений... Уходя из долины, я подумал с грустью, что скоро древняя цепь, соединяющая одинокого жителя Ролагонга с незапамятными временами, должно быть, оборвется. Это случится, как только в первый раз сюда доставят по шоссе современные медикаменты». Простим М. Песселю эту «ностальгию» по древности, тем более что в своих путешествиях он не раз вызывал симпатии местных жителей и тем, что лечил их современными лекарствами.

Автор книги Мишель Пессель в одежде минаро.

Но еще раз вернемся к тому вопросу, которым задается автор: «Кто же они, люди племени минаро? Арии, бежавшие из Центральной Азии, или последние представители обосновавшегося в этих краях в давние времена белого гималайского народа, чей изначальный язык впоследствии уступил место одному из индоевропейских», — то есть были ли минаро

индоевропейским (или еще каким-то) народом, пришедшим в Индию с индоевропейцами, или народом, жившим в Западных Гималаях со времен каменного века? Мы уже говорили, что М. Пессель допускает и то, что минаро — потомки солдат Александра Македонского или потомки кочевников, пришедших из Центральной Азии, с севера. Читатель не может не видеть противоречия в выводах и гипотезах Песселя, который тверд только в одном — минаро жили здесь до тибетцев и в давнее время оказались отибеченными или почти отибеченными. Мы приводили в общих чертах положения современной науки о происхождении минаро и народов группы дардов. С этих позиций минаро — индоевропейцы, которые, как и все индоевропейцы, пришли в эти места, возможно, где-то в конце 3-го — начале 2-го тысячелетия до нашей эры. В любом случае все, что пишет М. Пессель о происхождении минаро, это гипотезы, которые могут быть или подтверждены, или опровергнуты более детальными и тщательными исследованиями. Что касается отибечивания минаро, то М. Пессель справедливо допускает его с VII века нашей эры. Их полководец На Лук, воевавший с тибетцами в X веке, уже носит тибетское имя. Большинство минаро в наши дни говорят по-тибетски, и сведения М. Песселя о знании ими своего исконного языка также противоречивы. Минаро, живущие в окрестностях Кхалатсе, по словам автора книги, «до наших дней смогли сохранить свой язык и большинство обычаев». Но тут же, рядом, он пишет, что «сегодня в Кхалатсе некоторые старики минаро еще могут изъясняться на родном языке. На этом языке они возносят молитвы, очевидно испытывая определенные сомнения в том, что их боги научились говорить по-тибетски». Согласимся, что читатель вправе спросить М. Песселя: когда он в своих формулировках более точен?

В замке правителя Зангла М. Пессель во второй раз посещает «келью», в которой в первой половине прошлого века работал основоположник венгерского востоковедения и один из зачинателей современного тибетоведения — Чома Кёрёши. «Из крошечного окошка кельи, в которой жил когда-то Кёрёши, я глядел на вершины Гималаев. Я задавал себе все те же вопросы, что мучили и моего предшественника. Не из этих ли самых мест начался путь наших далеких предков?» Если читатель знает, что венгры — народ финно-угорский, предки которого пришли в долину Дуная с Южного Урала, он поделит этих «наших предков» на финно-угров и индоевропейцев. А если не знает, то ему остается думать, что все европейцы спустились с гималайских вершин. Точно так же М. Пессель ссылается на фольклорный мотив борьбы лошади и яка. Зная, что наукой установлено: древние тибетцы по крайней мере в равной степени были как скотоводами, так и земледельцами, он обобщает рассказы о борьбе лошади с яком до отражения в них борьбы кочевников — предков минаро с пришлыми тибетцами-кочевниками. Тибетцы въехали в Тибет отнюдь не на яках, именно в Тибете они скорее всего познакомились с яком, но чего не сделаешь ради любимой, вынашиваемой годами идеи!

Не столько научными доводами, сколько апелляцией к чувству пытается автор доказать свою идею. Влюбленность в объект исследования, доходящая до слияния с ним, — это характерная черта книги М. Песселя. Автор, его спутница Мисси и тибетец Нордруп встречают тибетцев-кочевников. И Пессель вспоминает: «Впервые за последние двадцать лет я ощутил себя среди этих людей чужаком. Мне теперь хорошо было понятно, что я в глубине души был не таким, как они, погонщиком стад — я всегда оставался человеком из племени минаро, охотником за горными

козлами. Вот здесь, в долине Шади, мое племя проиграло решающую битву за Азию». М. Пессель, человек, ранее одержимый тибетской культурой, теперь полагает, что он, и его спутница, и минаро — «братья по крови». К сожалению, иррациональное начало не раз в произведении берет верх над М. Песселем-исследователем. Это нужно помнить при чтении книги и не все в ней принимать на веру.

Хотелось бы предварить рассказ М. Песселя несколькими замечаниями по некоторым частным вопросам. Пессель упоминает о древнетибетском комплексе верований, именуемом «религия бон». Происхождение бон отражено в целом ряде тибетских источников, но в наши дни большинство исследователей склоняются к тому, что бон оформился в самостоятельную религию достаточно поздно, под влиянием буддизма. Это комплекс религиозных представлений, типологически близких верованиям народов Центральной Азии. С добуддийскими верованиями тибетцев связан и тот круг верований, который профессор Р. Штейн предложил именовать «религией людей» (ми чой)^[12]. Добуддийские верования тибетцев, частью оформившиеся позже в «религию бон» и сохранившиеся в том круге верований, который условно и далеко не всеми именуется как «религия людей», изучены еще недостаточно. Боги, которым поклонялись минаро, могли быть связаны с этими верованиями, или представления о них были типологически близки им, но в любом случае читатель должен иметь в виду, что это проблемы, требующие еще глубокого и тщательного изучения, и все, что пишет по этому поводу М. Пессель, только предположения автора. Нужны какие-то дополнительные доказательства тому, что минаро были буддистами до тибетцев. Очевидно, требуют

определенного уточнения и суждения М. Песселя о «терпимости буддизма». Буддизм, имея действительно широкое многообразие форм своего бытования, вероятно, не столько был терпим к иным религиям и верованиям, сколько стремился включить их в сферу своего учения.

Во всех своих книгах М. Пессель касался, естественно, вполне любопытного для европейского читателя явления — многомужества (полиандрии). Его конкретные, описания точны и полезны для изучения этой своеобразной формы брака. Ранее М. Пессель, с нашей точки зрения, правильно объяснял полиандрию как явление социальное, связанное со сложившейся практикой наследования. В публикуемой же ныне книге, желая подчеркнуть: древность минаро, длительность их пребывания в тех местах, которые он посетил, М. Пессель трактует полиандрию как признак матриархата. Не говоря уже о том, что матриархат как самостоятельный этап в истории человечества ныне вообще ставится под сомнение, такой вывод автора противоречит заключению современной науки о полиандрии как форме брака у тибетцев и некоторых других народов, живущих в районе Гималаев.

Вообще, читая книгу М. Песселя, следует иметь в виду следующее: автор не дилетант, он знает литературу по истории региона, изучил тибетский язык. Но М. Пессель (он и сам не скрывает этого) человек увлеченный. Он влюблен в свои идеи и доказывает их, точнее, преподносит читателю доказательства их правоты не всегда корректными способами.

М. Пессель — романтик, человек, способный передать читателю ощущение прелести путешествия по нехоженым и малохоженым тропам. Веришь, что «самым дорогим трофеем» его экспедиции было осознание того, что он «увидел легендарную страну», «прошел по суровым и пустынным местам». Пессель

путешествует там, где не ступала или почти никогда не ступала нога европейца. Он искренне восхищается первозданной природой, не тронутой цивилизацией, идеализирует «простоту» и «цельность» жизни местного населения, чуждой забот и страхов современного мира, неустанно ищет гармонию между людьми и природой.

И публикуемое произведение, и ранее изданные книги М. Песселя сообщают много нового о тех районах Гималаев, которые он посетил. Автор с неизменным доброжелательством и теплотой рассказывает о местных жителях. Его книги, бесспорно, могут служить источником для изучения быта людей, населяющих эти труднодоступные районы. М. Пессель владеет пером, и читать его книги интересно. Мы предлагаем читателю разделить с автором трудности пути по холодным и безмолвным высокогорным плато, подняться по бревну с зарубками на второй этаж традиционного тибетского дома и обогреться у очага, почувствовать вкус тибетского пива — чанга, которым так восхищается автор, и главное — разделить с ним уважение к тем людям, которые многие века назад обжили эти суровые районы Земли.

Глава первая. Мечты и действительность

Холодным сентябрьским вечером, в семь часов, в Лотсум прибыли три человека. Среди них был и я. Но мне вряд ли бы кто поверил, скажи я тогда, что приехал искать золото, вырытое муравьями величиной с лисицу!

Но чтобы понять, о чем идет речь, необходимо вернуться в далекое прошлое, к самому началу моей, а вернее сказать, нашей истории, а именно к 450 году до нашей эры, когда Геродот писал знаменитую «Историю». Он стал известен потомкам не только как «отец исторической науки», но и как один из первых ее исказителей, что, конечно, менее лестно. А все потому, что его книги содержат ряд по существу фантастических рассказов, где описываются, например, летучие змеи, самки которых пожирают самцов, а потом

съедаются своим же потомством, или человекоподобные существа с одним глазом, или деревья, покрытые шерстью наподобие овец.

Из всех этих историй ни одна так не поражает воображение, как рассказ о муравьях-золотодобытчиках. В нем Геродот описывает, как где-то на севере Индии муравьи «величиной больше лисицы, но меньше собаки» добывают из-под земли несметное количество золотоносного песка.

Что это — легенда?

Во всяком случае мало найдешь историй, которые пробудили бы в людях такой интерес, как рассказ Геродота о сказочной стране, где гигантские муравьи роют землю в поисках золота. Эта история распространилась по всему миру. Она встречается в китайской, индийской и монгольской литературе, так же как и в исторических документах Тибета. Много раз повторяемая, она, если верить работам великого греческого географа Страбона, подтверждалась Мегасфеном, затем была подхвачена Флавием Аррианом, Дионом Хрисостомом и десятками других классиков древности. Постепенно рассказ начал ассоциироваться с названием одного таинственного народа, собиравшего «золото муравьев», — с дардийцами, или, иначе, дардами. Когда об этой истории прослышали римляне, знаменитый Плиний воскликнул: «Изобильно золото дардов!»

Во всяком случае, переходя из уст в уста, рассказ Геродота запомнился. Наверняка вспоминали его и солдаты Александра Македонского, сидя у костров во время похода в Индию. В течение веков она волновала авантюристов и исследователей, и все-таки, несмотря на все старания, никто и никогда не находил ни золота, ни таинственных муравьев. И в конце концов возобладало мнение, что речь идет еще об одной легенде, об античном мифе.

В этой книге — рассказ о моих собственных поисках, о долгих и запутанных исследованиях, которые завели меня в Гималаи, на границы нашей праистории.

Сейчас уже трудно сказать, когда именно началась моя экспедиция. Сам план охоты за «золотом муравьев» начал созревать еще в самолете, который весной 1979 года должен был доставить меня в Бостон. Этот рейс Нью-Йорк — Бостон был самым обычным, но сердце мое учащенно забилося, когда самолет пошел на посадку. Круг, как говорится, замкнулся. Ровно двадцать лет назад я покинул гарвардскую Школу бизнеса для того, чтобы совершить свою первую экспедицию в Гималаи. Да, двадцать лет прошло с тех пор, как я отвернулся от карьеры бизнесмена, предпочтя приключения безопасности. Приключения, авантюры? Их было много на моем веку. Сейчас, пожалуй, пришло самое время подвести итоги и честно сказать себе, что за двадцать лет я не обрел ни счастья, ни денег.

Может быть, пора покончить с путешествиями, как советовали некоторые мои друзья, или, как прямо говорили другие, надо перестать витать в облаках и спуститься на землю. А все-таки, что ни говорите, в XX веке, путешествуя по Гималаям в поисках поистине неизведанных мест, мне удалось пережить то, о чем я так мечтал в детстве. Но увы, я знал, что рано или поздно эти походы должны закончиться. Да и осталось ли что-либо неизученное или неоткрытое на нашей планете, без конца обследуемой со спутников, сантиметр за сантиметром наносимой на карту, прочесываемой изыскателями и геологами — хорошо еще, если не толпами праздных туристов?

Но я продолжал мечтать о далеких горизонтах и поэтому вернулся в Гарвардский университет, чтобы порыться в его библиотеках и узнать, что уже написано об одном таинственном народе Западных Гималаев.

В первый раз я встретил представителей этого народа в Мулбекхе. Есть Акой город на полпути между Сринагаром, столицей штата Джамму и Кашмир, и Лехом, бывшей резиденцией тибетских властителей Ладакха. Этот район преимущественно тибетской культуры, населенный в основном представителями монголоидной расы, где широко распространен тибетский язык. Естественно, я был весьма удивлен, встретив здесь небольшую группу людей со светлой кожей. У них были также светлые волосы, европейский тип лица и длинный прямой нос. Мужчины украшали голову цветами, что придавало им вид стареющих хиппи. Женщины были поразительно красивы: светлая кожа, серые глаза, тонкий аккуратный нос, великолепные косы.

Что это за люди?

Очень скоро я получил крайне противоречивые сведения. Одни говорили, что это прямые потомки воинов Александра Македонского, другие — что от предков этого народа произошла европеоидная раса и что их поселки в верховьях Инда и есть не что иное, как колыбель этой расы. Когда я поинтересовался, как этот народ называют, мне сказали «дрок-па». Но дело в том, что по-тибетски «дрок-па» значит просто «скотоводы». А так здесь называют всех кочевников.

- - - Государственные границы
 - - - Демаркационная линия между Индией и Пакистаном в Кашмире
 ИСЛАМАБАД Столицы государств
 Равалпинди Прочие населенные пункты
 - - - - - Маршруты
 Мишеля
 Песселя

Мне сразу же захотелось съездить к дрок-па и разузнать о них побольше. Я особенно заинтересовался ими, узнав, что некоторые ученые называют дрок-па дардами, то есть используют то же самое название, каким Мегасфен и ряд других авторов античных времен обозначали жителей страны, где обитали «муравьи-золотоискатели».

Сперва я интересовался не столько золотом и сказочными муравьями, сколько действительным происхождением дрок-па. С годами я пришел к мысли, что в затерянных долинах Гималаев, часто называемых крышей мира, вполне могли сохраниться люди, составляющие, может быть, то недостающее звено, которое соединило бы нас с древнейшими предками. Известно, например, что в Гималаях сохранились некоторые традиции, восходящие к доисторическому прошлому.

Со смутными надеждами развеять, хотя бы частично, тайны этой эпохи в жизни человечества я и вернулся в Гарвардский университет, даже отдаленно

не предполагая, куда заведут меня в конце концов мои поиски.

С ностальгическим чувством прошелся я по старому мосту, связывающему гарвардскую Школу бизнеса с остальной частью университета, и направился прямо в Пибоди-Музеум, в стенах которого характерный запах книг всегда ассоциировался у меня с путешествиями. Пибоди-Музеум был пуст. Большинства знакомых мне преподавателей к тому времени уже не было в живых. А однокашники, будь то американцы или французы, все так высоко забрались по служебной лестнице, что мне, простому смертному, снизу их просто не было видно. И я спрашивал себя: чего добился за двадцать лет, проведенных в погоне за мечтами молодости? Ни золота, ни серебра! В лучшем случае багаж воспоминаний о далеких перевалах и затерянных на краю света монастырях. Некоторые утверждали, что в моем облике даже появилось нечто восточное. И это несмотря на мой длиннющий нос! В общем я чувствовал себя ужасно одиноким в мире своих воспоминаний. Вдруг я стал сомневаться во всем. В том, во что всегда верил. В самом себе. Может быть, я просто безнадежный мечтатель, помешавшийся на своих дрок-па? Наверное, только меня интересовало, были ли они потомками древних племен, оставивших два тысячелетия назад следы своей культуры в изображениях животных на множестве предметов, которые до сих пор находят в Гималаях? Или же, что было бы еще интереснее, они — потомки более древних племен, сохранивших свои обычаи неизменными с каменного века?

Изучая эти вопросы в библиотеках Гарвардского университета, я познакомился с красивой статной женщиной, зеленые глаза которой заставляли забыть ее должность председателя приемной комиссии факультета искусств. Я неожиданно воспрянул духом, расписывая ей красоты Гималаев и тайны, которые эти

горы скрывают от нас. Может быть убеждая себя, я принялся убеждать и ее, что, несмотря на все спутники, летающие вокруг нашей планеты, на Земле есть еще много неоткрытого, много мест, оставшихся неизученными из-за их географической удаленности или, что бывает чаще, из-за сложности человеческих взаимоотношений. Все больше воодушевляясь, я добрался наконец до удивительной легенды о муравьях-золотоискателях. Рассказал и о странных дрок-па.

— Да поймите же в конце концов, — доказывал я все с тем же энтузиазмом, — что если где и можно увидеть ожившее прошлое, так это в Гималаях! В других местах старые традиции вот-вот исчезнут. В Гималаях все иначе. Там есть уголки, куда современная цивилизация еще не добралась. Есть целые районы, где верования, обычаи, медицина являются продуктом медленного формирования, связывающего человека из поколения в поколение с его самыми далекими предками.

В порыве энтузиазма я вдруг, удивляясь самому себе, напрямую спросил ее:

— Почему бы вам не поехать со мной?

И еще больше удивился, услышав:

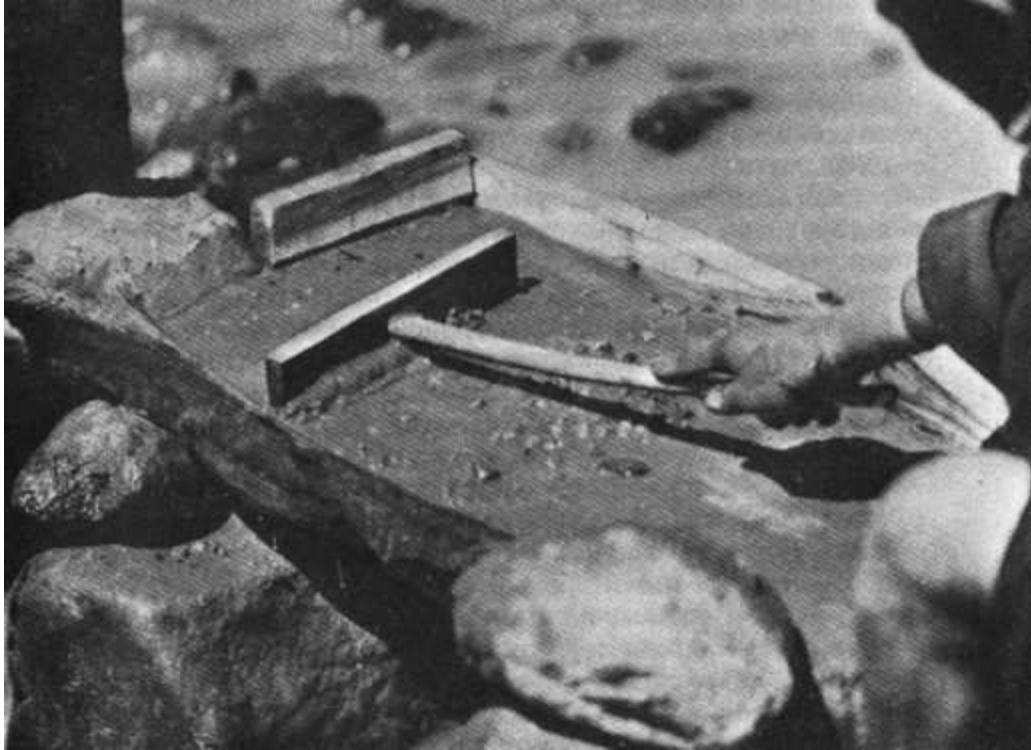
— А почему бы и нет?

Вот так Мисси Аллен стала моей помощницей и спутницей в исследованиях и поисках происхождения легенды о знаменитых муравьях-золотоискателях.

Интересно обследовать глубокие ущелья и перевалы Гималаев. Но мне показалось не менее интересным лазить по пятнадцати этажам гарвардской библиотеки Хейднер в поисках разъяснений и сведений о дардах, описываемых Геродотом, как «самых славных из всех индийцев». Совсем как те легендарные муравьи, я без устали искал сокровища, но скрыты они были не в песке, а на страницах книг. Очень скоро оказалось, что я далеко не одинок в своих поисках. И до меня

месторождениями золота, легендой о муравьях и вопросом происхождения дардов интересовались десятки ученых, среди которых были столь известные исследователи, как Аурель Стейн, Б. Лауфер, и целая группа других ученых, в основном немецких. Некоторые утверждали, что «золото муравьев» должно находиться в Гиндукуше, другие — что его наверняка обнаружат в Центральной Азии, по ту сторону Гималаев. Ведь Геродот рассказывал о верблюдах, на которых люди пытались вывозить золотой песок. Лауфер утверждал, что «золото муравьев» должно находиться у истоков Желтой реки, так как по-монгольски «муравей» — «ширгольи» — очень близко к «ширеголь», что значит «желтая река». Другой немецкий ученый, К. Риттер, уверял, что так называемые муравьи были в действительности сурками и обитали в верховьях реки Сатледж в Центральных Гималаях. Все эти места находятся друг от друга на расстоянии тысяч километров, а используемая аргументация не была ни обоснованной, ни убедительной. Целые книги и бесчисленные статьи были опубликованы по этому вопросу, а найти что-нибудь конкретное еще никому, по-видимому, не удалось.

В 1938 году немецкий профессор А. Херрманн собрал все эти гипотезы в одной книге. Он считал, что вся история с муравьями была чистой водой вымыслом. Может быть, когда-нибудь обычные муравьи и поднимали на поверхность золотоносный песок, только вот размеры их рассказчиками многократно преувеличены. По мнению Херрманна, муравьев стали путать с барсами, также обитавшими в этих местах и наводившими ужас на золотоискателей. «Золото муравьев», утверждал он, должно находиться к югу от истоков Инда, где-нибудь в Ладакхе, где всегда находили этот драгоценный металл.

Так добывали золото в верховьях Инда.

Изучая литературу, я познакомился с точкой зрения, согласно которой история о муравьях-золотоискателях пришла к нам из африканского фольклора и искать страну «золота муравьев» надо в Эфиопии.

Таким образом, тайна оставалась нераскрытой. Многие ученые видели в этой истории легенду или просто очередную выдумку Геродота. «Заболев» в свою очередь «золотой лихорадкой» и имея собственную теорию, я не мог согласиться с подобными выводами. Я чувствовал, что мне надо прежде всего попробовать точно идентифицировать дардов, упоминаемых греками, и посмотреть, сохранился ли кто-нибудь из них, так как только они могли подтвердить или опровергнуть легенду.

В поисках дардов я наткнулся на книгу знаменитого лингвиста Лейтнера под названием «Дардистан». В ней были помещены карта «Дардистана», легенды, песни и даже несколько фотографий дардов, описывались их

обычаи. У меня сжалось сердце. Очевидно, в этой области уже больше нечего делать. Заранее считая себя побежденным, я все-таки решил поискать имя Лейтнера в Большой британской энциклопедии и прочел там: «Он (Лейтнер) стал директором губернаторского колледжа в Лахоре в 1864 году и ввел термин „Дардистан“ для обозначения части высокогорного района на северо-западной границе Индии, что рассматривалось как абсолютно искусственное обозначение». Короче, «Дардистана» Лейтнера, кажется, не существовало. Вот тебе и на! Быстренько я перескочил к букве Д... Дар... Дардистан...

«Дардистан, чисто условное название, данное учеными району на северо-западной границе Индии. В настоящее время не существует ни страны, называемой таким образом ее жителями, ни народа, носящего название „дарды“».

Другими словами, ни Дардистана, ни дардов не существует. Ни народа, ни страны.

Может быть, я только зря теряю время?!

Я начал дальше лихорадочно перелистывать страницы книги «Дардистан». Чем больше я углублялся в нее, тем сильнее разгоралось мое любопытство, смешанное с удивлением. Как вскоре выяснилось, Лейтнер никогда не был у дрок-па Ладакха. Подумав хорошенько, я решил оставить в покое Лейтнера и поискать более современные упоминания о дардах. Это оказалось делом не из легких.

Но я все же нашел блестящую статью «Кем были дарды?», опубликованную в 1978 году исследователем Грэмом Кларком из Оксфордского университета. В ней автор объяснял, что так называемые современные дарды обязаны своим именем главным образом мании все квалифицировать, охватившей ученых XIX века. Эта мания вместе с «наивным эволюционизмом» (согласно которому весь мир, и в частности район Гималаев, были

отмечены сначала взлетом, а затем падением древней цивилизации) побудила многих исследователей взяться уже в XX веке за поиски в Азии народов, упоминаемых греками две тысячи лет назад.

Согласитесь, что начать книгу с цитирования древних авторов, как сделал я (следуя примеру большинства специалистов по Гималаям), а затем отчаянно пытаться совместить «свидетельства древних», часто беспочвенные, с современностью — неблагоприятное занятие. Я лишь пришел к выводу, что до сих пор никто и никогда по-настоящему не опознал дардов Геродота. Вполне возможно, что ни один из нынешних жителей Западных Гималаев не принадлежит к этому народу.

В общем, по-видимому, Кларк был прав: «Нет никаких точных данных о людях, которых принято называть дардами. Более того, вполне возможно, что группа людей, обозначаемых таким образом, состоит из нескольких народностей и племен, не имеющих друг с другом никакой другой связи, кроме территориальной близости. Название „дарды“, данное одному из этих племен, не имеет под собой никакой научной базы...»

Кларк заключает, что царящая неразбериха происходит от публикаций колониальных времен. Добавим к этому изоляцию данного высокогорного района, часто закрытого для посещения иностранцами.

И все же, если дарды не идентифицированы, кто же были эти люди со светлой кожей, которых я видел в Мулбекхе? Тогда я попытался узнать что-нибудь о дрок-па Мулбекха, надеясь, что если они действительно первые жители района, как утверждают некоторые, то, возможно, смогут помочь мне найти разгадку тайны о муравьях-золотоискателях.

Как оказалось, единственным человеком, описавшим обычаи дрок-па, был его преподобие Франке из моравской миссии в Лехе. В этой миссии, одной из

самых отдаленных в Центральной Азии, трудились несколько добросовестных ученых, собиравших материалы по истории района. Среди них был преподобный Маркс, написавший подробнейшую историю средневекового Ладакха. Что же касается Франке, то в его трудах, созданных в начале XX века, описываются некоторые обычаи индоевропейского народа дрок-па. За семьдесят лет, прошедших после исследований Франке, кажется, никто больше особенно не интересовался этими необычными для Азии «белыми» людьми. Мне также стало известно, что Франке и Маркс связывали дрок-па с дардами Геродота, правда не приводя никаких доказательств в пользу этого утверждения. Подобной точки зрения придерживаются и некоторые современные ученые, такие, как профессор Джузеппе Туччи и его коллега профессор Лучано Петех, хотя ни тот, ни другой детально не изучали живущих в труднодоступных долинах дрок-па. Профессор Петех в своей книге «Исследование записок по истории Ладакха» утверждает даже, что «изначально население Ладакха состояло из дардов, потомков которых можно еще обнаружить в данной местности». Хотя еще никто точно не идентифицировал дардов, Петех решается заявить: «Мы можем сказать, что этническая основа людей, проживающих в Ладакхе, без всякого сомнения, дардская, да и топонимика местных названий по большей части созвучна дардскому языку».

«Геродот дважды упоминает дардский народ», — продолжает Петех и добавляет, что Неарх и Мегасфен связывали в свою очередь легенду о муравьях-золотоискателях с дардами. Это важный факт, так как в отличие от Геродота эти два грека много путешествовали по Индии, а Мегасфен даже находился некоторое время при дворе правителя Чандрагупты, владевшего Кашмиром в III веке до нашей эры. Чем

дальше я углублялся в изучение нынешних дрок-па, с тем чтобы узнать, кто же они на самом деле, тем больше у меня возникало сомнений: были ли они действительно теми дардами, о которых говорили греки? Мне казалось совершенно бессмысленным усматривать в этом районе колыбель индоевропейских народов.

Все окончательно запуталось, когда я набрел на книгу некоего Гуляма Мохаммеда о народе шина, чей язык был родственен языку дрок-па Ладакха. Он утверждал, что шина ни в коей мере не принадлежат к индоевропейской семье, а являются потомками арабов. Конечно, это семиты, писал он. И прибыли они либо из Персии, либо из Турции — через Афганистан. Вот тебе и колыбель индоевропейцев!

Я просмотрел все брошюры по этому вопросу в библиотеке и узнал, что еще задолго до Франке в течение некоторого времени дрок-па изучал Шоу, английский представитель в Ладакхе, находившийся там с 1871 по 1876 год. В статье, названной «Индоевропейцы, затерявшиеся в горах Тибета», он дал дрок-па имя «ардеркаро». Шоу составил небольшой словарь языка дрок-па, который он сравнивал с шинскими диалектами на западе долины Гилгита и Астора в Западных Гималаях. Ясно было, что языки родственные, даже если шина и «ардеркаро» совершенно не понимали друг друга. Но в любом случае это были индоевропейские языки.

В результате мне стало ясно, что никто серьезно не изучал этих загадочных дрок-па Ладакха. Предстояло еще открыть немало интересных вещей о дрок-па, они же ардеркаро, они же дарды, они же в довершение всего и минаро, как назвал их преподобный Франке, познакомившийся с ними наиболее близко.

Чтобы не путать потом шина, псевдодардов, ардеркаро и дрок-па, я воспользуюсь в моем

повествовании названием «минаро» для обозначения 800 дрок-па — исповедующих буддизм дардов Ладакха.

Я почувствовал, что пришло время снова отправиться в Гималаи, чтобы узнать, кто же в действительности эти загадочные минаро.

Глава вторая. Счастливая долина

В первых числах июня 1980 года мы с Мисси выходили из самолета, доставившего нас в Сринагар — столицу индийского штата Джамму и Кашмир. Прошли через новое бетонное здание аэропорта — и вот дребезжащее старенькое такси мчит нас к городу. За окном — непрерывная лента рекламных щитов со словами «Добро пожаловать в Счастливую долину!». Нам желают удачно провести время в Сринагаре обувная компания «Бата», банк «Гриндлей», сувенирные фирмы... За щитами почти не видно самой долины, заросшей тянущимися к ярко-синему небу пирамидальными тополями. Это рекламное наступление даже заставляло усомниться, мог ли здесь остаться не

то что до сих пор не исследованный, а хотя бы свободный от сувенирных ларьков и толп вездесущих туристов клочок земли?

Я с беспокойством поглядывал на Мисси, которой вскружил голову своими историями о затерянных в неприступных горах поселениях, в то время как, судя по рекламным плакатам, все туристские агентства мира успели застолбить здесь участки для конных поездок, сафари и даже автобусных экскурсий в буддийские монастыри Ладакха...

Такси затормозило у каменных ступеней, спускавшихся к темной воде озера Дал. Вытаскивая груз из машины, я с радостью заметил Мухаммеда — сына домовладельца, у которого квартировал во время своих предыдущих поездок. Вообще-то домовладельцем в полном смысле слова он не был, так как владел «хаус-боутом», или «плавучим домом». Их было немало здесь, на озере.

С радостной улыбкой Мухаммед устремился ко мне.

— Очень рад вновь видеть вас. Мы молили аллаха даровать вам доброе здоровье. Когда вы приезжаете, нам всегда удается заработать немного денег...

Несколько обескураженный, я поблагодарил его за столь своеобразное участие. Мы придержали нос шикары — местный вариант гондолы, — чтобы Мисси могла в нее взойти, и мы плывем.

Шикара скользила вдоль рядов нарядных «хаус-боутов» с хлопающими под свежим ветром сине-белыми матерчатыми навесами. Появление здесь этих барж связано с одним из любопытных эпизодов богатой событиями истории Кашмира. Британская колониальная администрация поставила главой этого района, населенного преимущественно мусульманами, махараджу индуистского вероисповедания — что потом, кстати, явилось причиной весьма сложных событий. Новоявленный махараджа был на редкость строптивым

и отказался продавать земли в здешних местах англичанам, искавшим в Счастливой долине убежища от раскаленного индийского лета. За неимением земли британцы были вынуждены возводить свои виллы на баржах и, пожалуй, не прогадали. И вот теперь перед нами была целая улица этих «хаус-боутов», удерживаемых канатами у островков, поросших ивами и тополями. В озерной синеве ясно отражались красноватые горы, обступившие эту долину, являющуюся как бы порогом на пути к тайнам Центральной Азии.

Именно через эти места направлялись караваны из Индии в Афганистан, Россию, Китай и Тибет. Долгое время Сринагар оставался крупнейшим торговым центром района. Александр Македонский во время индийской кампании хотя сам и не был в Кашмире, однако пристально следил за ходом его покорения. Две тысячи лет спустя англичане осознали стратегическую значимость Кашмира и присоединили его к другим захваченным ими территориям.

В дальнейшем на территории бывшей Британской Индии образовались два независимых государства — Индия и Пакистан. Начавшимся после этого в Кашмире кровопролитным пограничным столкновением удалось положить конец лишь благодаря вмешательству Организации Объединенных Наций. При содействии ООН в 1949 году были выработаны условия прекращения огня. В результате Пакистан сохранил контроль над территорией северо-западного Кашмира, включающей часть горного массива Каракорум и города Гилгит и Скарду. В последующие годы вдоль линии прекращения огня неоднократно вспыхивали боевые действия. Стоит ли говорить, что подобное обстоятельство отнюдь не облегчало выполнения задач нашей экспедиции.

Необходима была поддержка властей. В отделе экспедиций и альпинизма министерства туризма штата Джамму и Кашмир в такой поддержке мне было четко и недвусмысленно отказано. Это отнюдь не явилось для меня сюрпризом: к несчастью, интересовавшие нас поселения минаро располагались в непосредственной близости от линии прекращения огня. Единственный человек в Джамму и Кашмире, обладающий необходимыми полномочиями для выполнения моей просьбы, был главный министр штата шейх Абдулла.

С волнением ехал я на следующий день к его резиденции. Один из опытейших политиков Азии, этот семидесятитрехлетний старец был для кашмирцев живой легендой, редким человеком, способным благодаря гигантскому опыту и широте взглядов управляться с делами своего беспокойного штата. Во время предыдущих экспедиций я неоднократно встречался с шейхом Абдуллой и теперь очень надеялся на его содействие.

Шейх Абдулла оказал нам самый любезный прием — по его мнению, мои книги и фильмы о Заскаре способствовали привлечению туристов в штат. Главный министр был высокого роста, сохранил юношескую свободу в движениях. Несмотря на традиционную одежду — свободную куртку и белые брюки, — шейх напоминал мне (особенно по манере вести беседу) почтенного бостонского джентльмена. Этот человек был облечен огромной властью и умело пользовался ею.

Все самые радужные надежды вновь вернулись ко мне, когда шейх Абдулла начертал на листе бумаги слова о «важнейшей культурной значимости для государства тех изысканий, которые предпринимает доктор Пессель».

Беседу с нами министр закончил советом начать маршрут с Каргила — торгового городка,

расположенного на середине пути от Сринагара до Леха, главного города Ладакха.

Мисси Ален.

Итак, план первоначальных действий был ясен — кое-что мы сможем сделать еще в Каргиле, а оттуда отправимся в расположенную неподалеку долину Заскар. Там я помимо прочего займусь составлением каталога многочисленных памятников древнейшей культуры — дольменов, менгиров, наскальных

рисунков, обнаруженных в ходе предыдущих поездок в эти места. Я не сомневался, что эти камни смогут в конце концов пролить свет на то, кто же населял здешние места во времена Геродота. Готовясь к отъезду, упросил местные власти направить радиogramму в полицейский участок Каргила. В радиogramме, адресованной моему старому другу и помощнику в путешествиях ламе Нордрупу, содержалась просьба встретить нас в поселке. Затем необходимо было оформить сопроводительные документы для предъявления начальнику полиции и комиссару Каргила. И последняя задача — провиант. В Ладакхе, исключая базары в крупных поселках, практически невозможно раздобыть провизию. Местные жители ничего не могут ни продать, ни обменять — урожаи там таковы, что их едва-едва хватает самим хозяевам.

На следующее утро мы с Мисси побывали в бакалейной лавке почтенного Рама Каула в старой части сринагарского базара. Один за другим наши рюкзаки наполнялись рисом, чечевицей, луком, банками консервов. Все это разместилось в багаже рядом с привезенными с собой спиртовкой, чайником и кое-какой алюминиевой посудой — походным кухонным минимумом. Теперь можно отправляться в горы.

Было свежо, когда на рассвете мы сели в лодку. Все жители «хаус-боута» вышли на террасу, чтобы проводить нас. На лицах одних была написана искренняя грусть расставания, другие, очевидно, уже начали возносить молитвы за наше доброе здравие. Такси доставило нас к городскому автовокзалу. Конечно, это немного прозаичное начало для славной экспедиции на край света, но романтики, надо думать, будет еще предостаточно.

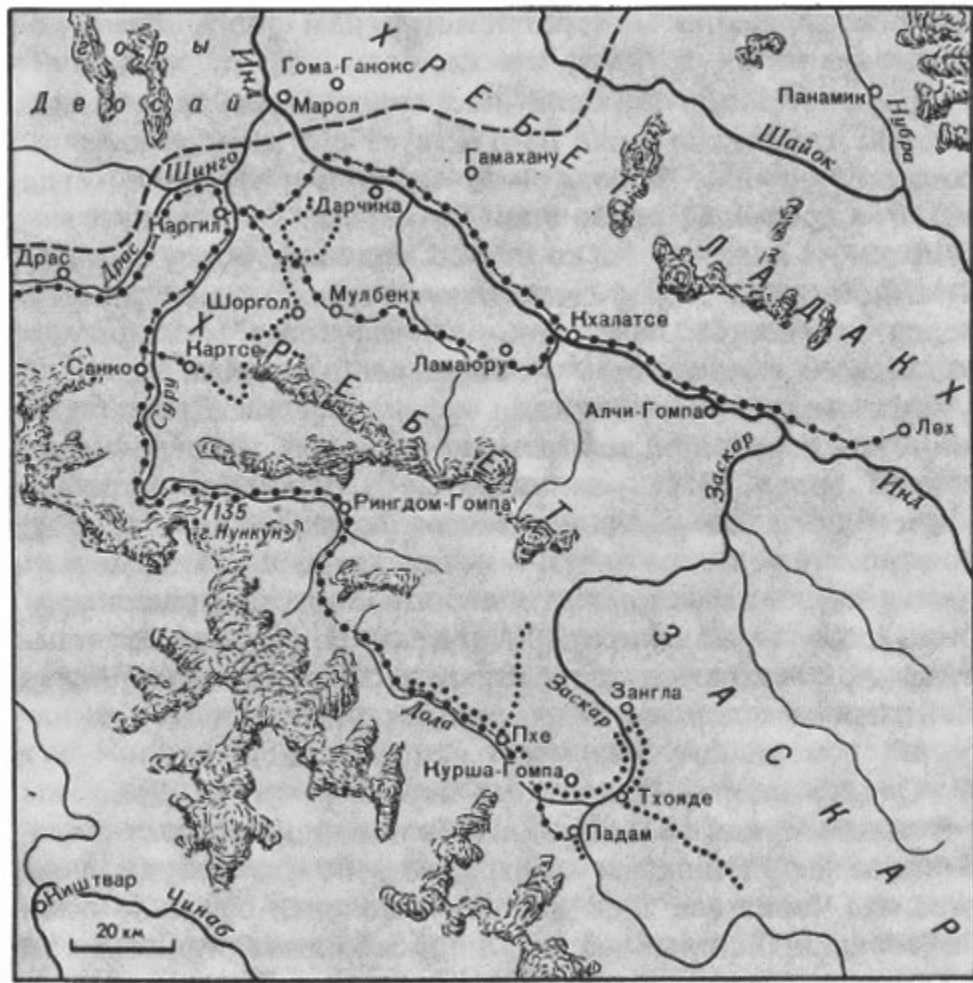
В бледном свете утренней зари я опознал среди таившихся в гараже сонных ржавых «чудовищ» наш

автобус. Из-за помятой крыши и растрескавшихся стекол особого доверия он на первый взгляд не вызывал, однако по собственному опыту я знал, что в Азии самые разбитые с виду машины могут иметь самые новые моторы. Лобовое стекло автобуса было превращено в алтарь гуру Нанака, создателю религиозной общины сикхов. Адепты этого учения, одинаково близкого к исламу и индуизму, известны не только своими бородами и тюрбанами, но и тем, что составляют подавляющее большинство шоферской братии по всей Северной Индии.

Сердце мое дрогнуло, когда наш автобус наконец тронулся, громыхая, как грузовик с металлоломом. Тремя часами позже, сопровождаемые скрипом изношенных тормозных колодок, свистом шин и криками детей, мы начали нелегкий подъем к тритысячесемисотметровому перевалу Зоджи-ла — северным воротам из Кашмирской долины во внешний мир. Мы медленно ползли в гору. Из окна была видна лежавшая под нами пропасть глубиной тысяча семьсот метров. Прошлым летом туда сорвался грузовик с пассажирами. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, я обратил внимание Мисси на растущие по склону кривые березы — последние деревья на нашем пути к каменистым пустыням высокогорного Ладакха. Но вот мы миновали перевал, и взору открылся целый лабиринт горных хребтов и ущелий, созданный, казалось, фантазией мрачного божества. Это было царство холода и камней, разительно отличавшееся от оставшихся внизу цветущих долин.

Да, мы вступали на совершенно особый «континент», последний очаг сопротивления древней тибетской культуры на пути наступления современной цивилизации. Это был мир ветра и камня, монахов и монастырей. Это был мир, в котором понятие «душа» считалось таким же реальным, как, скажем, лежащий

на дороге камень. Здесь все люди — друзья, что естественно и необходимо в этих малонаселенных местах, где только с помощью улыбки можно попытаться покорить суровую и всемогущую природу. Удивительно, но эти безрадостные места подарили свету один из самых веселых и отзывчивых народов на Земле. За годы, проведенные в этих краях, я остро ощутил всю прелесть жизни среди каменистых пустынь и высоких пиков, почувствовал своеобразную горечь не только тибетского ячменного пива, но и тибетского юмора. И теперь я был счастлив вновь оказаться в этом мире, где нас ожидали нелегкие поиски ответов на многие мучившие меня вопросы.

Маршруты Мишеля Песселя: пеще — — — — — другие Ледники

Какова была жизнь в этих краях до прихода тибетцев? Я просто обязан был сдернуть покров тайны с туманного прошлого, радости и огорчения которого ^оставляют нам в наследство столько не подвластных логике чувств, предчувствий, предпочтений и предубеждений. Это наследие не имеет ничего общего с рутинной нашей технократической цивилизации, рожденной бронзовым и железным веками. Тайн остается еще достаточно, и я надеялся, что люди из племени минаро помогут нам разгадать некоторые из них.

Глядя на окружающий нас суровый пейзаж, я надеялся, что Мисси тоже почувствует его загадочное очарование, которое невозможно постичь разумом. Когда автобус проезжал через один из первых поселков, я высунулся из окна, чтобы со струей ледяного воздуха вдохнуть приятный запах сена. Безумно люблю эти минуты перед прибытием на место, минуты, когда можешь позволить себе помечтать о самом несбыточном.

Мы медленно проезжали через поселок Драс, большинство населения которого составляют представители народа балти. Здесь занимаются в основном выращиванием овса. Язык балти входит в тибетскую группу, по вероисповеданию балти — мусульмане. Остальные жители поселка принадлежат к народу шина, их предки прибыли сюда из Кашмира в XVII веке. Шина, как мы помним, причисляются некоторыми авторами, например Лейтнером, к дардам. Язык шина родственен языку минаро, на поиски которых мы и направлялись.

Следуя вдоль обрывистого берега речушки Драс, мы очутились среди голых скал в безжизненной местности. Бесплоднее здешней земли трудно себе что-нибудь представить. Через два часа впереди зазеленел оазис — поля на террасированных склонах, обсаженные

тополями и абрикосовыми деревьями. Мы прибыли в Каргил, на патриархальных улочках которого множество лавочек напоминало о былой славе этого древнего перевалочного пункта бесчисленных некогда караванов.

Когда автобус остановился, я заторопился к выходу — нужно было проследить за выгрузкой багажа. Отряхивая насквозь пропылившуюся одежду, я с наслаждением втягивал в себя неповторимые запахи каргилского базара. Аромат пряностей смешивался с тяжелым духом, исходившим от козьих туш, дым очагов, растапливаемых ячьими кизьяками, соединялся с парами бензина — все это свойственно именно Каргилу. За те годы, что я не был здесь, городок успел несколько измениться. На месте двух стареньких гостиниц появились кубики новых отелей, заманивавших утомленного путника рекламой совершенств своего санитарного оснащения и электрооборудования.

Да, к своему огорчению, я вынужден был констатировать: за прошедшие годы индустрия туризма в здешних местах явно шагнула вперед. В 1979 году, например, Ладакх посетило около десяти тысяч туристов, и местные власти надеялись на дальнейшее увеличение этого потока.

Пришло время вспомнить о властях. Презрев соблазнительные вывески новых отелей, я отправился к выстроенной в викторианском стиле гостинице для официальных посетителей. Там меня встретил мой старый знакомый Гулям Мухаммед Какпори, белая рубашка и безукоризненно отглаженные брюки которого на секунду заставили забыть о пыли базара. Какпори прекрасно говорил по-английски. До того как занять нынешний пост, он учился в Сринагаре. Вернувшись в родной город, Какпори устоял от искушения заняться традиционной для Каргила коммерцией и целиком посвятил себя изучению истории

здешних мест. Его заметили в министерстве туризма и зачислили в штат сотрудников. В обязанности Какпори входило содействие развитию туризма в Ладакхе.

Надо признать, что этот край древних монастырей, где монахи в просторных красных одеждах обращаются к вам по-древнетибетски, стал пользоваться огромным интересом у туристов. Постепенно начали сказываться и последствия такого интереса. Некоторые монахи стали приторговывать четками, серебряными светильниками, свистками из берцовых костей и другой монастырской утварью. Теряя веру в традиционные ценности, монахи десятками покидали монастыри и отправлялись на поиски светских заработков, не зная, куда в конечном итоге это их приведет.

Наутро я едва поднялся с кровати — мое викторианское ложе очень напоминало обеденный стол и на вид, и на ощупь. Кое-как размявшись, спустился на залитый холодным утренним светом базар. Базарная толпа, которая показалась бы неискушенному наблюдателю просто серой и беспорядочной, для меня была олицетворением истории миграций здешних народов по древним караванным путям.

Вот овальные лица уйгуров, а вот люди с раскосыми монгольскими глазами. Чуть дальше — точеные носы и смуглая кожа индийцев, а за ними — смоляная борода вольного пуштуна. Подле ив, растущих на краю базара, стоят тибетские яки, а в мой прошлый приезд на этом же самом месте расположились пришедшие из Синьцзяна верблюды.

Чуть прикрыть глаза — и нетрудно вообразить, как выглядела эта площадь во времена, когда путешественникам не нужно было ни машины, ни проездных билетов. Тогда единственным способом оплаты дальнего проезда была торговля. По сути дела повествование Марко Поло — это справочник,

информирующий о том, где и что нужно покупать, а что продавать. И это отнюдь не только из-за принадлежности знаменитого путешественника к касте торговцев. Иначе тогда невозможно было финансировать путешествие: возить с собой громадные запасы золота не только обременительно, но и весьма небезопасно.

Среди жителей Ладакха есть представители двух рас: монголоидной и европиоидной.

Самым знаменитым из всех караванных путей в Азии, несомненно, тогда был Великий шелковый путь, которым и воспользовался Марко Поло. Этот маршрут шел из Китая в Самарканд, затем на Черноморское побережье и оттуда в Западную Европу. Былая слава этого пути совершенно затмила другой маршрут — Восток — Запад, который пролегал через Тибет и на котором как раз и лежал Каргил. Из Китая дорога шла по высокогорным тибетским плато, населенным кочевниками, затем, миновав Лхасу, продолжалась

вверх по течению Брахмапутры вплоть до ее истоков, скрытых в горных долинах, которые простираются до верховьев Инда. Вдоль этой могучей реки, минуя город Лех, нужно было идти до поселка Кхалатсе, где был сооружен мост для переправы на противоположный берег. Здесь дорога раздваивалась: одна шла на юго-запад, в Кашмир, через Каргил, другая — в Афганистан через Скарду и Гилгит.

Я увлеченно рассказывал Мисси, как во II и III веках нашей эры по этому маршруту двигались посланцы кушанских царей, насаждавших буддийскую веру в Средней Азии. Этой же дорогой хлынули в VII веке армии первых тибетских владык, покоривших весь район Западных Гималаев и утвердивших здесь свой язык, обычаи и религию.

В период между X и XV веками все теми же дорогами шли на восток мусульманские завоеватели, и Каргил лежал на пути проникновения ислама в Гималаи.

Первым европейцем, побывавшим в Каргиле, считается Диего д'Альмиедо, португальский мелкий торговец. Он прибыл сюда в 1600 году. Будучи человеком бесхитростным, он вообразил, что увиденные им в Ладакхе буддийские монастыри основаны в свое время несторианами^[13]. По возвращении д'Альмиедо информирует епископа Гоа о своем открытии, которое поражает почтенного священнослужителя до глубины души. Следующим в Каргил попадает в 1616 году католический миссионер из ордена капуцинов. Затем, уже в 1717 году, через Каргил проезжает некий брат Дезиреди из ордена иезуитов. Он направляется в Лхасу, где на короткое время обосновывается католическая миссия.

У меня при себе в качестве путеводителя были «Путевые заметки» Муркрофта, написанные в 1823

году. Муркрофт (ветеринарный врач по специальности) был первым англичанином, посетившим Каргил. Он же — первый, кто обратил внимание на людей, живущих в окрестностях Каргила, до странности похожих на европейцев.

Увы, Муркрофту не суждено было вернуться из той поездки. Составив описание Ладакха, он через Каракорум направился в Хотан, где и умер от лихорадки. Его слуга и спутник сохранил путевые заметки, которые впоследствии были изданы.

Надо сказать, что Муркрофт, очевидно, умел подбирать проводников. В своих заметках он отводит немало места рекомендациям по этому поводу, подробно разбирая достоинства и недостатки представителей тех или иных этнических групп. Я, однако, в этих советах уже не нуждался. В свое время владелец одной из каргилских харчевен порекомендовал мне в качестве проводника некоего Нордрупа из местных монахов. Выбор оказался так хорош, что я не только не мечтал о лучшем спутнике, но теперь попросту не мог и представить себе экспедицию в Ладакх без Нордрупа.

Глава третья. Человеческие жертвоприношения

К моей великой радости, Нордруп прибыл в поселок еще за два дня до нашего приезда. С высоты своих ста шестидесяти пяти сантиметров он снизу вверх смерил быстрым взглядом Мисси и воскликнул:

— Пе чимбу! (Вот это рост!)

И расхохотался. У Нордрупа были ярко выраженные монголоидные черты лица, череп же относительно узкий, вытянутой формы. Такое смешение монголоидных и европеоидных черт можно наблюдать у большинства жителей Ладакха.

— Ну, а еще что новенького? — поинтересовался наш будущий проводник с лукавой улыбкой, не отрывая

взгляда от лица Мисси. А затем, как бы извиняясь за свою несдержанность, добавил:

— Я привез тебе лекарство от душевных ран.

Произнеся эти слова, Нордруп принялся рыться в бесчисленных складках красного, покрытого дорожной пылью длинного балахона, доходившего ему до щиколоток и оставлявшего открытыми взятые у меня годом раньше башмаки (они были ему явно велики). Наконец он извлек из глубин балахона бутылку с моим излюбленным напитком. Это питье, очень похожее на ячменное виски, приготовил специально для меня его брат. Вручив мне бутылку, Нордруп начал с воодушевлением рассказывать о последних новостях в жизни Заскара.

Нордруп объяснил, что мое послание он получил совершенно случайно, встретив на горной тропе одного человека, который и сообщил о моем приезде. В Заскаре жизнь шла нормально. Из важных событий Нордруп выделил одно — в район прибывает далай-лама. Одновременно с его приездом должна будет состояться церемония открытия автомобильного движения по дороге, которая свяжет наконец Заскар с внешним миром. Таким образом, как я вынужден был с грустью констатировать, через считанные дни настанет конец долгому уединению этой долины, считавшейся до сих пор одним из самых недоступных районов мира.

Отныне благодаря дороге Заскар станет частью общества потребления, узнает счет деньгам, и, следовательно, молодежь начнет покидать родные поселки и потянется на заработки в города...

Я попытался объяснить все это Нордрупу, но слова мои не достигали цели. Он был невероятно счастлив от того, что теперь сможет добираться на грузовике до Каргила за два дня вместо четырех-пяти дней пешком. Вдобавок по новой дороге скоро прибудет его святейшество далай-лама.

— До того как он приедет, тебе нужно обязательно успеть съездить в Ролагонг, — заметил Нордруп. — Ты увидишь, где мы собираем лекарственные травы.

Это был намек на известную только местным жителям долину, своего рода заповедник горных трав. Все врачеватели окрестных монастырей отправлялись туда для сбора тех лекарственных растений, которые наряду с волчьими лапами и сушеными задними лапками лягушек составляют основу их чудодейственного врачебного арсенала. Посетить эту долину было одним из самых горячих моих желаний.

На следующий день мы влезли в грузовик, идущий в Заскар. Водитель завел мотор, и машина, отчаянно сигналив, стала пробираться сквозь толпу. Так началось наше двухдневное путешествие, сопровождавшееся немилосердной тряской по ухабам и выбоинам, которые местные жители безуспешно пытались засыпать к приезду его святейшества. Сквозь завесу пыли нам редко удавалось рассмотреть окружающий нас великолепный пейзаж. От самого Каргила дорога постоянно шла в гору по величественной долине реки Суру, которую окружали скалистые горы, увенчанные искрящимися снежными пиками. Тут и там по долине были разбросаны селения, похожие на оазисы. Время от времени луч солнца освещал серебристые купола маленьких мечетей. Мне вспомнилось, что Херрманн считал эту долину тем местом, где, возможно, находились легендарные золотые прииски, упоминавшиеся Геродотом. Это предположение нужно было проверить.

Последние семьдесят пять километров дороги, проложенной по долине реки Суру, проходят по безлюдной местности, где царят ледники. Они спускаются с двойной цепи горных вершин, самая высокая из которых, Нункун, достигает 7135 метров над уровнем моря. Эта долина завершается небольшой

каменистой площадкой, окруженной со всех сторон горами. Здесь, на высоте 4400 метров, четыре бурные речушки спускаются с гор, омывая стены монастыря Рингдом, западнее которого ламаистских монастырей уже нет. Рингдом-Гомпа («гомпа» по-тибетски — «монастырь») расположен в одном из наиболее холодных мест обитаемой части планеты. На протяжении всего года ртутный столбик термометра опускается ночью ниже нуля. Но величавая красота этих мест заставляет забывать о суровости природных условий. Дальше за Рингдомом, по другую сторону перевала Пенси-ла, простирается затерянная в горах ледяная долина Заскара.

Первую после прибытия ночь мы провели в палатке, которую поставили рядом с монастырем. Вечером, когда мы сидели, греясь у нашей маленькой печки, Нордруп рассказал о своей последней мечте: построить дом, настоящий дом, и переселиться туда из своей хижины, где всего одна-единственная комната. Дом он построит от начала и до конца сам, а начнет строительство года через четыре, может, через пять, когда подрастут тополя, посаженные им около его нынешнего жилища. Была у Нордрупа и еще одна мечта — перегородить проходящий через его поселок горный поток и устроить водяную мельницу, чтобы молоть ячмень. Для осуществления этого ему нужно будет целую неделю шагать по горным перевалам, пройти по ледникам ущелья Умази-ла (5350 метров над уровнем моря), чтобы принести на своих плечах бревно, подходящее для изготовления мельничного желоба. Из этого примера ясно, насколько ценна здесь древесина. Мисси, внимательно слушавшая рассказ, была поражена: перед ней во всей своей красе представляли реальные условия будничной жизни обитателей Заскара. Моя спутница по нынешней экспедиции немало повидала на своем веку:

она объездила всю Европу, свободно говорила на четырех языках. Теперь для нее открывался совершенно иной мир. Мир, где техника была простой и понятной, мир, в котором физический труд был не только необходимостью, но и доставлял удовольствие. Словом — мир Гималаев.

Лагерь экспедиции в долине реки Доды близ Гиагама.

Мисси всегда была неплохой спортсменкой, и, по ее собственным словам, мотопробеги и конные прогулки привлекали ее гораздо больше путешествий в кузове грузовика. Впрочем, ей удалось великолепно приспособиться к условиям Гималаев, и, глядя на нее, никто бы не подумал, что эта женщина никогда раньше не ночевала в палатке. Вскоре наше жилище со всех сторон окружили местные дети и их родители. И маленькие, и большие показывали нам свои ссадины и порезы. Вот где пригодились запасы бинтов и всевозможных таблеток. Рост Мисси явно произвел

ошеломляющее впечатление на детей, но при помощи улыбки и скромных знаний тибетского языка ей быстро удалось вполне расположить их к себе и даже добиться того, чтобы наши маленькие гости обратили внимание на протекавший рядом ручей.

— Та-та пух-пух! — повторяла Мисси. — Сначала поди вымойся, а потом уже я тебя перевяжу. Да-да, вымойся, вымойся... Весь...

Плохо ли, хорошо ли, но дети ее понимали или по крайней мере старались понять. Облившись прямо в одежде ледяной водой с головы до ног, они возвращались и становились в очередь к «ани-ла», как они ее называли. Мисси раздавала конфеты, перевязывала ссадины, и чувствовалось — теперь она поняла, что меня всегда так привлекало в жителях Гималаев. Их жизнерадостность и сердечность завоевали не только мое сердце — в свое время они покорили Лейтнера, Шоу и многих других мало склонных к чувствительности викторианцев.

На следующий день мы заняли свои места в кузове грузовика и снова покатали по ухабам сквозь облака пыли. К вечеру, преодолев спуск по западному склону хребта Заскар, грузовик доставил нас в селение Сунри, где жил Нордруп. Сунри состоит из трех десятков беленых саманных домиков с маленькими, зарешеченными окошечками. Заскар — один из самых высокогорных районов в мире, снег лежит здесь шесть месяцев в году. В холода жители долины спускаются в подвальные помещения без окон и согреваются возле очагов, которые топятся ячьими кизьяками — единственным горючим материалом в этой безлесной местности. За теми редкими деревьями, которым, несмотря ни на что, удается закрепиться на здешней почве, жители поселков ухаживают так, как мы ухаживаем за цветами. И Нордруп ухаживал за тополиной рощицей, посаженной им возле своей

хижины и предназначенной для постройки дома его мечты. В этом игрушечном леске мы и разбили свой лагерь.

Утром нас разбудили крики ребятишек, гнавших овец на пастбище. Эхо их голосов сливалось в единый хор с журчанием ручейка, протекавшего неподалеку. Когда я откинул полог палатки, моему взору предстали остроконечные вершины Большого Гималайского хребта. Воздух здесь, на высоте 4000 метров, был кристально чистым, и я совершенно четко видел скалы и ледники, находившиеся от нас на расстоянии многих километров. В этом пейзаже не было полутонов, граница между светом и тенью проходила резко, так же, как, к примеру, граница между темной и освещенной частями лунного диска. Северная сторона Гималаев, куда не доходит дыхание муссона, — это ледяная пустыня с необычайно суровым климатом.

Я задавал себе вопрос, что же заставило людей поселиться в этой столь обделенной природой местности? Оттеснили ли их сюда из более приветливых мест враги, как уверяют иные ученые мужи? Или же их, как и меня самого, привлекла суровая красота? В конце концов уссурийский тигр явно не мечтает переселиться в тропические джунгли, и уж наверняка никто не в состоянии со всей точностью определить, где больше нравится перелетным птицам — в странах с жарким или умеренным климатом. Общечеловеческая тяга к тропикам и солнечным пляжам — явление чисто современное.

И все-таки жить на такой высоте нелегко. Нам понадобилось около полутора месяцев для полной акклиматизации. Для идеального же приспособления к подобным высотам нужна не только привычка, но и соответствующие изменения в организме. Вспомним необычайно большой объем легких у перуанских индейцев. Жители Тибета и Гималаев объемом грудной

клетки и прочими деталями строения тела не отличаются от родственных народов, живущих на окрестных равнинах. Впрочем, типичный для всех представителей монголоидной расы широкий нос хорошо согревает вдыхаемый холодный воздух, а пухлые, обильно снабженные кровеносными сосудами кисти рук и щеки прекрасно приспособлены к длительному пребыванию на холоде. Существовали ли в этих местах исконные обитатели Гималаев, исконные горные жители, такие, как перуанские инки? Ответ на этот вопрос и должна была искать наша экспедиция.

Мы еще не оправились толком от переезда, куда более утомительного, чем пеший переход, как я приступил к поискам материальных памятников древнейшей истории Заскара, в частности рисунков на камне. Я надеялся, что благодаря им нам удастся узнать что-нибудь о первых обитателях долины. Прежде всего мы с Мисси отправились к подножию утеса неподалеку от поселка, где ранее я заметил крупный обломок скалы, покрытый изображениями горных козлов. Художник нарисовал целое стадо этих животных, которых преследовали два охотника с луками. Рядом с охотниками были изображены несколько собак, гнавшихся за стадом или старавшихся окружить его. Эта сцена была выбита на скале распространенным в большинстве районов Гималаев способом: острым твердым орудием, вероятно, просто обломком камня художник наносил множество точек, выстраивая их в линии. Специалисты так и называют эту технику — «точечная». Животные были нарисованы в весьма упрощенной, если не сказать стилизованной манере, изображения же людей походили на детские рисунки. Но в целом рисунок производил впечатление строгого изящества и законченности.

С того момента, как в возрасте двенадцати лет я впервые срисовал со стены одной из пещер

изображенного там тысячи лет назад бизона, меня не переставало восхищать изобразительное искусство каменного века. Совершенство, с которым выполнены наскальные рисунки этой эпохи, свидетельствует о прекрасно развитом художественном вкусе наших предков, мастерски владевших искусством стилизации. Все это с полным правом можно отнести и к авторам изображений, представших перед нашими глазами в самом сердце Гималаев.

Меня не покидало чувство, что этот обломок скалы в окрестностях Сунри имел некое особое значение. Но какое именно? Какова была цель художника? Почему нарисована именно сцена охоты и именно в этом месте? Да и кто в конце концов был автором творения? Я уже знал, что подобные изображения горных козлов довольно часто встречаются в Тибете, Ладакхе, а также на севере Пакистана. Профессор Туччи утверждал, что «подобные рисунки столь широко распространены в Азии, что невозможно сколько-нибудь точно установить их происхождение или связь между их появлением в разных районах».

Такой вывод всегда казался мне слишком мрачным. Опускать руки не хотелось: я был глубоко убежден, что рисунки выполнены в более чем отдаленные времена и по ним мы можем многое узнать о древней истории Гималаев и Центральной Азии.

Тибет и Гималаи долгое время оставались недоступными для иностранцев, и поэтому многие факты даже новейшей истории района, не говоря уже о древнейшей, остаются неизвестными или малоизученными. Лично я древнейшей историей увлекся благодаря счастливому стечению обстоятельств. В 1959 году, во время моей первой экспедиции в Гималаи, меня пригласили посетить один из поселков вблизи Леха. Там я впервые услышал об азиатских «небесных камнях», по поверью местных

жителей упавших с неба в незапамятные времена. Мне показали небольшую коллекцию каменных топоров и кремниевых орудий, найденных у подножия сожженного молнией дерева. Неподалеку от этого дерева в скале был вход в небольшую пещеру, куда я не преминул спуститься в поисках других орудий. Вот тогда и зародился мой интерес к древнейшей истории Гималаев. Теперь этот интерес привел меня в Заскар вновь.

Описанные выше изображения горных козлов совершенно аналогичны изображениям в европейских пещерах эпохи мезолита. Тридцать из ста шестидесяти пяти известных мезолитических пещер Европы покрыты подобными рисунками, которые встречаются и в других частях света. Тысячелетиями горные козлы были желанной добычей человека. Уже в эпоху верхнего палеолита люди охотились на них.

Вскоре в Заскаре многие узнали о моем интересе к изображениям «скина», как здесь называют горного козла. За ничтожный отрезок времени я исходил с друзьями Нордрупа все окрестности поселка и осмотрел множество рисунков на камнях. Эта охота за нарисованными козлами привела меня и на высокогорные пастбища, расположенные в нескольких часах ходьбы от поселка.

Вскарабкавшись туда с немалым трудом по горным тропам, я подумал, что на этой высоте можно, пожалуй, встретить и живых горных козлов. Я запечатлел на пленку камни с рисунками в надежде, что когда-нибудь мне удастся их датировать. Задача эта, впрочем, будет явно не из легких. Ученые располагают сегодня новейшими методами датировки, включая изотопные. Однако, увы, способа точной датировки скульптурных изображений и рисунков на камне пока не существует.

Я уже готов был оставить всякую надежду датировать рисунки, как мне необыкновенно повезло. Я

обнаружил сразу несколько изображений козлов на скалах, превращенных в буддийские чхортены — вертикально установленные каменные монументы, покрытые сложным рисунком. Дело в том, что рисунок чхортенов был нанесен на камень явно поверх изображений горных козлов, и при этом был выполнен в той же манере! Сами же чхортены были весьма разнообразны по сложности исполнения — от простого конуса на грубо отесанном цоколе до сложной ступенчатой пирамиды, увенчанной развевающимися флагами.

Не приходилось сомневаться, что эти чхортены были сооружены в весьма давние времена, в отдельных случаях, возможно, в первые годы распространения буддизма в Гималаях. Некоторые из них следует отнести, видимо, к I веку нашей эры. В это время на северо-западе Индостана располагалось государство царя Канишки, который, как считали местные жители, и основал первые монастыри в Заскаре. Эти сведения говорили в пользу моей датировки чхортенов.

Я с интересом обнаружил, что рисунки на наиболее древних чхортенах по цвету были значительно светлее, чем располагавшиеся под ними изображения сцен охоты. Таким образом, некоторым изображениям горных козлов должно было быть уже более двух тысяч лет. Но если это и так, то данный факт ни в коей мере не приподнимает завесу ни над тем, кто же был автором охотничьих сцен, ни над тем, по какому поводу они были изображены.

Обсуждая этот вопрос с Нордрупом подле керосиновой печурки посредине нашей большой палатки, я пытался растолковать ему причины своего интереса к каменному веку и объяснить, зачем мне так необходимо было установить, кто населял Заскар в древности. Впрочем, у Нордрупа на все были готовые ответы. Он хорошо помнил легенду о сотворении мира:

вначале Гималаи были огромным озером, затем постепенно воды ушли. Человек появился не сразу — сначала на месте озера в горных пещерах жили лишь обезьяны. Эти обезьяны спустились с гор на берега бирюзового озера, в водах которого обитала богиня. От богини и обезьян и произошли первые люди.

— Видишь, — заметил с улыбкой Нордруп, — наши предки и впрямь жили в пещерах, как ты мне и говорил.

Дело в том, что перед этим я рассказывал Нордрупу о жизни людей эпохи неолита и поведал ему, что давным-давно европейцы жили в пещерах. Нордруп был восхищен тем, что наши теории в этой точке пересеклись. Он безоговорочно верил всему, чему учила его религия. Ярый буддист, Нордруп провел большую часть жизни в монастыре Курша, где состоял в должности помощника главного эконома. В этом качестве он должен был собирать зерновую «десятину» с семей, проживающих на землях монастыря. Поэтому он и объездил все поселки и был знаком почти со всеми родами Заскара.

— В Заскаре полным-полно камней с козлами! — заявил мне Нордруп, занятый приготовлением ужина. — Но только к чему отыскивать все?

Объяснить, какова была моя цель, оказалось трудно. Это было нелегко отчасти оттого, что я и сам себе не мог до конца объяснить причины своего увлечения каменным веком. Думаю, что она кроется в естественном любопытстве ко всему касающемуся нашего собственного прошлого. Меня всегда удивляло, как мало мы знаем о первых шагах человечества. Трудно описать волнение, которое я испытал раньше, когда на Филиппинах было обнаружено неизвестное племя, стоящее на уровне развития каменного века. Я пристально вглядывался тогда в лица этих людей, надеясь прочесть ответ на все мучившие меня вопросы об истоках человеческой цивилизации.

Впрочем, не будем забывать, что есть немало и других людей на планете, еще недавно живших почти как в каменном веке. Южноафриканские бушмены, жители Андаманских островов, некоторые племена аборигенов Австралии и Новой Гвинеи — вот лишь несколько примеров. Выходит, что каменный век — это не такое уж далекое прошлое человечества. В конце XIX века на Земле оставалось еще как минимум три группы племен, не умевших добывать огня: пигмеи, жители Андаманских островов и аборигены Тасмании. Все они пользовались огнем, но находили его или в природе, или у соседних племен.

Изучение этих народов позволило узнать немало нового. Однако они не принадлежали к европеоидной расе, и поэтому их изучение пролиvalo мало света на жизнь наших европейских предков. Кто оставил нам столько чудесных произведений наскальной живописи, а также величественные памятники Стоунхенджа в Британии? Кто воздвиг солнечные менгиры, стоящие до сих пор, подобно часовым, на полях Франции и других европейских стран? Бог знает, чего бы я не отдал за то, чтобы узнать, кто воздвиг этих немых свидетелей эпохи, о которой мы так мало знаем! А если мы узнаем, во что верили эти люди, как жили, о чем мечтали?.. Были ли это племена, стоявшие на одном уровне с бушменами и аборигенами Тасмании, или они превосходили их по своему развитию? Да и узнаем ли мы когда-нибудь все это? С незапамятных времен орды чужеземных завоевателей уничтожали в памяти народов Европы воспоминания об их прошлом. От каменного века до наших дней дошло немало различных вещей, традиций же сохранилось несоизмеримо меньше, хотя некоторые обряды и традиции в селах Европы еще сохранили последние следы ритуалов каменного века. До нас дошли сказания о феях, единорогах, духах леса, сохранились остатки

культа дуба и других деревьев. К этому следует добавить странные табу, а также разрозненные воспоминания о суровых культах, требовавших человеческих жертвоприношений. Все эти воспоминания крайне смутны и туманны; все они — последние тени исчезнувшего мира, вытравленные из нашего сознания не только ордами варваров, но и христианской церковью, не проявляющей, как и ислам, терпимости по отношению к прежним верованиям.

Буддисты в отличие от христиан и мусульман значительно более терпимы в этом отношении. Поэтому в Заскаре не предпринималось никаких систематических попыток вытравить из памяти его жителей воспоминания о прошлом.

Осматривая с Нордрупом рисунки на камнях, я постоянно задавался вопросом: почему такое количество изображений горных козлов и ни одного изображения какого-либо другого животного? Свидетельствовало ли это о некоем особом значении, придававшемся горным козлам, и если да, то о каком? Рога и черепа козлов, как и черепа баранов, являются, судя по всему, одним из наиболее древних «символов веры». Наиболее простой случай их применения известен по захоронению в городище Тешик-Таш в Узбекистане. В могильнике рядом с уложенным в зародышевом положении телом ребенка, а вернее, вокруг него были разложены козьи рога. Это захоронение примечательно еще и тем, что относится к стоянке неандертальцев и является, следовательно, одним из древнейших примеров похоронных обрядов.

В значительно более поздний период козья голова с длинными рогами становится наиболее часто встречающимся изображением на первых бронзовых и керамических изделиях Китая. Козья голова, стилизованная в особой, удивительно напоминающей искусство майя манере, есть и на многих изделиях

эпохи Шан. Некоторым из этих изображений, которые носят название «таоте», более трех тысяч лет.

Из старинных китайских рукописей нам известно, что тибетские племена задолго до основания тибетского государства почитали в качестве божества горного барана. Рукописи гласят, что имя божества было Овис Ходгсони, на Западе же он был известен как Овис Амон. Любопытное совпадение — верховное божество древних египтян, Амон, также воплощался в образе барана.

Одним из многочисленных титулов, которые присвоил себе Александр Македонский, был титул «Сын Амона». По этой причине он нередко изображался с бараньими рогами — знаменитыми «золотыми рогами» Александра. Это, конечно, не означает, что существует какая-то прямая связь между культом Амона и древними верованиями народов Тибета. Но кто знает...

В ходе своих поездок мне весьма часто приходилось видеть бараньи черепа, прибитые над дверями домов и воротами храмов. Считалось, что они защищают от сил зла.

В Мустанге мне довелось присутствовать на церемонии изгнания злых духов из стен города. Злых духов должна была унести с собой изгоняемая из города коза. Это только один из многих примеров ритуального изгнания коз и козлов, уносящих с собой людские несчастья и выполняющих, таким образом, роль знаменитого «козла отпущения». Отголоски этого обычая сохранились и в христианской религии: вспомним «божьего агнца», который принимает на себя все людские грехи. Не является ли это пережившей свое время частью верований эпохи каменного века?

Нордруп, Мисси и я начали обход разбросанных по центральной части Заскара селений. Ночевали у многочисленных друзей Нордрупа, ложась спать на полу после долгих вечерних разговоров за ужином,

который Мисси готовила на очаге, где горели ячьи кизяки. Мы пили чай с маслом и ели сдобренный пряностями рис.

Нам удалось обнаружить множество изображений горных козлов, а также многочисленные менгиры — вертикально поставленные камни. Наиболее примечательными были менгиры в окрестностях монастыря Суру, одного из самых древних в округе. Камни установлены там по кругу. Высота самого большого из них (не считая врытой в землю части) добрых три метра. После их установки прошло очень много времени, прежде чем камни были покрыты изображениями, относящимися к буддийскому культу. Эти грубо выполненные рисунки имели неправильную форму — очевидно, исполнителю пришлось приспособливаться к форме монолитов, выбранных не им самим.

Менгиры Заскара указывали на весьма отдаленную связь, которая когда-то могла существовать между Европой и районом Гималаев. Первым ученым, обнаружившим эту связь, был Николай Рерих. Этот удивительный человек, ученый и художник, в 1925 году совершил со своим сыном научную экспедицию по степям Центральной Азии.

В ходе этой экспедиции Рерих установил, что значительная часть Азии, традиционно считавшаяся исконной землей монголов и тибетцев, была до их прихода населена другим народом. Рерих нашел несколько захоронений с останками людей, имевших удлинненную форму черепа. Он считал, что захоронения принадлежат представителям скифских племен, о поселениях которых в Северном Причерноморье мы знаем от античных историков. Широкое представление о скифском искусстве дают золотые предметы с изображениями животных из знаменитой сокровищницы ленинградского Эрмитажа. Рерих во

время своей экспедиции обнаружил черты скифской культуры в отделке предметов (например, рукояток ножей, мешочков для хранения кремня и огнива), изготовленных уже в новое время некоторыми тибетскими народами.

Еще удивительнее другое открытие Рериха — менгиры, подобные тем, что создавались в Европе в эпоху неолита. В До-Ринге, возле соленого озера Пангонг, Рерих и его сын обнаружили значительный по размерам комплекс: восемнадцать параллельных рядов менгиров и каменных плит, ориентированных с запада на восток и ведущих к двум полукружиям менгиров. В центре высились еще три каменные колонны и алтарный стол. По словам Рериха, этот грандиозный комплекс в самом центре Тибета имел точно такую же структуру, как Карнакский комплекс во Франции. Ученый обнаружил также несколько других подобных комплексов и множество менгиров, разбросанных по всему Тибету.

Именно изыскания Рериха навели меня на мысль, что в Тибете и Гималаях могло сохраниться еще немало свидетельств культуры далеких предков. Если в других местах древние традиции исчезли, вытесненные новыми культурами, то здесь благодаря терпимости буддизма к прежним верованиям они, может быть, сохранились.

В этом поселке менгиры расположены кольцом.

За годы, проведенные мною в экспедициях по Гималаям, мне удалось обнаружить множество памятников прежних культур: менгиры в Бутане, пещерные жилища в Мустанге, сохранившиеся до наших дней ритуалы добуддийских верований в Гималаях и теперь — менгиры и наскальные изображения в Заскаре. Действительно, в Заскаре нам посчастливилось обнаружить около тридцати менгиров — одиночных и сгруппированных по три. Они напоминали мегалитические менгиры Европы, а также аналогичные сооружения, обнаруженные Рерихом в различных районах Тибета. Любопытный факт: в Заскаре существовала традиция перед Новым годом рисовать в домах на стенах кухонь горных козлов. По местному поверью, это должно было принести в дом счастье. Рисунки делаются на закопченных стенах ячменной мукой и по своим очертаниям удивительно напоминают древние наскальные изображения! В

Заскаре существует также обычай изображать горных козлов по всему пути следования похоронных процессий, сопровождающих тела умерших. Покойников затем сжигают за пределами поселка для того, чтобы «душа усопшего не беспокоила жителей селения».

Все это были чрезвычайно интересные факты, но они мало что давали для исследования первоначальных причин изображения горных козлов. Профессор Петех считал, что когда-то существовал культ, связанный с горным козлом. Осмотренные же нами рисунки нисколько не походили на культовые изображения. Горные козлы изображались без всякого божественного ореола, их размер не был увеличен, рисовалось обычно сразу целое стадо, за которым охотились люди с луком и стрелами. Мисси обнаружила рисунок, на котором за козлами охотятся с пращей — не вполне приемлемый способ обращения с божеством.

Мы все еще задавались вопросом, чем все эти наскальные рисунки могли помочь нам в решении задач экспедиции, когда дорога привела нас в поселок Кончет, возвышающийся, подобно крепости, над центральной частью Заскара. Посреди поселка находился рассеченный камень, служивший местным жителям объектом божественного поклонения. Как известно, в старые времена в Европе также поклонялись подобным камням. Во многих европейских странах по ним были названы города и поселки. Каковы истоки этого культа? Некоторые предания утверждают, что камни трескались не от мороза, а от удара молнии. Вспоминаются в этой связи каменные топоры и наконечники стрел, упавшие, по верованиям жителей Ладакха (а также и европейских народов), с неба во время грозы.

Рассеченный камень в Кончете был покрыт изображениями охотничьих сцен. И здесь фигурировали горные козлы! Значит, все-таки эти рисунки имеют культовое значение?

Култ рассеченных камней — один из древнейших в мире.

Еще небезынтересный факт: над камнем был сооружен алтарь, посвященный «обитавшему» на ближайшей горной вершине божеству. В Гималаях часто можно встретить следы очень древней, мало

изученной добуддийской религии. О ней говорят обычно как о «вере людей» в отличие от буддийской «божественной веры». Ее истоки, по всей видимости, восходят к эпохе неолита. Основу религии составляет поклонение местным божествам, «обитающим» на вершинах гор. Земля, согласно этой вере, принадлежит горным божествам, они же — божества войны и помимо этого ведают отношениями людей с землей: защищают посевы, вызывают дождь. В их честь воздвигают пирамидальные груды камней или менгиры, которые часто украшают рогами горных козлов и баранов, реже — рогами яка, а также можжевельновыми ветками.

Существует ли какая-либо связь между наскальными изображениями горного козла и его рогами, венчающими святилища божеств?

Осматривая рассеченный камень в Кончете, я старался в который уже раз разгадать смысл изображений охотничьих сцен, столь похожих на рисунки, обнаруженные в Иране, на Аравийском полуострове, в Сахаре и по всей Европе. Не являются ли изображенные на этом камне люди с луками родичами европейских художников каменного века?

Я начал уже терять надежду на раскрытие этих тайн. Все больше мне приходилось убеждаться вслед за профессором Туччи, что «невозможно сколько-нибудь точно установить происхождение» изображений горных козлов.

Изыскания не продвигались ни на шаг. Все чаще приходила мысль о том, что мы зря теряем здесь время.

Однажды вечером к нашему костру подсел староста деревни Сунри. Разговор, как обычно, пошел все о тех же горных козлах, и вдруг неожиданно он заявил:

— Если вы так хотите увидеть людей дрок-па, почему же не отправились в Хамелинг?

Я помнил селение Хамелинг, расположенное на западной окраине Заскара, на дороге к перевалу Пенси-

ла. В этом селении мне довелось отведать чанга — превосходного ячменного пива. Это было вполне заурядное, окруженное посевами ячменя селение, состоящее из полутора десятков домов. В центре его возвышался традиционный чхортен.

— Говорят, — продолжал староста, — что слово Хамелинг происходит от «Хану-линг».

Я не верил своим ушам.

— Все в округе знают, что там живут дрок-па, — добавил староста.

Дело в том, что Гамахану, или Хану, — это название одного из трех основных селений минаро в верховьях Инда. Я все еще не смел поверить услышанному. К моему удивлению, Нордруп подтвердил слова старосты.

— Почему же ты мне не сказал этого раньше? — спросил я у него. Оказывается, Нордрупу это просто не пришло в голову. По его словам, Хамелинг был единственным селением дрок-па в Заскаре. Самое крупное из них называлось Гиagam. Был еще небольшой поселок Ремала.

Я решил немедленно отправиться в эти селения.

Утром следующего дня мы собирали вещи для перехода в Гиagam. Я нанял вьючного пони. Мы уложили палатки и пополнили запасы провианта. Мисси оседлала серую лошадь Нордрупа. В Гиagam с нами отправлялся Че-Ванг, улыбчивый, лукавый подросток. Предстоящий переход был для него настоящим приключением. Че-Ванг брался помогать нам в разбивке лагеря и был восхищен возможностью провести несколько дней в обществе столь редких в этих краях чужестранцев. Нас же во всех отношениях устраивала перспектива иметь местного попутчика, который мог рассказать нам что-то новое о здешних обычаях.

Мы начали подъем по западным отрогам Заскара вдоль блестящих ледников. По дороге у меня постоянно вертелась в голове мысль: «Должно быть, это ошибка. В

Заскаре нет селений минаро». Мы находились более чем в ста пятидесяти километрах от известных до этого поселений минаро, расположенных по другую сторону большого горного хребта Заскар, в котором самый доступный перевал находится на высоте 5300 метров! К тому же Заскар считался древним пристанищем тибетской культуры. Его жители — типичные монголоиды — были потомками обитателей Тибета. Диалект, на котором они говорят, ближе к диалекту, известному в центральной части Тибета, чем к наречию, распространенному в Ладакхе. Быть может, дрок-па, о которых мне говорили староста Сунри и Нордруп, были не представителями народа минаро, а обычными тибетскими кочевниками, пришедшими с высокогорного плато Рупшу, что к востоку от Заскара? Но эти кочевники, вне всякого сомнения, принадлежали к монголоидной расе...

Я был настроен гораздо скептически, чем Франке, который в своей одержимости культурой минаро находил ее следы чуть ли не повсеместно. Однако и он утверждал в своей «Истории Ладакха», что «Заскар никогда не был колонизирован дардами (минаро)».

Мы продвигались между заснеженными пиками под звук колокольчиков, которыми была увешана сбруя лошади Мисси. Я начал понимать, насколько длительные переходы благоприятствуют размышлениям. Мне захотелось представить себе, какими были Гималаи тысячи лет назад. Горы Заскара были, конечно, такими же, как и сегодня. Вряд ли существенно изменились климат, флора, фауна. Но какими были в те времена жители Гималаев? Где они жили — в пещерах, в сложенных из камней хижинах или — почему бы и нет? — в настоящих домах? Почему не представить себе, что древние люди были способны добыть глину и бревна для постройки дома? Мы зачастую мало верим в способности наших предков,

забывая, что человек, обладавший художественным восприятием мира (вспомним еще раз о наскальных рисунках), вполне мог использовать свои руки и мозг для решения куда более простых задач. Современная наука не дает оснований считать людей эпохи неолита глупее нас самих. В конце концов, чтобы применять нынешние достижения техники, нужно куда меньше умственных усилий, чем мы привыкли считать. Лично я никогда не считал, что специалисты НАСА^[14] по своему развитию стоят выше лингвистов или археологов. Разве люди гуманитарных профессий глупее инженеров? По крайней мере странно оценивать людей каменного века лишь с точки зрения развития техники, не пытаясь проникнуть в их душу, рассматривать их как каких-то сверхобезьян. Это ли не снобизм, свойственный западной культуре? Так, жители викторианской Англии искренне считали ношение обуви основным признаком цивилизованности.

Было около четырех часов пополудни, когда, миновав селение Ремала, мы прибыли в Гиagam. Силы Мисси были на исходе, она жаловалась на боли в коленных суставах. Эти боли вынуждали ее во время переходов практически не покидать седла, а тибетские седла особым удобством не отличаются. Это грубые деревянные сооружения с выступающими отовсюду углами, которые бесполезно прикрывать ковриками или одеялами. Мне чуть ли не половину жизни пришлось провести в седле, однако и я не мог выдержать более нескольких часов конных переходов по здешним горам без того, чтобы не слезть с лошади и немного пройтись, отдыхая.

Есть такая тибетская пословица: «Если лошадь не может донести всадника до вершины холма, то это не лошадь, если мужчина спускается с холма на лошади,

то это не мужчина». Но в конце концов Мисси и не была женщиной...

Мы заранее договорились разбить лагерь в Гиагаме — самом крупном из предполагаемых селений минаро. Вид у строений был весьма обветшалый, а жители с первого взгляда казались мало дружелюбными. Мы решили расположиться выше по склону, за маленьким святилищем, побеленным известью, рядом с несколькими чахлыми ивами, которые Нордруп величал лесом. Нам эти деревца, растущие среди каменистых склонов и заснеженных вершин, доставили немало радости.

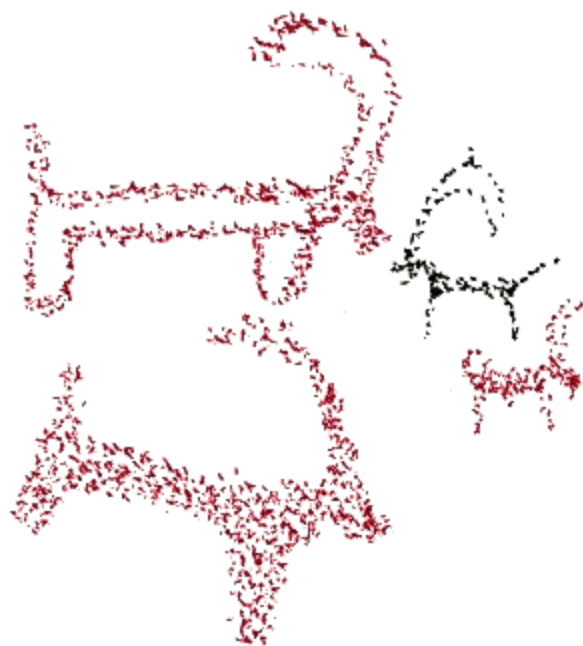
Наш лагерь располагался на высоте около 4300 метров. Далеко внизу виднелась похожая отсюда на крошечный ручеек река — приток Заскара, носящий название Дода. Белые домики нижних селений походили на куски сахара, разбросанные по зеленому ковру ячменя. Заскар относится к наиболее высокогорным районам распространения земледелия. Во многих поселках зерновые не успевают созреть до прихода зимы, и ячмень убирают, когда стебли еще не пожелтели.

После установки палаток мы слишком устали, чтобы отправиться в поселок. Я отдыхал, сидя на окружавшей «священный лес» Гиагама стене, и наблюдал за тем, как солнце садится за горные пики. До этого «священные деревья» мне доводилось видеть только в Бутане. Там верят, что деревья служат пристанищем для богов земли. Могла ли существовать какая-нибудь связь между верованиями жителей Бутана и предполагаемых минаро Гиагама?

В тот вечер мне долго не удавалось уснуть. Если здешние жители действительно окажутся представителями народа минаро, то это будет невероятно много значить для моих исследований! В-первых, этнографическая программа экспедиции

начнется гораздо быстрее, чем мы надеялись. И потом это подтвердит предположение, что минаро населяли в прошлом значительно более обширную территорию, чем они занимают сегодня. Если так, то вся история этого народа предстанет в совершенно ином свете.

Глава четвертая. Художник каменного века

На следующее утро я проснулся от монотонного бормотания Нордрупа. Он читал молитвы по бережно обернутой в желтый шелковый лоскут маленькой книжечке, которая постоянно была при нем. Религиозное рвение Нордрупа неизменно поражало меня; впрочем, вера его не отличалась чрезмерной суровостью и уважение к религиозным догмам вовсе не входило в противоречие с лукавым нравом нашего спутника. Он зорко подмечал людские слабости, но не спешил осуждать, а мягко посмеивался над ними.

Я был рад, что Мисси и Нордруп быстро нашли общий язык. Мисси не обижалась, когда тот подтрунивал над тем, как она произносила тибетские слова.

Отец Нордрупа был бедняком. После его ранней смерти Нордрупу пришлось самому заботиться о себе, работая на обеспеченных людей из монахов. Перетаскивая на спине их пожитки, бегая за покупками, юноша при этом успевал постигать основы сложной ламаистской религиозной доктрины. Его неиссякаемая энергия проявилась и в ходе нашей экспедиции. Поначалу он никак не мог взять в толк, зачем нам понадобилось изучать события столь глубокой старины, но постепенно и он почувствовал вкус к изысканиям и, подобрав полы сутаны, бегал по горным тропинкам в поисках наскальных рисунков или неумоимо расспрашивал местных стариков и монахов, используя их богатейшую коллективную память.

Именно здесь, в окаменевшем в своем средневековье Заскаре, я начал понимать, что, пожалуй, каменный век не так уж далек от нас, как может показаться. В этой тихой долине, к примеру, не было социальных бурь или экономических потрясений, которые могли бы разорвать изначальную связь времен. И все-таки, что касается прошлого нашего друга Нордрупа, то с чем его нужно связывать — с Востоком или с Западом? Этим вопросом я и задавался, когда меня отвлек от размышлений сам их объект. «Джулай! (Добрый день!) — воскликнул он и добавил со смехом: — Ну-ка вылезай, иди сюда, меме!» «Меме» на местном диалекте значит «дедуля» — так я называл его, когда хотел поддразнить.

Нордруп сразу же занялся приготовлением завтрака. Тут уж мне пришлось окончательно стряхнуть с себя сон и присоединиться к нему. Талант кулинара явно не входил в число достоинств нашего друга. Накануне вечером, когда Мисси слишком устала, чтобы готовить ужин, Нордруп преподнес нам по миске разваренного до кашицеобразного состояния риса, наперченного так, что перехватывало дыхание.

Приготовление пищи было последней из его забот — сам он довольствовался горсткой ячменной муки, размешанной в чае с кусочком масла. Сливочное масло было для Нордрупа примерно тем же, чем для нас икра. Его взор оживлялся всякий раз, когда он бережно развязывал кожаный мешочек, где хранился запас этого ценнейшего из продуктов. Мне постоянно приходилось останавливать Нордрупа, когда по доброте душевной он порывался сдобрить маслом и наш чай или какао. В таких случаях Нордруп сокрушенно качал головой и в одиночестве смаковал свой густой, жирный напиток. И сегодня за завтраком мне опять пришлось быть настороже, чтобы помешать нашему другу побаловать нас своим любимым блюдом.

Склонившись над очагом, я чинил карандаш и мысленно набрасывал план действий на день. А включиться в работу мне пришлось очень скоро. Пятеро местных ребятишек появились перед входом в палатку и подняли возню, стараясь заглянуть внутрь и поглядеть на прибывших в поселок чужеземцев. Сразу же бросилось в глаза — и это чрезвычайно меня порадовало, — что черты наших маленьких гостей не носили никаких признаков монголоидной расы (за исключением, может быть, одинаково темных глаз).

Самые смелые мои надежды начали подтверждаться, когда к палаткам подошли двое взрослых жителей поселка. Я завел с ними разговор на тибетском языке, а Нордруп при необходимости уточнял мои слова на заскарском диалекте.

Пока они говорили, я внимательно вглядывался в них. Удлиненный овал лица, прямой костистый нос, глаза слегка миндалевидной формы без кожной складки у внутреннего угла, характерной для большинства монголоидов... Наши гости были одеты в длинные красные халаты из домотканой материи, рукава которых закрывали кисти рук. Талию обхватывал

матерчатый красный пояс чуть более яркого оттенка, чем халат.

Гости подтвердили, что на левом берегу Доды действительно было три поселения минаро и что в два новых поселка на правом берегу реки стекались жители, которым не хватало свободной земли на левом. Их предки обосновались здесь, в долине, выйдя из поселений минаро на реке Инд, но это было, по словам гостей, сотни лет назад.

Указав на впечатляющие развалины на склоне хребта над поселком, они сообщили, что когда-то это была их крепость. Гости не помнили имен своих прежних предводителей. «У минаро уже не было тогда царей», — объяснили они. Когда-то у них был вождь, отличавшийся немалой жестокостью, его звали Гиялпо Понг Хан, что в переводе означает царь Ослиное Копыто. У него была тяжелая рука, и от нее пострадал не один минаро. В конце концов, не чая избавиться от тирана, минаро разожгли огромный костер и, усевшись вокруг, пригласили вождя присоединиться к ним. Когда царь Ослиное Копыто сел у огня, кто-то воскликнул: «Смотрите, кто идет!» Вождь обернулся — и был брошен в пламя. На следующее утро люди нашли в пепле обугленные кости, похожие на останки осла, — лишнее подтверждение того, что вождь и в самом деле был животным. Впрочем, сказали мне, это легенда. Как случай цареубийства, она, естественно, явление особое, но отражает и нечто типичное, а именно чрезвычайно смелый образ мышления народа минаро (в этом мне еще предстояло убедиться).

Каждый год, на 21-й день 11-го месяца, в память описанного выше события жители Гиагама разводят огромные костры у дверей своих домов и усаживаются вокруг них. Этот день знаменует для них окончание старого года и начало нового.

Один из моих собеседников подтвердил, что жители Гиагама — родственники обитателей поселка Гамахану. Оттуда и вышли местные жители пятнадцать поколений назад в поисках новых мест охоты на горного козла. Так здесь и появились три поселка — сначала Хамелинг, затем Гиагам и, наконец, Ремала, первая деревушка, если идти вниз по долине.

Весьма немногие из опрошенных прямо говорили, что помнят язык минаро, но постепенно нам удалось выяснить, что все взрослые владеют этим диалектом. Он является архаической формой языка шина.

Во время одного из моих нескончаемых опросов Мисси тихонько вышла из палатки. Через несколько часов она вернулась чрезвычайно возбужденная.

— Здесь видимо-невидимо изображений горных козлов! Я сделала несколько десятков кадров, а там еще очень много рисунков.

После полудня, миновав «священную рощу», мы начали карабкаться по гигантской каменистой осыпи, спускавшейся до самого русла реки. Большинство местных поселков были построены в нижней части подобных осыпей. Между глыбами этого застывшего камнепада Мисси привела меня к месту, где находились десятки крупных осколков породы, на гладкой коричневатой поверхности которых нанесено множество изображений. Самым распространенным было изображение горного козла, но встречались и сцены охоты, а также, как нам показалось, батальные сцены: люди, вооруженные луками и другим оружием, определить которое было сложно. На некоторых глыбах умещалось до пятидесяти изображений горного козла. Иногда камни с этими изображениями носили очертания чхортена, как бы олицетворяя то, что буддизм взял-таки верх над древним культом. Точно так же и в Европе можно встретить эту живую эволюцию

символов культа в виде крестов, вырезанных на поверхности менгиров.

Я был восхищен и крайне заинтересован находкой. Поражало не столько количество обнаруженных рисунков, сколько то, что некоторые из них, очевидно, были сделаны совсем недавно. По дороге в лагерь я обнаружил неподалеку от нашего «священного леса» еще несколько камней с изображениями. За «лесом» же возвышались два прямоугольных алтаря, составленные из положенных друг на друга камней. По-видимому, они предназначались богам земли. И еще удивительная находка: в ограду, окружавшую «рощу», был вмурован расколотый камень, подобный тому, что мы видели в Кончете.

Вечером мы продолжили беседы при свечах в самой большой из наших палаток. Не оставалось более никаких сомнений, что мы находились в чрезвычайно старом поселении народа минаро. Народа, совершенно отличного от прочих обитателей Заскара, говорившего на своем диалекте и сохранившего — вскоре мы в этом убедимся — древние обычаи и обряды своих соплеменников из долины Инда. Единственное существенное различие заключалось в одежде. Мужчины здесь носили обычные для Заскара длинные шерстяные халаты, а самой характерной деталью женских туалетов был так называемый перак — головной убор, столь же странный, сколь и примечательный. Перак — это что-то вроде кожаной шапочки, расшитой бирюзой и жемчугом, с двумя каракулевыми наушниками. Такие шапочки составляют все приданое здешних девушек.

Я знал, что девушки народа минаро из поселков Дах, Гамахану и Гаркунд не носили перак, предпочитая ему некое подобие фригийского колпака со складкой наверху, который украшался булавками, монетами, лентами и засушенными цветами. Головной же убор

заскарских девушек весьма напоминал головные уборы жителей Ладакха, а также аналогичные уборы калашей, живущих в пакистанском округе Читрал.

Мои расспросы относительно происхождения изображений горного козла поначалу не дали никакого результата.

— Кто знает... — отвечали мне.

Однако опыт исследований в Гималаях меня уже кое-чему научил. По всей видимости, мои новые знакомые просто предпочитали не упоминать о своих древних обычаях в присутствии Нордрупа (все-таки монах). Хотя люди минаро в Заскаре утверждали, что привержены буддизму, эта приверженность казалась не абсолютной. Если среди прочих жителей долины в каждой семье было как минимум по одному-два монаха, то на весь поселок Хамелинг монахов было всего двое, двое было в поселке Ремала и лишь один в Гиагаме. Пять монахов на сорок семей — маловато для этого края монастырей.

Мало-помалу, по мере того как мне удавалось завоевать доверие наиболее знающих жителей поселка, круг моих представлений начал расширяться.

Оказывается, традиционным верховным божеством у жителей Хамелинга, Гиагама и Ремалы считается бог Бабалашен (что значит, если дословно перевести это имя с тибетского, Отец Большая Гора). Считается, что обитает Бабалашен на самой высокой горе по другую сторону долины. Ему был посвящен один из алтарей за «священной рощей». Все это вполне укладывалось в рамки «религии людей» и не отличалось от древних верований Тибета. Но я узнал также, что второй алтарь был посвящен божеству по имени Аби-Лхамо (Богиня-бабушка), известной также под именем Му-Ширингмен («му», или «мун», на языке минаро значит «фея»).

Жители поселка объяснили мне, что охота на горных козлов всегда была основным занятием минаро.

Первой колонией в долине был, как мне объяснили, не Гиагам, а Хамелинг, в окрестностях которого находятся пещеры, где обитали предки современных минаро. Услышав это, я насторожился. А мои собеседники все с тем же спокойствием пояснили, что до появления лука и стрел их предки охотились на горных козлов, загоняя их к краю обрывов, откуда животные падали и разбивались. Чтобы справиться с этой нелегкой задачей, люди сооружали особые ловушки. Не веря своим ушам, я попросил повторить объяснение.

— Да, это было до лука. Нужно было, чтобы козлы падали со скалы. Для этого люди делали ловушки с вращающимися лопастями-площадками. Спасаясь от охотников, козлы добежали до края обрыва, наступали на деревянную площадку, а она под их тяжестью поворачивалась. Козлы падали с обрыва. «Конечно, это было очень, очень давно», — заключил мой собеседник.

Сердце мое готово было выпрыгнуть из груди. Правильно ли я понял? «Очень давно»! Но ведь лук и стрелы были известны, например, скифам уже три тысячи лет назад! Все-таки какая-то здесь ошибка. Даже коллективная память не может хранить события столь большой давности. Европейская наука всегда полагала, что до появления лука человек охотился с помощью топоров, дубин и копий, а ловушки появились позднее. Да, древние охотники могли загнать на край утеса медведя или какого-то другого зверя, но горный козел! Чтобы это ловкое и быстрое животное упало со скалы, несомненно, необходимо было остроумное изобретение вроде только что описанного лопастного барабана. Все-таки не верилось. В конце концов откуда в этой безлесной местности взять достаточно дерева для сооружения такой ловушки? Хотя, кто знает, всегда ли эта местность была безлесной?

В высокогорном поселке Хамелинг живут минаро.

Размышляя над всеми этими загадками, я уже начал склоняться к тому, что рассказанное мне было лишь плодом фантазии. Однако примерно то же самое позднее мне предстояло слышать многократно и в более подробном изложении от минаро долины Инда. Единственным отличием в рассказах было то, что, по словам некоторых моих собеседников, вместо вращающегося барабана с лопастями могла использоваться закрепленная деревянная площадка, стоящая в неустойчивом равновесии на трех камнях. Когда животное запрыгивало на нее, площадка опрокидывалась, сваливая козла в пропасть, после чего занимала исходное положение. Трудно представить, чтобы столько не знакомых друг с другом людей решили вдруг так одинаково пофантазировать.

Меня уже перестали удивлять получаемые сведения. Мало того, что нам точно удалось определить принадлежность жителей Гиагама, Ремалы и

Хамелинга, а также поселков Бакартсе и Марутсе, расположенных на другом берегу реки, к народности минаро, нам посчастливилось продвинуться вперед в поисках истоков этого народа, традиции которого, похоже, следовало отнести к глубокой древности.

Мне удалось выяснить, что, за исключением Бакартсе и Марутсе, которые выплачивали по десять рупий в год Рингдомскому монастырю, поселки минаро в отличие от прочих населенных пунктов долины не высылали людей на обработку монастырских земель и не были обложены налогом в пользу монастырей. Отношение буддийских монахов к селениям минаро было, таким образом, совершенно особым. Как давно существуют эти привилегии? Ответ на этот вопрос должен помочь выяснению, кто же был коренным населением Заскара и кто пришлым — минаро или тибетцы. Впрочем, по словам одного старика монаха, самым древним поселением долины традиционно считается Хамелинг.

Продолжив в дальнейшем свои расспросы относительно места горных козлов в верованиях минаро, я узнал, что все эти благородные животные, как считалось, подчинялись однороговому вожаку — единорогу! В то же время дикие стада этих животных во главе с вожаком принадлежали Царице фей Му-Ширингмен и Бабалашену. Охотники, чтобы им сопутствовала удача, должны были заручиться благожелательным отношением Царицы фей. Для этого, как мне объяснили, перед тем как отправляться на охоту, необходимо было пройти обряд очищения, окулив тело дымом от можжевельных веток. Этот благовонный дым, по мнению людей минаро, имел свойство очищать как тело, так и душу. Отметим, что, согласно преданиям, прежде здешние высокогорья были покрыты зарослями можжевельника, и это, несомненно, имеет реальную основу. Еще и сегодня в совершенно

безлесных и безводных уголках Заскара и Ладакха можно встретить столетние можжевельные стволы, каким-то чудом уцелевшие на этой каменистой земле.

Прошедшие очищение при помощи можжевельного дыма охотники, чтобы завоевать благосклонность Царицы фей, в ночь перед охотой не должны были прикасаться к женам. Группа охотников удалялась на ночь в отдельный дом, принеся перед этим на алтарь Бабалашена фигурки козла, сделанные из сливочного масла и ячменной муки.

— Масло, разумеется, из козьего молока, — уточнил один из моих собеседников.

Снова упоминание об этом странном табу народа минаро! Как и у минаро, живущих на берегах Инда, у минаро Заскара корова считалась нечистым животным. Ее мясо и молоко в пищу не употребляются. Минаро должны даже проходить обряд очищения, если прикоснутся к корове или яку, когда занимают их у соседей другой народности для обработки полей. Для минаро корова — самое нечистое из всех созданий, и это удивительное табу запрещает даже носить одежду из ячьей шерсти и обувь из кожи яков и коров. Подошвы башмаков у минаро сделаны из козьей кожи. Нельзя также растапливать очаг ячьими кизьяками, что, надо отметить, создает немало трудностей — ведь речь идет об основном виде топлива в этой местности.

Все это на редкость удивительно для людей, живущих на территории Индии, где эти животные считаются священными! Минаро же испытывают прямо-таки настоящее омерзение к корове. Может быть, описанные обычаи — свидетельство исключительной давности происхождения народа минаро? Но на этот вопрос отвечать положительно или отрицательно было еще рано.

Странное табу одновременно дарило мне надежду и отнимало ее. Отнимало потому, что минаро в принципе

— это то же самое, что дрок-па, то есть кочевники-скотоводы. В наши дни кочевники как в Тибете, так и в Гималаях не мыслят существования без своих стад, в особенности ячьих и состоящих из помеси яка и коровы — «дзо». Как верблюда называют кораблем пустынь, так и яка можно назвать кораблем высокогорий. Трудно представить себе скотоводов без яка. От него кочевники получают не только шерсть для изготовления одеял, мешков, шатров, конской сбруи, веревок. Мясо яка идет в пищу, а самки яка — их называют «дри» — дают прекрасное молоко. Як к тому же используется и как верховое и вьючное животное. Культуру тибетских и гималайских кочевников можно практически квалифицировать как «культуру яка». Местные предания изобилуют историями о свирепых диких яках — животных благородных, хотя и опасных.

Как совместить все это с полным неприятием минаро яков и коров? Но это неприятие тем не менее действительно существует, и сегодня еще их стада состоят исключительно из коз и овец. Совершенно очевидно, что основными занятиями этого народа всегда были охота на горных козлов и разведение домашних коз.

Тем не менее, продолжая расспросы, я обнаружил, что большая часть мужского населения Гиагама, Хамелинга и Ремалы отваживалась нарушать табу на говядину и коровье молоко. Семьи отступников не желали делить с ними очаг, и поэтому пища для них готовилась в отдельной посуде и на отдельном костре. Жены осмелившихся нарушить табу вынуждены были готовить два обеда — «чистый» и «нечистый». Впрочем, посуду после своего «нечистого» обеда мужья отправлялись мыть сами — женщины не желали лишней раз прикасаться к оскверненным предметам.

К козам, в особенности к диким горным козам, отношение было совсем другое. Ведь даже перед

охотой на них охотники должны были пройти сложную процедуру очищения, чтобы не разгневать Царицу фей убийством ее животных. Всем было хорошо известно, что феи используют горных козлов для переноски своей провизии. «Доказательством» этому были ячменные зерна, которые жители поселка находили в шерсти добытых на охоте козлов, а также шрамы на их спинах. Ясное дело, шрамы — от палок фей, погонявших козлов.

— И как же вы охотитесь? — спросил я у одного из своих новых друзей.

— Чаще всего с ружьем. Но бывает, что кто-то отправляется на охоту с луком или арбалетом. В каждой семье есть хотя бы один лук. Некоторые делают сейчас луки из дерева, но хороший лук можно сделать только из рога горного козла.

Мы распрощались, и я долго не мог решить, как оценить полученные сведения. Одно казалось очевидным — нынешние минаро были, без сомнения, потомками коренных жителей этого района. Горные козлы, которым придавалось здесь столь большое значение, в других местах чрезвычайно малочисленны. Но как расценивать «воспоминания» или предания о том, что предки минаро охотились на горных козлов до изобретения лука и стрел? Не было ли описание хитрых охотничьих ловушек всего лишь легендой? Ведь поведали же мне другие мои собеседники из минаро, что когда-то у людей были копыта на ногах и они могли бегать так быстро, что ловили горных коз руками. Видя это, Царица фей отобрала у людей копыта и дала взамен нынешние тяжелые ступни, после чего люди вынуждены были искать новые способы охоты. Но даже и эта легенда лишь подтверждала чрезвычайно древние корни образа жизни нынешних минаро — народа охотников на горных коз.

Мы с Мисси оживленно обсуждали полученные сведения, понимая, что находимся на верном пути к

раскрытию истории народа минаро.

— А рисунки горных козлов — кто их сделал и зачем? Ты спросил об этом? — поинтересовалась Мисси.

Мне пришлось признаться, что, увлеченный новыми данными, этот вопрос я как раз и упустил.

На следующее утро я направился к «священной роще». Моей целью было обследовать алтари у рощи и рисунки на близлежащих скалах. День обещал быть хорошим, и с места лагеря прекрасно просматривалась и простиравшаяся внизу долина, и окружавшие ее снежные вершины. Ниже уровня ледников видны были летние пастбища, которые когда-то занимали, надо думать, всю долину, еще не тронутую мотыгой земледельца. На них паслись огромные стада горных козлов. Остатки этих стад скрывались сегодня высоко в горах.

Горные козлы, как мне сказали, прекрасно приручаются, и на высокогорных пастбищах можно видеть их спокойно пасущимися рядом со стадами домашних овец. Я задавался вопросом, каковы были отношения древних охотников, покрывших окрестные скалы своими рисунками, и их охотничьей добычи? Новейшие исследования в этнографии позволяют предположить, что первобытный человек вполне мог сохранять «добрые» отношения со стадами животных, на которых он охотился. Быть может, охотники за горными козлами следовали долгое время за одним и тем же стадом, как это делают эскимосы, охотящиеся на карибу? Или же люди эпохи каменного века мирно сосуществовали с козьими стадами, убивая по одному-два животных лишь для того, чтобы утолить голод? И может быть, наши представления о крайне суровом характере жизни в каменном веке несколько преувеличены, и человек в это время вовсе не влачил полуголодное существование, пребывая в постоянном страхе, как это принято думать? В конце концов

охотники на горных козлов могли ведь позволить себе роскошь посвящать время изящному изображению своих жертв? А раскопки на территории Европы? Не свидетельствуют ли они, что в охотничьи лагеря их обитатели собирались через определенные промежутки времени, соблюдая какие-то правила?

Главной проблемой было решить следующий вопрос: являются ли сегодняшние минаро потомками исконных обитателей здешних мест? Могут ли они быть последними могиканами того белого народа, который охотился в этих краях еще в каменном веке, покрывая рисунками здешние скалы?

К десяти часам утра в наш лагерь поднялся Цеван Риндзинг. Этот невысокий человек с треугольным лицом, кожа которого была выдублена горными ветрами и непогодой, считался в поселке одним из самых мудрых людей. Позднее я узнал, что он был «лабдраком», то есть служителем местных божеств.

Не теряя времени, свой первый вопрос я задал о происхождении наскальных изображений.

— Да, — ответил Цеван, — их делают по возвращении с охоты. Это нужно, чтобы отблагодарить Бабалашена, бога гор.

— И до сих пор? — недоверчиво поинтересовался я.

— Да, и до сих пор, хотя сейчас мы охотимся на козлов очень редко.

— Но, — возразил я, — некоторые из этих рисунков сделаны явно очень давно!

— Да, очень давно, — подтвердил мой собеседник.

Я не мог до конца поверить услышанному и через некоторое время вновь вернулся к начатой теме.

— После охоты, — объяснил в ответ Цеван, — рисуют козлов в знак благодарности за посланную удачу. Этот рисунок посвящается Бабалашену, богу удачи, хозяину стад и повелителю природы. Когда нам улыбнется удача и мы добываем козла, мы возлагаем

его рога на алтарь Бабалашена или на алтарь богини плодородия Аби-Лхамо, святилище которой находится рядом.

Путешественники становятся свидетелями нанесения наскального рисунка, не отличающегося от созданных тысячелетия назад.

Чуть позже Цеван показал мне, как наносится рисунок на камень. Он взял острый обломок скальной

породы и быстрыми точными ударами нанес на поверхность камня изображение горного козла.

— Очень просто. Видишь? — пояснил Цеван. — Сначала рисуешь крест в форме «х», потом — переднюю ногу, соединяя левые концы «х», а потом таким же образом — заднюю ногу. Затем добавляешь две недостающие ноги и, наконец, голову, хвост и рога. Всегда в этом порядке.

Похоже, я оказался первым человеком, берущим урок рисования в стиле каменного века! Урок этот был тем более увлекательным, что рисунок Цевана в точности соответствовал тому, что специалисты называют битриангулярным стилем. Я получил, таким образом, урок по самому древнему виду изобразительного искусства всех времен. Каким-то чудом козлы, нарисованные таким способом, выглядят одинаково живо и даже элегантно независимо от того, как начертишь начальное «х».

Оценивать все, что следовало из полученных данных, было тем не менее еще рано. Итак, что же мы имели на настоящий момент? Мы знали, что в этих местах живет народ, который до сих пор наносил на скалы изображения козлов, и были известны причины появления этих рисунков. Похоже, что в этом был ключ к пониманию не только природы местных наскальных рисунков, но и аналогичных изображений в Европе, относящихся к каменному веку. Охваченный нетерпением, я принялся расспрашивать Цевана о приемах охоты его народа.

— Не было ли у вас раньше стрел с каменными наконечниками? — такой довольно наивный вопрос задал я.

— Да, были, только давно. Мы их находим еще иногда в горах, а еще находим старые наконечники из металла, которые потерялись в древние времена во время охоты.

Этот простой ответ меня прямо-таки ошеломил. В других районах Гималаев, как и во многих районах Европы, когда люди обнаруживали наконечники древних стрел, будь они из кремня, железа или меди, находкам приписывалось сверхъестественное происхождение. Эти «громовые камни» не что иное, как стрелы, которые выпускает дракон, ревущий на небесах во время грозы, гласят тибетские легенды. А для минаро эти предметы не были чем-то сверхъестественным — это были просто наконечники стрел, потерянные их предками на охоте в давние времена. Прошлое и настоящее жили в Заскаре рядом и были нераздельны!

Так, совершенно неожиданно, мы не только обнаружили в Заскаре древнее поселение минаро, прошедшее через века почти без изменений, но и смогли связать их сегодняшние обычаи с самым распространенным во всем районе Гималаев видом искусства каменного века — изображением горного козла. Мы находились перед чудесным открытием в Гималаях людей, относящихся по языку к индоевропейцам, а по традициям — к каменному веку. Быть может, это было наше собственное прошлое, сохранившееся здесь в неизменном виде! Очевидно, что открытие это слишком значительно, чтобы отмахнуться от него, или, напротив, принять без дополнительных доказательств.

Итак, возникла острая необходимость составить новую программу исследований. Нам предстояло шаг за шагом прояснить все туманные моменты в истории минаро, живущих в долинах Заскара и Инда. Даже то, что уже сейчас казалось ясным, требовало дополнительных подтверждений. Столько сведений, подчас неполных, а иногда и откровенно не соответствующих действительности, было опубликовано об этом удивительном народе, что мы не

имели права поспешно заключить, что обнаружили ариев, живущих в Азии с каменного века. Нельзя было полностью исключить и вероятность того, что минаро в Гималаях появились позже и усвоили обычаи другого народа, жившего в этих местах до них. Тем не менее у меня уже было смутное предчувствие, что нам удалось отыскать первую веху на пути к верному определению описанного Геродотом народа — дардов.

На следующее утро я поднялся в крепость, лежавшую по склону чуть выше поселка Гиagam. Часть стен была разрушена. На камнях крепости мне не удалось обнаружить следов изображений ни горного козла, ни каких-либо других. Крепостное сооружение состояло из пяти помещений, разделенных толстыми стенами. Оно возвышалось над отвесным обрывом. В целом сооружение идеально соответствовало цели, ради которой было построено, — обороне.

Как мне объяснили жители поселка, когда приближался враг, на стенах крепости зажигали огонь и люди спешили под ее защиту.

В такой защите жители долины нуждались еще в относительно недавние времена, когда сюда часто вторгались воинственные соседи. Только на протяжении XIX века Заскар выдержал больше дюжины вторжений, не считая грабительских набегов мелких банд. Именно существованием постоянной опасности объясняется, в частности, появление необычных головных уборов у местных женщин. Меня всегда удивлял вид работниц, идущих по полю в тяжелых чепцах с бирюзой и кораллами, богатство которых плохо сочеталось с повседневным трудом. Как мне пояснили, в случае приближения вражеского войска работницы могли бежать прямо в крепость, не заботясь о судьбе своего состояния, которое всегда носили на голове. Единственным минусом этой предусмотрительной меры предосторожности можно

считать то, что с годами тяжеловесные головные уборы оставляют у женщин надо лбом и на макушке заметные проплешины. Ну что ж, всегда приходится чем-то жертвовать — или богатством, или красотой.

На следующий день я осмотрел развалины другой крепости, расположенной в поселке Хамелинг. Крепость возвышалась на холме и контролировала выход из ущелья. Некогда весь поселок помещался на этом холме, в пещерах которого, как мне рассказали, нашли прибежище первые поселенцы. Крепость была разрушена вражеской армией, пришедшей из района Манди (на южном склоне Гималаев), по всей видимости, в начале прошлого столетия. Один из местных старцев, по имени Таши Норбу, уверял меня, что в Манди и сегодня можно увидеть сокровища из храма их крепости. Крепость так и не была восстановлена после того, как Великобритания распространила свое «покровительство» на Ладакх и Заскар в 1848 году.

К сожалению, нам пришлось пробыть в Гиагаме меньше, чем хотелось бы. В район должен был прибыть сам далай-лама. Навстречу ему собирались отправиться все местные жители. Даже Нордруп заявил мне без обиняков, что не может быть и речи, чтобы он пропустил хотя бы одну минуту пребывания далай-ламы в здешних местах. Нам нужно было торопиться в Ролагонг — Долину цветов, чтобы успеть вместе с Нордрупом вовремя доставить лекарственные травы к месту назначения. Мы распрощались с нашими новыми друзьями, пообещав им вернуться так быстро, как только сможем.

Глава пятая. Женское царство

Оставив Гиagam, мы два дня поднимались по крутому и, казалось, бесконечному склону к заснеженному перевалу Ролагонг, лежащему на высоте 5100 метров. Здесь, в этой затерянной долине, по словам Нордрупа, еще не ступала нога европейца. По мере того как мы медленно продвигались вперед, нам открывались пространства засушливой и безлесной местности. Почему мне так по душе этот безрадостный пейзаж? Может быть, эти горы и есть мой настоящий дом, место, предназначенное мне для жизни природой? Я вспомнил, что тибетец Таши, сопровождавший меня в путешествии по Мустангу, заявил как-то: «Трава и вода: вот в чем счастье!»

Такое счастье не для меня. Я не создан для жизни на цветущей равнине: не выношу зелени, пышных лугов, терпеть не могу коров. Чувствую, что моя душа (и тело) должны пребывать среди бескрайних диких сухих степей. Пустыню и горы я не променяю на самую богатую плодородную долину. Кто знает, может, этот выбор достался мне по наследству вместе с генами и я лишь восстанавливаю в памяти давно забытое прошлое...

Перевал Мисси преодолела с трудом, хотя Нордруп помогал ей всякий раз, когда приходилось идти пешком. Мы начали спуск и вскоре оказались в окружении нескончаемых горных хребтов с зубчатыми вершинами.

Долина Ролагонг, пожалуй, настоящий край света. Она простирается в таких местах, куда редко забредают даже горные козлы. Здесь на высоте, достигающей до 6000 метров, талые снега питают влагой более трехсот видов цветковых растений. Цветы долины Ролагонг, растущие, наверное, выше всех цветов в мире, известны своими особыми лечебными свойствами. Сведения об их свойствах собирались веками. Каждое поколение делилось с последующим накопленным опытом. Цепь, связывающая нас с первыми сборщиками трав, протянулась, вероятно, на пятнадцать — тридцать тысяч лет и объединяет от четырехсот до девятисот поколений.

Купив целебных трав у старика (кроме него и его жены, в этом диком месте никто больше не живет), мы поспешили оставить Долину цветов, чтобы успеть укрыться от повалившего снега. Уходя из долины, я подумал с грустью, что скоро древняя цепь, соединяющая одинокого жителя Ролагонга с незапамятными временами, должно быть, оборвется. Это случится, как только в первый раз сюда доставят по шоссе современные медикаменты.

В Заскаре все наше внимание было поглощено подготовкой к предстоящему визиту далай-ламы. Еще недавно я вместе с Нордрупом радовался этой чести, выпавшей на долю Заскара, считая его своим домом. Но так случилось, что моя любовь к этому краю и его жителям отступила перед притягательной силой минаро. Я еще не смел тогда предположить, что минаро со склонов Заскара действительно могут быть потомками тех самых древних художников, которые изображали на скалах горных козлов и повсюду в Западных Гималаях оставили свои многочисленные рисунки. Если это так, то, возможно, они слышали и о «золоте муравьев»?..

Власти Кашмира немало потрудились, готовя прием далай-ламы. По этому случаю в долине впервые появились электрогенераторы, привезенные по только что проложенной дороге. К лагерю далай-ламы, разбитому вокруг нового храма, где его святейшеству предстояло произнести проповедь, был протянут водопровод — еще одна новинка в здешних краях. Место для лагеря было выбрано в самом центре Заскара, на широкой и плоской равнине, где не росло ничего, кроме редкой травы. Однако и жалкие пучки этой травы очень скоро погибли под колесами грузовиков, превративших верхний слой почвы в пыль. Если учесть, что над долиной никогда не стихает ветер, то легко понять появление настоящих пыльных бурь, от которых жизнь вокруг резиденции далай-ламы становилась тяжелым испытанием.

Вскоре было объявлено, что причина этого бедствия в том, что «местные» небуддийские боги, боги «веры людей», обижены столь широкой подготовкой к приему далай-ламы, из-за которой их самих позабыли. Дабы умиротворить рассерженных богов, было решено, что с согласия его святейшества во всем Заскаре в

святилищах «хозяев земли» монахами будут сделаны приношения. Таким путем умиловив богов, надеялись добиться прекращения пыльных бурь. Увы, все усилия оказались напрасными — бури не прекратились. Нам же остается на этом примере еще раз убедиться, насколько буддизм, и в частности ламаизм, терпим к древним ритуалам и верованиям.

Благодаря этой терпимости минаро и смогли сохранить основу своей веры. Существует предание, что одним из первых воплощений Будды было воплощение в виде горного козла; и это само по себе, помимо других признаков, указывает на влияние древних религий — возможно, и верований минаро — на ламаизм.

Несмотря на пыль, визит далай-ламы вылился в грандиозное зрелище. Старики и дети, кто на лошади, кто на пони, кто на осле, кто на яке, а кто просто пешком, собрались со всей округи на церемонию. И вот пятитысячная толпа в праздничных красных нарядах расположилась перед крытым помостом, куда в ярко-желтом плаще взошел далай-лама. Собравшиеся склонили головы в тяжелых уборах, и мне показалось, что там, где сидели женщины, заблестело на солнце бирюзовое море.

В порыве восторга старухи принялись хватать меня за руки и объяснять, что теперь, когда они видели его святейшество своими глазами, они будут ждать смерти с радостью. Так продолжалось в течение пяти дней, пока далай-лама излагал толпе важнейшие моменты учения о терпимости и мудрости.

В первых рядах, прямо у ног далай-ламы, разместились монахи в багровых рясах, прибывшие из соседних монастырей. Неподвижные, как статуи, полторы тысячи бритоголовых братьев бормотали молитвы и причитания, из которых было ясно, что

встреча с далай-ламой — венец всей их благочестивой жизни.

Следует заметить, что далай-лама был тогда не просто духовным наставником ламаистской секты гелупа и тибетским политическим вождем. Его считали воплощением великого Авалокитешвары, Будды «милосердия» и сам он поэтому почитался как бог сострадания. К нему несчастные обращали свои мольбы. Я не берусь передать бесконечную любовь, надежду и веру, которыми жила в тот момент патриархальная толпа, каким-то чудом сохранившаяся в наше время. Это была, пожалуй, та последняя дань уважения, которую первобытная земля отдавала своим вековым ценностям. Глядя на толпу, невозможно было представить, что рядом существует другой, современный мир, уже проникающий в Заскар. Интересно, что же станет с этой верой, думал я, наблюдая, как грузовики с лязгом и грохотом колесят по местам, где до сих пор лишь шумели горные потоки и кружилась пыль от копыт диких животных? Грустно вспоминать, но что поделаешь: вслед за далай-ламой в Заскар с товарами прибыли первые торговцы, которые явно не прогадали, сбывая заскарцам первую в их жизни одежду европейского образца.

Наблюдая за толпой, я не переставал удивляться, насколько ламаизм, несмотря на сложные догмы и участие в них множества темных сил, казалось бы омрачающих самые светлые догматы буддизма, прочно укрепился в сознании верующих.

Здесь жители, будь то монах или земледелец, действительно живут по законам своей веры, предписывающей им воздерживаться от излишеств, относиться с уважением к старикам и ученым, проявлять терпение и доброту ко всему живому: и к людям, и к животным. Увы, доброта и добродетель

слишком слабое оружие против современной морали заезжих торговцев...

Как только улеглась дорожная пыль после отъезда далай-ламы, мы с Нордрупом отправились в Каргил сообщить моему другу Какпори о существовании в Заскаре общины минаро. У Какпори тоже было что рассказать мне. Недавно он где-то услышал старую легенду о том, как трое именитых минаро оставили Ронгду (район в верховьях Инда, примыкающий с юга к Скарду) и отправились на поиски новых земель. Когда в IX веке некий Кхива-Кхильде пришел в Заскар через Ламаюру и построил четыре крепости, сначала в Хамелинге, а затем в Гиагаме, Ремале и Картсе, что на реке Суру, к этому времени весь район уже был заселен минаро.

Я, честно говоря, не знал, как относиться к этой истории, и мы с Какпори решили, что успешно искать сведения о минаро Заскара, об их истоках и обычаях можно, только объединив наши усилия.

Я решил еще некоторое время пожить в Каргиле, чтобы побеседовать с теми минаро, которые прибудут сюда по своим торговым делам.

Не теряя времени я отправился на базар и несколько раз обошел его вдоль и поперек. Мне, конечно, нужен был не керосин или какой-нибудь другой привозной дефицит, мне нужна была встреча с минаро. Я знал, что отличить их от монголоидов-ладакхов несложно. Гораздо сложнее распознать минаро в толпе западных туристов.

Следует сказать, что в последнее время Гималаи буквально наводнены молодыми европейцами, которые по разным причинам предпочитают щеголять в традиционных одеждах коренных жителей. Такое острое желание молодежи раствориться в массе местного населения шокирует некоторых здешних приверженцев старых строгих нравов. Скажу, что лично

мне никогда не приходило в голову, как принято говорить, «подделываться под туземца»; я не люблю, когда японцы надевают цилиндры, и в свою очередь не понимаю, почему я им должен нравиться в кимоно.

Итак, многие молодые европейцы, приехавшие из Европы и Америки, питают настоящую страсть к местным нарядам. И все же, как они ни стараются, нацепляя на себя чалму или тибетские дхоти и шубы, отличие сразу бросается в глаза. У европейцев настолько характерные походка и манера держать голову и руки, что они моментально выдают себя даже неискушенному наблюдателю. Взглянув чуть более внимательно, любой обнаружит сразу же на их лицах (на моем, впрочем, тоже) дряблую кожу бело-серого цвета, которая, будь она даже и загорелой, отличает в толпе европейца. Так вот, если добавить ко всему перечисленному двухдневную щетину и слегка сгорбленную спину, мы уже имеем приметы... нет, не европейца — перед нами типичный минаро!

Но если минаро со склонов Заскара напоминают нам европейцев не по костюму, а по лицу, то минаро с берегов Инда во всех отношениях походят, пожалуй, на западных хиппи. В своей поношенной одежде, с букетиками цветов на голове они выглядят весьма нелепо (с точки зрения европейца, конечно). Честно говоря, некоторые минаро кому-то из нас могут до смешного напоминать какого-нибудь не слишком уважаемого родственника. Скажем, двоюродного брата или дядю из тех, кого неудобно пригласить в «приличное общество». Очевидно, что между нами и минаро есть какое-то «фамильное сходство», выделяющее этих людей как неких чужаков в гималайской среде.

Итак, я решил последить на базаре за всеми приезжими, одетыми кое-как. Не отличаясь большими способностями завязывать знакомства, в тот момент я

испытывал желание наброситься на первого же минаро, что подвернется мне под руку. Мои вероятные жертвы, будто чувствуя опасность или считая мои намерения недостойными, казалось, где-то прятались от меня. Повторять поиски еще и еще было рискованно: рано или поздно я мог угодить в полицию, как явно подозрительный тип. Но тут мне в глаза бросились сразу два минаро: ребенок — неряшливый мальчишка с цветком на голове — и его отец. Чувствуя, как во мне просыпается инстинкт хищника, я медленно, украдкой стал пробираться к своей жертве. Широко улыбаясь, как делают все, кто имеет сомнительные намерения, я сунул в руку мальчишки конфету. Контакт с жертвой был найден.

— Вы минаро? — спросил я с глупым видом у его отца; который осторожно огляделся по сторонам, будто пытаюсь определить, не следит ли за мной полиция.

— Да, — ответил он.

— Прекрасно, — отыскивая в кармане вторую конфету, сказал я и тут же сунул ее в руку ребенку. — Вот так удача! Вот и подружился! — твердил я, стараясь изобразить на лице искренность.

Я тогда совершенно не знал, что минаро — люди довольно осторожные, полностью лишённые наивной доверчивости, отличающей большинство тибетцев. Бросив короткое «джулай», мой минаро с широкой улыбкой на лице развернулся и быстро зашагал прочь вместе с сыном, уплетающим мои конфеты.

«Следующего не упущу», — сказал я себе твердо. Но, несмотря на все усилия, в это утро я не встретил больше ни одного минаро, хотя базар был заполнен приезжими до отказа. Но это были совершенно неинтересные люди, например толпа молодых англичанок в шортах, громко изъясняющихся на странном жаргоне, который почему-то в ходу у туристов, немцы, прогуливающиеся с мрачным видом,

заскарцы, жители Пурига и Драса, несколько тибетцев, один сикх — шофер автобуса, два гимнософиста в набедренных повязках, один бенгалец, два офицера индийской армии, один гуджаратец и несколько торговцев-кашмирцев, но ни одного минаро.

Время шло, я наконец оставил поиски и пошел посмотреть виноград, которым торговали в крайнем ряду. Каргил находится на самом высоком горном массиве планеты, и для меня было крайне удивительно и, конечно, заманчиво видеть здесь виноград. Какое-то время я колебался, решая, стоило ли рисковать желудком ради маленького удовольствия. Несколько недель жизни в Каргиле научили меня разбираться в еде. Последними фруктами, которые я ел, были сушеные каргилские абрикосы, но с тех пор прошел уже месяц. Свежий виноград манил неудержимо. Я наконец, решился и купил несколько гроздей с мелкими, еще не вполне созревшими ягодами, похожими на незрелую чернику. Тут появилась новая дилемма: мыть или не мыть купленный виноград, поскольку ясно, что в местной воде бактерий больше, чем в пыли базара! Поразмыслив, я решил просто-напросто обтереть грозди полой своей рубашки, вполне подходящей для этой цели, и уже приступил к этой процедуре, как вдруг появился тот самый минаро с ищущим взглядом. Он, как и прежде, держал за руку своего отпрыска, а тот играл с фантиками, оставшимися от моих конфет.

Направляясь прямо ко мне, с недоверчивой улыбкой, минаро сказал:

— Раш.

Мой рот был набит виноградом, и мне не оставалось ничего другого, как только с глупым видом смотреть на минаро.

— Раш, раш, — повторил он.

Тут я решил воспользоваться своим знанием тибетского.

— Раш, каре ре? — спросил я, выплевывая косточки.

— Да ре, — ответил минаро, указывая на пакет.

Таким образом удалось установить контакт и выяснить, что на языке минаро «раш» означает «виноград». Стараясь не упустить возможности, я тут же познакомился с минаро. Его звали Дорже Намгиал, и был он из деревни Гаркунд.

Дорже Намгиал — тибетское имя, означающее «небесный гром». В этом нет ничего удивительного, если учесть, что в VIII веке народ минаро проиграл войну с тибетскими завоевателями, а позже частично принял ламаизм. Впрочем, типичное тибетское имя было тем немногим, что связывало Дорже с Тибетом. И я, и он сразу поняли, что мы имеем что-то общее. Для него, как и для меня, тибетский язык был иностранным — языком, которым он владел лучше меня, но который все же считал чужим. Его длинный нос, выразительная мимика и светлые глаза говорили о нашем родстве. Я сердцем чувствовал, что рядом брат. Скажу, что за двадцать лет, проведенных мною в Гималаях, я много раз подвергался шуткам относительно длины моего носа и, кроме того, получил прозвище Желтые Глаза — так тибетцы обычно называют европейцев. Мне было отлично известно, что должен был чувствовать Дорже Намгиал со своим длинным носом и светлыми глазами. Какие могут быть разговоры, конечно же мы были братья!

Дорже все понял, прежде чем я успел раскрыть рот.

— Я знаю, что мы похожи, — сказал он медленно сиплым голосом.

Я чуть было не подавился своим виноградом. Позднее до меня дошло, что тибетцы, ладакхи и индийцы, проходящие через его деревню, должно быть, не отказывали себе в удовольствии заметить, что у него смешная наружность. Вряд ли можно, постоянно слыша, как потешаются над твоим длинным носом и желтыми

глазами, не испытывать солидарности с несчастными, подобными тебе.

Как выяснилось, Дорже Намгиалу в самом деле давно надоели разговоры всех этих индийцев, ладакхов, заскарцев и даже туристов-европейцев о том, что у него смешная наружность, что он похож на англичанина или, того хуже, на туриста. А ведь, признаться, и я выслеживал его именно потому, что у нас обоих длинные носы.

— Пойдем ко мне, угощу тебя чаем. Там же и поговорим, — сказал я Дорже, ведя его на постоянный двор, где пришлось остановиться, поскольку в гостинице моего друга Какпори мест не было.

Я твердо решил, что должен не упустить пленника, и для начала стал поить его чаем. Надо признаться, чай был отвратительным: вкус портила серая, с примесью слюды, вода из реки Суру, протекающей прямо за земляной стеной моего жилища. Больше угостить было нечем. После шести недель дороги мы с Мисси сами уже напоминали минаро. От покрытых же пылью туристов, прибывающих в старых автобусах из Леха или Сринагара, меня отличало исключительно мое общение с местными жителями на их языке.

Из-за плохого угощения я чувствовал себя крайне неловко. К счастью, Нордруп вовремя пришел мне на выручку, принеся пирожных и большой пакет со свежими абрикосами, которые Гром Небесный-младший начал уплетать с видимым удовольствием.

Когда наконец я напоил свою жертву чаем с козьим молоком и отправил Нордрупа за новой порцией абрикосов, то почувствовал, что пора начинать действовать.

— Так вот, — сказал я по-тибетски, — ты слышал о деревнях дрок-па в Заскаре?

— Да, конечно, — ответил Дорже. — Ты знаешь, раньше весь Ладакх и Заскар были нашими.

— Может быть, — сказал я, вспоминая о том, как преподобный Франке жестоко поплатился, заявив слишком поспешно, что дарды расселены по всему Ладакху. Дорже продолжал бормотать что-то, но меня слишком занимали его уши, и я не слушал. В одном ухе у него была серьга, изображающая солнце и луну, а в другом закреплены три диска, похожие на перламутровые пуговицы. Я решил не смущать моего друга вопросом о его странных украшениях и не спрашивать, почему на шляпе он носит большой букет увядших цветов. Соблюдая вежливость, я осведомился только о деревне, где он живет.

— Сколько семей живет в Гаркунде?

— Сорок.

— А когда появилась ваша деревня?

Дорже рассказал мне, как в далеком прошлом семь человек из Гилгита, охотясь на горного козла, поднялись по течению реки Инд. Как-то, решив подобрать выпущенную стрелу, они забрели в долину Дах («да» по-тибетски означает «стрела»). Вдруг один из охотников обнаружил приставшее к подошве ячменное зерно. Он предложил посеять его и вернуться через год. В назначенный срок охотники увидели, что ячмень принялся хорошо, и решили остаться здесь навсегда. Сначала поселились в пещере, а затем была построена деревня Дах. Когда она разрослась слишком сильно, появились другие: Гаркунд и позднее Дарчика.

Минаро из поселка Гаркунд.

Так началась первая из моих бесед с Дорже Намгиалом, к которому вскоре присоединились и его приятели. Каждый день я собирал, сколько мог, сведений о минаро из деревень Гаркунд, Дарчика и Дах.

Одной из первых задач, стоящих перед нами, было составление словаря языка минаро. Единственный словарь этого языка, составленный Шоу и опубликованный в 1887 году, включал всего лишь сто восемьдесят слов. В Каргиле мне удалось определить значение еще пятисот слов и записать их произношение на магнитную ленту. Я подумал, что это могло бы помочь лингвистам лучше установить разницу между языком минаро и вариантами языка шина, распространенными в Читрале, Асторе и Гилгите. Я всегда удивлялся живучести языков, тому, что они способны пережить серьезные политические и даже этнические изменения в обществе. Среди самых

стойких языков и наши индоевропейские языки, так широко распространившиеся в мире.

Конечно, языковых вариантов существует великое множество, но большинство корней все же неизменны. Иногда сходство просто поражает, если принять во внимание расстояния, которые разделяют народы, говорящие на родственных языках. Так, например, санскрит и славянские языки во многих отношениях совершенно идентичны. Многие слова минаро, которые я записывал, казались мне очень знакомыми и были похожи на английские эквиваленты тех же слов: дарр — door (дверь), хатх — hand (рука), тем — time (время) и т. д. Другие были схожи с французскими: куттер — couteau (нож), бастон — bâton (палка), ту — tu (ты). Многие слова имели окончания, созвучные греческим. Впрочем, некоторые слова минаро были заимствованы из тибетского и ладакхского языков, а эти языки в свою очередь усвоили многие слова минаро.

— Как по-вашему «муравей»? — спросил я как ни в чем не бывало.

— Руи, — ответил Дорже.

— А как «золото»?

— Сер, — ответил он.

«Сер» имело то же значение и в тибетском. И тут я спросил у Дорже напрямик:

— А золото муравьи добывают?

— Что? — он даже вскрикнул от удивления.

Пришлось попытаться объяснить ему историю, рассказанную Геродотом, но он только таращил на меня глаза. Ни он, ни его друзья никогда не слышали странной легенды о муравьях, собирающих золото. На берегах Инда есть золото, объяснил он, это всем известно, но чтобы его добывали муравьи — такого никто не слышал.

Я, понятно, был разочарован. Но, может, Дорже и его приятели из Каргила слишком молоды или слишком

мало знают и просто не слышали легенды? Надо будет опросить других минаро, особенно тех, кто постарше Дорже. Хотя, с другой стороны, вся эта история о муравьях могла быть действительно всего лишь легендой.

Каждый день я поил Дорже и его приятелей чаем, и чай нам уже порядком надоел, как вдруг однажды между делом выяснилось, что минаро с Инда делают вино.

— Вино из раш, — объяснил Дорже, подмигнув мне.

— Раш чанг? (Пиво из винограда?) — отозвался я, и от воспоминаний у меня потекли слюнки. Дорже, брат мой! Я чуть было не обнял его, начал говорить, что Франция — родина «виноградного пива», что у нас сотни наименований вин и что мы за едой практически ничего другого не пьем, только красное, розовое и белое вино.

Когда мой блокнот был уже весь испещрен записями, я почувствовал большую симпатию ко всем минаро — я и к простоватым жителям Заскара, и к веселым любителям вина с берегов Инда. Какой замечательный народ, подумал я, когда позднее обнаружил целые толпы их на базаре. Одетые в свои лучшие наряды, они готовились встретить далай-ламу, возвращающегося из Заскара. В толпе можно было увидеть группы красивых светлокожих девушек с длинными волосами и серыми глазами. На их головах высились сложные композиции из благоухающих цветов в сочетании с жемчугом, коралловыми и серебряными брошами. На женщинах были короткие расшитые туники, надетые поверх узких шерстяных штанов, украшенных на удивление модернистским орнаментом. Их штаны резко выделялись на фоне длинных платьев женщин балти и ладакхов. Ясно было, что эти женщины были прекрасными наездницами. Увы, мне понадобилось много времени, чтобы узнать также, что

задумчивый вид хрупких девушек обманчив. Женщины-минаро, как выяснилось, любезностью не отличаются. Насколько Дорже и его друзья приветливы и дружелюбны, настолько их супруги сварливы. Некоторые из них даже не стеснялись у всех на виду давать пощечины мужьям. Но может быть, это и не удивительно, если учесть тот факт, что минаро населяют район, который в древних индийских текстах зовется Стиражийя — «Женское царство».

Не та ли это загадочная страна восточных амазонок, о которой говорил Геродот? И не совпадение ли с тем, что упоминали китайцы о Женском царстве, точнее, о двух: в Восточном Тибете и в Западных Гималаях?

Глава шестая. Золото Инда

Радость и разочарование — вот два чувства, которые одновременно возникли в моей душе, когда по возвращении в Бостон я начал перечитывать наши записи.

Радость объяснялась тем, что наконец со всей достоверностью было установлено: традиции минаро уходят своими корнями в самую глубокую древность. Народ этот, принадлежащий, надо думать, к индоевропейской семье, сравнительно поздно перешагнул порог каменного века. Такое открытие, само по себе достаточно ошеломляющее, заставляет помимо прочего более пристально взглянуть на проблему белых пятен, связанных с общей судьбой индоевропейцев.

Следует признать, у нас не было полной уверенности в том, что мы имеем дело с теми самыми дардами, о которых упоминал Геродот. В довершение всего нам так и не удалось посетить их поселения.

Что же предпринять?

Случай представился гораздо быстрее, чем я ожидал. Спустя месяц после нашего возвращения в Париж я получил приглашение от правительства Индии совершить путешествие вверх по течению Ганга на борту последнего из созданных мною мини-глиссеров на воздушной подушке. Этот аппарат, не имеющий ничего общего с каменным веком, был, так сказать, побочным продуктом страсти к Гималаям. Это мой своеобразный вклад в технический прогресс XX века, компенсация моего долга современному миру.

С давних времен я мечтал о том, как, стоя за штурвалом построенных мною аэроглиссеров, открою для навигации быстрые реки, ранее не знавшие судоходства, эти все еще недостаточно используемые естественные пути сообщения. Идеальным местом для демонстрации возможностей моей посудыны был Ганг. Вот почему два месяца спустя после отъезда из Каргила мы вновь очутились в Индии. На этот раз — на берегах Ганга.

Я весьма привязан к сложным и грохочущим механизмам, результату моего технического творчества. В конце концов я с избытком наслаждался чудесными сказками о демонах и феях и безмятежными ночами, проведенными под открытым небом, усыпанным звездами, у догорающего костра. Временное переключение внимания на загадки своенравных коленчатых валов, поршневых колец и давления воздушной подушки создало приятный контраст с моей предыдущей деятельностью. Упоминаю здесь лишь незначительное число подбрасываемых современной техникой проблем, с которыми я мужественно вступил в

битву, сменив хлыст на разводной ключ и тибетскую грамматику на технические инструкции фирмы БМВ; что же касается моей записной книжки и карандаша, то их заменили свечи зажигания и машинное масло.

Наше путешествие вверх по Гангу на аэроглиссере оказалось, увы, во многих отношениях неудачным. Двигатель постоянно перегревался из-за применения низкооктанового бензина. Вместо того чтобы наслаждаться красотой самой священной реки в мире, мы провели основное время на окутанных дурманящими испарениями берегах, занимаясь прокачкой масляных фильтров и установкой системы охлаждения. В довершение всего, когда до истока Ганга оставалось всего сто восемьдесят километров, двигатель моей посуды окончательно заглох, и эту часть пути до Голмухха мы проделали пешком.

Я ожидал увидеть исток реки в окружении множества храмов, в обрамлении из священных картин и реликвий, в пестром хороводе сувенирных лавок. Мне уже грезилась фосфоресцирующие изображения Шивы и горы брошенных исцеленными калеками костылей. Кто знает, может быть, я смогу увидеть даже трость самого Александра Македонского...

Удавлению моему не было границ: у истока знаменитейшей реки мира я увидел лишь пещеру, которая дышит ледяным холодом в сиянии солнечных бликов, играющих на мелкой ряби прозрачной воды. И ничего вокруг. Абсолютно ничего.

Несмотря на то что часть пути нам помог преодолеть катер на воздушной подушке, Ганг преподал нам урок покорности и величия, идущих в этих местах рука об руку.

И вот я снова в Гарвардском университете. На сей раз для того, чтобы написать первые страницы «нашей» истории, истории людей с белой кожей, я вступил в

заговор с книгами, выуженными из мрачных лабиринтов библиотек.

Поиски следов, позволяющих с достоверностью установить происхождение народа минаро, заставили меня обратиться к проблеме моих собственных истоков. Я довольно быстро обнаружил, что в отличие от африканцев или китайцев, способных без труда распознать, куда уходят корни их истории, представителям европеоидной расы следует проявлять особую осторожность. Мы хорошо знаем о том, что гитлеровская расистская теория, превозносившая арийцев как «высшую расу», оставила в людской памяти трагический рубец, что связано с употреблением во зло положений этой доктрины, не имеющей под собой никакой научной основы.

С точки зрения науки арийской расы не существует, ибо арии — и здесь я позволю себе процитировать Макса Мюллера — это те, кто «говорят на арийских (индоевропейских) языках, независимо от цвета их кожи, независимо от их принадлежности к той или иной расе». Многие арии принадлежат к европеоидной расе. Однако белокурые шведы могут с полным на то основанием именоваться ариями наравне с жителями Андалузии и Сицилии, имеющими смуглую кожу. К ариям принадлежат и исландцы, как, впрочем, и бенгальцы, и непальцы. Ариями являются и большинство европейцев, за исключением венгров, финнов и басков, говорящих на языках, не имеющих ничего общего с индоевропейскими.

Так кто же они, люди племени минаро? Арии, бежавшие из Центральной Азии, или последние представители обосновавшегося в этих краях в давние времена белого гималайского народа, чей изначальный язык впоследствии уступил место одному из индоевропейских наречий?

Вопрос этот представлял для меня чрезвычайный интерес, так как ответ на него позволил бы пролить свет не только на происхождение первых ариев, но и на историю белого населения Азии, жившего в ней до эпохи великих миграций ариев.

Не мы были пионерами исследований, ставивших целью выяснить происхождение древних жителей Центральной Азии. Но мы были единственными обладателями ключа к нашему прошлому, позволяющего раскрыть множество тайн. Теперь мы знали живых людей, память которых, даже отмеченная властью времени, могла открыть для нас секреты доисторического периода, проникнуть в которые не может помочь ни один камень.

И вот настало время собираться в дорогу. Многочисленные сведения о минаро, которые нам удалось собрать, отныне составляли объемистое досье.

Мы уже были готовы к отъезду, когда Мисси, вернувшись от своего врача, принесла плохое известие. Вот уже несколько лет она страдала от болей в коленных суставах обеих ног, что во время нашей первой экспедиции от меня тщательно скрывалось. Сейчас же врач запретил ей даже подниматься по лестнице, добавив при этом: «Ни единого этажа пешком — только лифтом. Если выходите из дома — садитесь в автомобиль». Советы эти не очень-то годятся для людей, занимающихся исследованиями в Гималаях. Отбросив все предосторожности и вопреки указаниям врача, Мисси настояла на том, чтобы вновь сопровождать меня. Вооружившись тростью и наколенниками на шарнирах, она объявила, что готова к любым испытаниям.

Радость царила в наших сердцах, когда вместе с Нордрупом, присоединившимся к нам в Сринагаре, мы покинули Кашмирскую долину. Нас толкало вперед страстное желание выяснить наконец с абсолютной

достоверностью происхождение народа минаро, а также стремление найти реальные подтверждения легенды о муравьях и их золоте. Для этого был составлен подробный перечень вопросов, все еще остававшихся без ответа. Какое место занимали наскальные изображения горного козла в конкретных обрядах? Сооружали ли минаро менгиры и дольмены? Можно ли говорить о существовании каких-либо иных связей между Центральной Азией и Европой? Имеют ли памятники Стонхенджа и Карнака какое-нибудь отношение к прошлому Центральной Азии? Пусть все это казалось чисто умозрительными допущениями, но ведь в конечном счете минаро говорили на таком языке, которому нельзя отказать в родстве с нашим собственным!

Один из менгиров, превращенный в буддийский чхортен.

В очередной раз мы покинули Кашмирскую долину, преодолевая уже знакомые нам крутые повороты дороги через перевал Зоджи-ла, на которых ветер свистит в ушах. Я любовался видом горных плато, открывшихся нашему взору по другую сторону перевала, когда шофер вдруг нажал на тормоза. Наш вездеход остановился около четырех камней,

возвышавшихся на обочине дороги. Мы находились недалеко от Драса, на расстоянии примерно шестидесяти километров от Каргила. Эти глыбы явно несли на себе следы резца. В одной из них я узнал чхортен (буддийский памятник). Его силуэт, продиктованный формой камня, казался таким узким и долговязым, что вызывал невольную улыбку. Вот еще одно доказательство того, что в этом районе буддизм вобрал в себя более древнюю мегалитическую культуру.

День уже клонился к вечеру, когда мы, оставив позади последний поворот, въехали в Каргил. Встретивший нас Какпори тотчас же принялся рассказывать о поездке, которую он совершил прошлой зимой в Гаркунд — одну из деревень минаро на берегах Инда. Какпори отправился туда, чтобы принять участие в празднике Бононо — ритуале благодарения, совершаемом минаро раз в три года. Он показал нам фотографии мужчин с красивыми белыми бородами. Одна из фотографий запечатлела мальчика, который пытался (как впоследствии выяснилось, безуспешно) войти в состояние транса.

— Вам следует поторопиться с посещением этих деревень, — заметил Какпори, как нам показалось, не без иронии, — ведь их обитатели так быстро теряют свои обычаи, а вместе с ними и веру. Многие уже отказались от ношения традиционных одежд.

В правдивости этих слов я не без грусти убедился, рассматривая сделанные Какпори фотографии, на которых большинство мужчин были одеты в широкие шаровары и рубашки западного покроя. Некоторые щеголяли в современных пиджаках.

Из рассказа Какпори мы узнали, что праздник сопровождался массовыми песнопениями. Известно, что Франке удалось сделать перевод некоторых песен. В одной из них речь идет о кочевой жизни народа минаро, направляющегося в верховья Инда, и его расселении по

деревням в долинах между Гаркундом и далеким городом Гилгит (откуда, как они утверждали, племя переселилось в эти края). Эта история с переселением долгое время не давала мне покоя. Обычай минаро служили одним из звеньев цепи, связывающей этих людей с Ладакхом каменного века, а в песне утверждалось, что они прибыли в район Гилгита во времена отнюдь не столь отдаленные. Налицо было явное противоречие. Когда же в таком случае они появились на этой земле? А может быть, в этих местах, до того как сюда переселились минаро, жили другие родственные этому народу племена?

Сказание об этом последнем переселении возбуждало мое любопытство. Ведь для того, чтобы искать здесь «золото муравьев», я должен быть полностью уверен в том, что в V веке до нашей эры, то есть в эпоху, упоминаемую Геродотом, представители народа минаро жили в Ладакхе.

С полным основанием мы могли утверждать лишь одно: жизнь и быт минаро в наши дни проходили под знаком горного козла, ни на йоту не отличаясь в этом плане от уклада обитателей здешних мест, поселившихся тут в более отдаленные времена и покрывших скалы многочисленными рисунками с его изображением. Мы покинули Каргил и по извилистой дороге, вьющейся по берегам Инда вплоть до границы с Китаем, отправились в Лех, главный город Ладакха. В каждой из деревень, в каждом из небольших поселений, попадавшихся нам на пути, Нордруп спрашивал крестьян, не приходилось ли им видеть изображения горного козла или слышать о них. Ответ почти всегда был утвердительным.

Да и сами мы, проезжая по этому району, повсюду находили камни с рисунками. Рисунки эти можно условно подразделить на два вида: на некоторых скальных монолитах «паслись» целые стада

нарисованных козлов; были и небольшие обломки, на которых помещалось не более двух животных. Пока нам не удалось проникнуть в тайный смысл этой символики.

В отличие от большинства ученых, склонных считать горного козла объектом поклонения (профессор Петех даже выдвинул гипотезу о существовании тотемистического культа, роль священного животного в котором отводится горному козлу), я полагал, что это не так. Ни один из найденных нами многочисленных рисунков козла не имел внешних признаков, присущих предметам культа, поскольку изображения животных были выполнены с подкупающей наивностью и простотой. Создавая эти рисунки, художники, вероятно, считали, что тем самым они участвовали в своеобразном возрождении умерщвленных, похищенных у фей, отнятых у божественной природы животных.

Специалисты по истории первобытного общества уже давно высказывают самые разнообразные догадки относительно того смысла, который доисторические художники вкладывали в рисунки животных. Некоторые, как, например, профессор А. Леруа-Гуран, выдвинули весьма своеобразную теорию о сексуальном дуализме, воплощенном в этих изображениях. Другие видят в них охотничью магию — попытку пленить дух животного, на которое будет устроена облава. Отдельные исследователи ассоциируют эти рисунки — что, вероятно, не лишено оснований — с желанием искупить вину перед природой за совершенное убийство. Профессор Розен и некоторые другие историки, как мне кажется, вполне справедливо считают, что лишь малая толика предлагаемых разъяснений может быть отнесена к категории «абсолютно правомерных».

Теперь мы ждали, что, вероятно, вплотную приблизимся к разгадке этой тайны. Нас вдохновляла

надежда многое почерпнуть из рассказов, которые мы рассчитывали услышать непосредственно из уст художников, рисующих на скалах, так же как и их далекие предки в каменном веке. После двух дней пути мы наконец покинули узкую долину Инда, и за очередным поворотом нам открылся Лех. Город встретил нас огромным базаром, раскинувшимся у входа в лабиринт построек, карабкающихся вверх по горе. На ее вершине возвышалась огромная крепость владык Ладакха. На протяжении многих веков Лех, восточные ворота в Тибет, был далекой и недостижимой целью, манившей многочисленных исследователей.

Прокладывая путь между караванами яков и вереницами пони, мы остановились в самом центре базара. Здесь нас окружила толпа людей, в одежде которых преобладали бордовые тона, контрастирующие с алым цветом одеяний сновавших в этом круговороте монахов. И над всем этим пронзительно сияло солнце. Улыбки красивых девушек с черными блестящими косами, украсивших себя соцветием бус из кораллов и бирюзы, напомнили мне о том, что мы очутились в мире, резко отличающемся по атмосфере от мусульманского. Там базар — царство апатичных торговцев и прячущихся под паранджой женщин. Вокруг же нас царил ликующая и беззаботная атмосфера.

Необыкновенно красивые улыбающиеся девушки с высокими скулами и черными миндалевидными глазами прогуливались вдоль рядов, сопровождаемые почтенными матронами.

Я заметил, что в облике окружающих нас людей просматривались монголоидные черты.

В Лехе Франке обнаружил несколько захоронений с черепами удлиненной формы. Это может служить доказательством того, что когда-то в этом районе жили люди, принадлежащие к европеоидной расе, возможно, предки народа минаро.

Решив все вопросы, связанные с нашим размещением, мы отправились на поиски этих древних могил, обнаруженных в 1910 году. Увы, несмотря на все наши старания и помощь местных знатоков, нам так и не удалось обнаружить ни малейшего следа захоронений. Вероятно, они бесследно исчезли, когда город в недавнем прошлом раздвигал свои границы.

В нескольких километрах к югу от Леха долина, по которой протекает Инд, расширяется и переходит в обширную равнину, обрамленную горными пиками. В этих местах на холмах, возвышающихся над деревьями, тянутся к небу пирамидальные постройки многочисленных монастырей. Эти обитатели помнят, как в VII веке, во времена правления великого Сронцзангамбо, на здешние земли обрушились орды завоевателей, пришедших из Тибета.

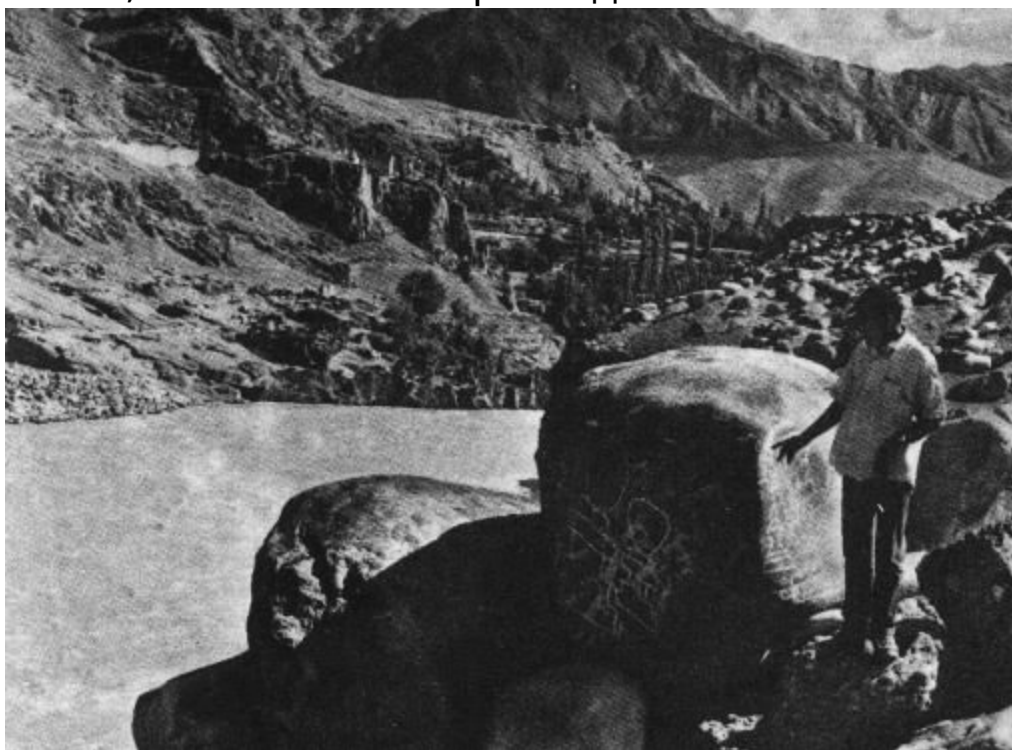
Нордруп пригласил нас посетить один из монастырей, монастырь Тикси, с настоятелем которого он поддерживал дружеские отношения. Со всеми многочисленными свежесвеженными храмами, учебными помещениями, трапезными, библиотеками и складами, Тикси возвышается подобно городу-пирамиде. Мы поднялись в сверкающие позолотой апартаменты настоятеля, усадившего нас на великолепный шерстяной ковер. Верный слуга бога, он наложил запрет на продажу монахами монастыря каких-либо предметов или сувениров туристам и строго следил за неукоснительным исполнением всех правил отправления культа. Нордруп, сгибаясь в низких поклонах, предложил почтенному старцу все свои сбережения в обмен на несколько священных книг. Нас угостили чаем, а затем преподнесли в дар несколько шариков завернутого в священную ткань снадобья, призванного защитить нас от бед во время путешествия.

Глядя на величественную крепость властителей Ладакха в Лехе и грандиозные монастыри, можно было без труда предположить, какая судьба ожидала в этих местах наших предков. Шли годы. Охотники за горными козлами все чаще обращались к крестьянскому труду для того, чтобы обеспечить свое выживание. В конечном счете примитивные общины — точно так же, как и в других уголках земного шара, — стали жертвами привилегированной элиты, состоящей из вельможного воинства.

С увеличением населения во весь рост встала проблема безземельных крестьян. У них было два пути: в поисках удачи, а может и смерти, стать солдатом какого-нибудь вельможи или постричься в монахи. Поэтому в Ладакхе и по сей день осталось такое большое количество монастырей. Их следует рассматривать не как признак неистовой веры, а скорее как институты, призванные поглотить избыток населения. Наличие монастырей говорит о существовании здесь общества, основанного на крестьянском укладе, достаточно богатого, чтобы оплачивать праздный образ жизни некоторых его членов, но при этом страдающего от безземелья и не позволяющего всем мужчинам обзавестись семьями. Вопреки широко распространенному мнению гималайские монастыри не живут за счет благотворительности. Это — университеты, в которые семьи посылают своих младших сыновей, с тем чтобы воспрепятствовать их женитьбе, что могло бы лечь дополнительным бременем на и без того ограниченный семейный бюджет.

Из Леха мы отправились к границе с Тибетом, к высокогорным пастбищам великого плоскогорья. Здесь живут тибетские народы, занимающиеся скотоводством. Нам удалось, опросив нескольких кочевников, выяснить кое-что важное. Они утверждали,

что высокогорные пастбища вплоть до границы с Тибетом усеяны скалами, которые покрыты изображениями горных козлов. Особый интерес представляет тот факт, что кочевники пребывали в полном неведении относительно авторства и причин появления данных рисунков! Таким образом, мы получили в руки первое звено из цепи доказательств, свидетельствующих, что тибетские скотоводы появились в этих местах сравнительно недавно, это, впрочем, подтверждается и тибетской литературой. Вне всякого сомнения, до их появления на этом плоскогорье селились либо минаро, либо какой-то другой народ, живущий охотой и имеющий сходные традиции. Теперь у нас были основания считать, что когда-то в исследуемом нами районе жили два непохожих друг на друга народа: охотники за горными козлами, по всей вероятности родственные минаро, и монголоиды, кочевники, занимавшиеся разведением яков.

У поселка Алчи-Гомпа.

Мы снова спустились в долину Инда и отправились в расположенный на западе от Леха монастырь Алчи. Монастырь этот знаменит своими великолепными фресками XII века. Мы разбили лагерь на крутых берегах Инда, покрытых россыпью скал с древними рисунками. На них изображены охотники в окружении горных козлов и каких-то животных, похожих на оленей. По сравнению с изображениями, увиденными нами в начале путешествия, эти рисунки были выполнены более тщательно. В то же время им был присущ строгий схематический штрих, отличающий лучшие образцы творчества каменного века.

Засняв на пленку наиболее интересные из наших находок, мы покинули Алчи и направились к Кхалатсе, деревушке, расположенной у моста через Инд. По одну сторону от дороги высились скалистые утесы, а по другую сторону был берег реки. Я обратил внимание на кучи галечника, расположение которых наводило на мысль, что где-то поблизости работают землекопы. Эти нагромождения еще раз напомнили нам, что здесь находится центр золотоносного района, где на протяжении долгих веков человек занимался добычей золотого песка.

Берега Инда на участке от Алчи до Кхалатсе известны своим золотом. Конечно, это связано с тем, что река Заскар, впадающая в Инд в нескольких километрах выше по течению от Алчи, несет в своих водах наряду с обычным песком золотую пыль — ту самую, которую я искал с лотком в руках в Заскаре в 1978 году. В то время моими помощниками были монах и столяр из деревни под названием Пимо. Стоя у самой кромки воды, с раннего утра и до позднего вечера не покладая рук мы просеивали песок через ивовое сито, чтобы к концу дня получить несколько крупинок золота. Я знал, что профессиональные золотоискатели достигли бы здесь больших успехов. Как ни странно, но

обитателей берегов Заскара, как, впрочем, и жителей Ладакха, почти не привлекает блеск золота. Более того, они считают, что поиски золота — дело недостойное и больше всего подходит кузнецам, считающимся здесь представителями низшей касты. Причина подобного нежелания добывать золото объясняется тем, что при его поисках можно потревожить «богов Земли», почитаемых древней «верой людей».

На участке между Алчи и Кхалатсе Инд протекает по ущелью. Это заставляет золотоискателей копать ямы в крутых берегах и слой за слоем извлекать золотиносный песок. Я не раз спрашивал себя, каким образом в былые времена добытчикам удавалось обнаружить золотиносные пески под тоннами галечника и скалистых пород, которыми сложены берега Инда? Если илистый или песчаный берег позволяет с легкостью найти то место, куда река наносит золотиносный песок, то здесь для его обнаружения не обойтись без помощи специального детектора. К чьей же помощи обращались искатели золота былых времен? Не могли ли они использовать в этих целях какой-либо природный детектор... скажем, тех самых муравьев, способных отыскивать золото?

Наскальные рисунки близ поселка Алчи-Гомпа.

Немецкий исследователь Херрманн считал, что в легенде речь идет об обыкновенных муравьях, указывающих человеку, в каком месте следует копать. Вместе с тем страна муравьев-золотоискателей была расположена, по его мнению, в долине Суру, там, где берега реки не нависают отвесными скалами и где нет необходимости пользоваться каким-либо детектором для того, чтобы обнаружить золотоносный песок, откладывающийся у самой кромки воды. Напомним, что сам Херрманн никогда не бывал в Ладакхе. Он строил свои выводы, основываясь на том соображении, что добыча золота на реке Суру продолжалась вплоть до самого последнего времени, тогда как на берегах Инда от поисков давно отказались.

— Пожалуй, — предложила Мисси, — нам следует выяснить у местного населения некоторые подробности способа добычи золота в этих местах. А может быть,

нам удастся даже услышать легенды, связывающие муравьев с добычей золота?

Эта последняя мысль уже приходила в голову Франке, который не поленился обратиться с расспросами к жителям Кхалатсе, деревни, в которую лежал наш путь.

В ходе моих исследований я наткнулся на статью Франке, озаглавленную «Две истории о муравьях древнего королевства Западного Тибета. К вопросу о муравьях-золотоискателях». Впрочем, обе истории не могли не вызвать чувство разочарования. Одна из них была не что иное, как сказка, услышанная автором в Кхалатсе. Некий правитель по имени Кри-Тоб вознамерился выдать свою дочь замуж за одного из министров, но, к его великому огорчению, жених потребовал, чтобы кухонная посуда, которую девушка должна принести в Дом в качестве приданого, была сделана из чистого золота. Правитель обратился за советом к своему визирю, поведавшему, что на дне расположенного неподалеку озера спрятано золото. Тогда обратились за помощью к ламе. Тот вызвал дождь, после которого из-под земли вылезло несколько муравьев. Среди них был муравьиный король, который под угрозой смерти согласился достать золото со дна озера. Две тысячи муравьев, обвязав себя за пояс крепкой тонкой ниткой, прорыли подземный ход и доставили золото на поверхность. След этих нитей, говорится в сказке, и поныне делит тело муравьев на две части. Золото, извлеченное со дна озера, позволило правителю выдать замуж свою дочь, которая жила долго и счастливо и подарила своему мужу много детей.

Сказка эта, как мне показалось, не могла принести пользы нашим поискам: уж слишком сильно отличалась она от первоначальной легенды, упоминаемой Геродотом, утверждавшим, что муравьи по размерам

были «гораздо крупнее лисицы, но меньше собаки» и добывали из земли не золото, а золотиносный песок. Тот факт, что ни Франке, ни мне, шедшему по его следам, так и не удалось собрать в этих местах более достоверную информацию о муравьях-золотоискателях, можно объяснить тремя версиями: либо дрок-па, живущие в данной местности, не имели ничего общего с дардами, упоминаемыми Геродотом, либо королевство муравьев-золотоискателей находится где-то в других краях, может быть, весьма отдаленных; наконец, вся эта история может оказаться не более чем мифом, вымыслом от начала и до конца, как считают почти все, знакомые с ее содержанием.

Однако дым без огня, да еще в таких количествах — явление довольно редкое. Следы, оставленные муравьями-золотоискателями, прослеживаются в индийской, монгольской и тибетской литературе, не говоря уже о многочисленных упоминаниях на эту тему в греческих фолиантах.

Вместе с тем я не мог согласиться с выводом доктора Херрманна, сделанным в определенной степени на основании собранных Франке сведений. Доктор утверждал, что первоначально речь шла об обычных муравьях, но по мере удаления от ладакхских месторождений золота насекомые постоянно прибавляли в росте и свирепости, превратившись в Южной Индии в гигантских красных тварей, которым ничего не стоит расправиться со слоном, а в Греции по росту с ними могли сравниться лисы. Теория доктора Херрманна по сути дела означала, что вся эта история с муравьями не более чем вымысел, но параллельно признается существование подлинных месторождений золота. Они, как известно, и в районе Каргила, и в верховьях Инда расположены приблизительно в тех местах, что упоминал Геродот, считавший, что «страна муравьев» находится где-то неподалеку от

Каспатироса. Сегодня не вызывает сомнений, что Каспатирос — это тот самый город Кашьяпапур, в котором жил Кашьяпа, основатель Кашмира.

Читая и перечитывая классиков, я не раз задавался вопросом: «Что, если Геродот и другие великие писатели не погрешили против истины? Следует ли нам в этом случае верить тому, что на свете действительно существовали муравьи, которые были по размерам больше лисы, но меньше собаки?» Страбон сообщает, что Нерх и Мегасфен видели таких муравьев во дворце персидского правителя, причем тело их было покрыто ворсом, «напоминающим шкуру пантеры». Муравьи в меховой шкуре, превосходящие по размерам лис! Действительно, такие «насекомые» не могут не вселять чувство ужаса. Однако судьба их окутана покровом тайны.

Сегодня золотоносные копи Инда утратили былую притягательную силу. Наверное, это объясняется тем, что наиболее перспективные жилы были выработаны без остатка. Золотоискатели с лотком в руках канули в прошлое. Отныне, несмотря на рост цен на драгоценный металл, игра не стоит свеч. Но когда-то все было по-другому, и крестьяне, обосновавшиеся в этих местах, платили свой оброк владыкам Ладакха чистым золотом, использовавшимся для украшения многочисленных статуй. Эти статуи находили затем пристанище под сенью монастырских крыш. В 1840 году статуи и предметы, покрытые тонким накладным золотом, были разграблены войсками раджи Джамму — Зоравара Сингха, покорившего Ладакх и отправившего в Джамму караван из ста семидесяти пони, груженных золотом и серебром! Кто знает, может быть, современные способы добычи позволят дать вторую жизнь золоту Инда. Но пока единственным доказательством «золотой лихорадки» былых времен служат кучи тщательно перебранного галечника вдоль

берега реки, попадавшие на нашем пути — пути, в который нас позвало стремление раскрыть тайну сказаний о муравьях.

Глава седьмая. Единорог и феи

Когда мы подъехали к мосту рядом с Кхалатсе, день уже клонился к вечеру. Ниже по течению лежала местность, на которой, как нам было известно, жили представители народа минаро.

Над мостом, на скалистом утесе, громоздились развалины крепости. Когда-то эта крепость принадлежала одному из предводителей воинства минаро, по имени На Лук (Черный Баран), который в X веке нашей эры успешно сражался у ее стен с армией тибетского царя Скийд-Лда-Ньима-гона.

Под покровом ночи, быстро опустившейся на зажатую со всех сторон утесами долину, мы

отправились на поиски площадки, пригодной для лагеря. Нордруп, еще раз демонстрируя свою способность не теряться в любых ситуациях, разыскал крестьянина, согласившегося предоставить нам только что сжатое им поле для лагерной стоянки. Мы и глазом не успели моргнуть, как наш новый знакомый уже сновал среди нас, рассматривая снаряжение, а я в свою очередь обратил внимание на его длинный нос и осанку, свойственную людям минаро.

Я обратился к нему с расспросами о муравьях и других животных, принимавших якобы участие в поисках золота, но мои вопросы были встречены им с безучастным — что, к сожалению, стало уже привычным для меня — выражением лица. Нет, он никогда не слышал ничего подобного.

Я не мог не испытывать горечь разочарования, особенно после того, как на следующий день получил отрицательный ответ на аналогичные вопросы, с которыми я обратился к другим жителям деревни. Что это могло значить? Может быть, минаро действительно не имеют ничего общего с дардами, упоминаемыми Геродотом?

Для того чтобы докопаться до истины, мы приступили к сопоставлению местных сведений, имеющих отношение к истории минаро. Под прохладными сводами древней крепости минаро в Кхалатсе мы узнали, что в X веке между минаро и тибетскими завоевателями развернулась жестокая борьба. В то время, несмотря на поражение Черного Барана, вождя народа минаро, тибетцы не селились в деревнях, расположенных в непосредственной близости от Кхалатсе ниже по течению. Отсюда понятно, почему минаро до наших дней смогли сохранить свой язык и большинство обычаев.

В Кхалатсе еще свежи в памяти воспоминания о первых представителях народа минаро, поднявшихся на

борьбу против пришедших с Тибета завоевателей. Рассказывают, как один из вождей, увидев, что битва проиграна, отдал приказ собрать всех своих людей в главном зале крепости. Предпочитая смерть позору капитуляции, он приказал воинам разрушить центральную опору, поддерживающую крышу, обрекая себя и свое окружение на смерть под обломками рухнувшего здания. Другая история повествует о том, как в Дахе тибетцы хотели обречь минаро на каторжный труд во имя обогащения властителя Тибета. Однако все их старания наталкивались на ожесточенное сопротивление. Однажды тибетцы схватили древнего старца и попытались заставить его работать. Старик, истинный представитель минаро, отказался наотрез. И тогда тибетцы решили замуровать его живым. Медленно, камень за камнем, вокруг старца росла стена, но даже смерть не смогла сломить его мужество.

Возможно, с прошлым и связано то, что обитатели Ладакха в большинстве своем с неприязнью относятся к людям минаро, обвиняя их в нечистоплотности, неразумности. Это отношение сквозит в бытующих здесь поговорках: «Давать в руки представителя минаро власть столь же неразумно, как сидеть под занесенным над твоей головой мечом». Или: «Терновник — не дерево, легкие барана — не мясо, а минаро — не люди».

Сегодня в Кхалатсе некоторые старики минаро еще могут изъясняться на родном языке. На этом языке они возносят молитвы, очевидно испытывая сомнения в том, что их боги научились говорить по-тибетски.

Винодел из Кхалатсе напомнил автору жителей Бургундии.

Упорное стремление этих людей сохранить доставшийся им в наследство язык, обычаи и веру достойно восхищения. Тем более что, продвигаясь на запад, тибетцы брали в кольцо деревни минаро, и поэтому в наши дни минаро, населяющие берега Инда и Заскара, живут в окружении народов, говорящих на тибетском языке.

Один из минаро, излагая мне свои взгляды на исповедуемую им религию и веру своих соседей — мусульман и буддистов, выразился следующим образом: «Бог распределял различные религии между людьми в виде священных книг, мы же, минаро, не нашли ничего лучшего, как съесть выданную нам книгу. Поэтому сегодня мы свободны от какого-либо религиозного устава и верим лишь в фей».

Подружившись с владельцем земли, на которой мы разбили наш лагерь, я спросил его:

— У тебя есть чанг (пиво)?

Одолеваемый жаждой, я надеялся на глоток тибетского пива. Ответ этого человека застал меня врасплох.

— Раш чанг? (Виноградное пиво?) К сожалению, все кончилось.

Так произошла моя встреча с первым гималайским виноделом. Мне даже показалось, что чертами лица он напоминает розовощеких жителей Бургундии.

На следующий день он пообещал показать мне свои виноградники и винодельню.

Как известно, Александр Македонский питал большую слабость к хорошему вину, но, к сожалению, ему так и не удалось отведать напитка из винограда, выращенного на склонах здешних гор, как, впрочем, и найти гималайское золото. Дело в том, что, вступив на берега Инда, он совершил досадную ошибку, отправившись на юг, в сторону Персидского залива. Если бы он поднялся вверх по течению этой реки, то его путь вполне мог бы пролегать через территорию, где живут виноделы-минаро, и через селение Кхалатсе с его золотоносными песками.

Позавтракав, я отправился пешком к дому нашего нового друга. Это было массивное строение из глины, кирпичей и дерева. Зной уже обрушился на Кхалатсе, проникая в лабиринты ущелий и долин. Поселок, расположенный на высоте всего лишь 3000 метров над уровнем моря, находится в окружении рощ из яблоневых и абрикосовых деревьев. Мой новый друг показал мне свои виноградники, где лозы, не знающие подпорок и садовых ножниц, карабкались вверх, как им заблагорассудится, цепляясь за тополя и даже за фруктовые деревья. Точно такие же гроздья мелкого зеленого винограда я покупал на базаре в Каргиле.

Мой друг пригласил меня посетить его жилище, дверь которого, как и следовало ожидать, украшал

козлиный череп, что ограждало обитателей дома от всевозможных напастей. Я был удивлен размером внутренних помещений, а также количеством и добротностью медной утвари, вольготно расположившейся на полках над очагом. Меня угостили тибетским чаем. После того как я высказал сожаление в связи с отсутствием вина, хозяин изложил мне со всеми подробностями свои винодельческие рецепты, которые оказались довольно простыми. Неповрежденные ягоды винограда ссыпаются в глиняный горшок, который закрывают куском полотна и запечатывают мокрой глиной на двадцать четыре часа. Затем в полученный сок добавляют специальные дрожжи и в течение семи дней сусло держат в открытом горшке большего размера. После окончания брожения жидкость фильтруют и переливают в другой сосуд. Его запечатывают, и в таком виде вино может храниться несколько лет! Приготовленное этим способом вино, по словам хозяина, вначале абсолютно прозрачно и имеет светло-желтый цвет, а затем по мере выдерживания приобретает более темный янтарный оттенок.

Остающееся после фильтрации сусло не выбрасывают, а хранят отдельно. Если к нему добавить воды, то получится напиток, который называют «майура». Ценится он гораздо меньше и напоминает по вкусу молодое вино.

Приведенный выше способ изготовления вина показался мне несколько странным, так как не предусматривал выжимку сока из винограда. Впоследствии я узнал о существовании здесь и других способов. Одни предпочитали отправлять гроздья под пресс, другие — насыпать виноград горкой на каменную плиту, давая соку возможность свободно стечь в приготовленный резервуар. Некоторые местные специалисты считали, что процесс брожения сока должен длиться не меньше пятнадцати дней. Не было

единого мнения и относительно необходимости фильтрования массы перед брожением. Подобное разнообразие рецептов изготовления вина характерно и для Франции, где почти у каждого виноградаря собственная технология.

Виноград в Гималаях — роскошь, поэтому вино здесь потребляют в более скромных масштабах, чем ячменное пиво. Оно появляется на столе лишь в дни больших торжеств.

После нашей беседы хозяин познакомил меня со всеми жилыми помещениями своего дома, а затем я вернулся в лагерь. Здесь меня ожидала встреча с одним из старейшин деревни, мудрым старцем по имени Шемет. Этот человек сообщил мне, что существуют еще две большие крепости, причем одна из них находится на берегу Инда. Он показал мне довольно многочисленную группу скал, украшенных рисунками горного козла и древними надписями на тибетском языке. Некоторые надписи были начертаны восемьсот лет назад тибетскими солдатами, гарнизон которых находился в Кхалатсе. Мне не удалось их расшифровать, однако я знал, что именно в Кхалатсе были обнаружены самые древние и наиболее интересные надписи во всем Ладакхе. Некоторые из них были найдены преподобным Франке и впоследствии привлекли внимание знаменитых ученых. Одна из надписей, значительно пострадавшая и в силу этого не поддающаяся расшифровке, была написана буквами брахми — шрифта, известного во времена короля Ашоки. Но ведь это позволяло отнести ее к III веку до нашей эры! Остальные надписи появились во времена кушанов и относились, по-видимому, к 187 году нашей эры. Петех считает, что в одной из них содержится упоминание о втором кушанском правителе, по имени Убима Кавтхиса. Более поздние надписи на тибетском языке были обнаружены во многих местах и занесены в

каталог. Франке называл эти надписи на тибетском языке «королевскими». Как правило, в них фигурировали имена солдат, которые, вероятно, жили в местном гарнизоне.

Двигаясь по берегам Инда вниз по течению, мы встречали на своем пути такие же, как найденные ранее в Алчи, скалы с изображением горных козлов, причем на некоторых фигурировали и лошади. Мы с огорчением узнали, что многочисленные камни с рисунками и надписями были разбиты кувалдами и превращены в гравий, необходимый для новой дороги.

В поисках камней с рисунками мы бродили по склонам и перекликались, чтобы не потерять друг друга. Это насторожило солдат, охранявших новый мост, и мне пришлось давать долгие и пространственные разъяснения по поводу нашего подозрительного поведения, объяснять, зачем нам понадобилось переворачивать камни и фотографировать местность с различных точек.

Письмо шейха Абдуллы, призывавшее оказывать нам «всяческое содействие в Кашмире», сыграло свою роль и успокоило представителей армии. Между тем Мисси обнаружила новые валуны с рисунками поблизости от армейского контрольно-пропускного пункта. Это привело к тому, что вскоре солдаты, заразившись от нас «козлиной лихорадкой», принялись помогать нам в поисках.

В конце концов мы покинули окрестности моста и повернули обратно, поднявшись вверх по Инду на пять километров до древней крепости Бал-лу-Кхар. Перед нами возвышалась созданная природой на самом берегу Инда скала-пирамида с вырубленными в ней ступенями и площадками. На вершине находилась огромная пещера, вход в которую загромождали каменные глыбы. Раньше эта скала служила крепостью для

минаро, а впоследствии тибетцы превратили ее в таможенный пункт.

Благодаря исследованиям Франке сегодня нам известно, что вокруг этой величественной природной цитадели было найдено множество жемчужин, но никому не попало ни одной монеты. Мы вынуждены были довольствоваться лишь беглым осмотром скалы-пирамиды. Мне понадобилось совсем немного времени для того, чтобы обнаружить предмет нашего интереса у самого основания крепости: именно там мы с Нордрупом и обнаружили рисунки с изображением горного козла. Основание скалы было покрыто древними надписями на тибетском языке. В одной из них, как считает Франке, упоминается имя таможенного чиновника, имевшего титул «торговый надсмотрщик нижней долины».

Расположившись у подножия Бал-лу-Кхара, я думал о том, что череда сменявших друг друга правителей, каждый из которых боролся за обладание этим стратегическим пунктом, представляет собой довольно пеструю картину. Однако жизнь в здешних краях не претерпела при этом сколько-нибудь значительных изменений.

Опускаясь за отроги горных хребтов, протянувшихся вдоль берегов Инда, солнце ласкало закатными лучами свинцовые воды величественной реки, покрывшиеся мелкой рябью под первыми порывами ледяного ветра. Какими же ничтожными казались в этот момент политические притязания людей, суетность биологического вида, движимого инстинктом выживания! Действительно, человек, *Homo sapiens* (человек разумный), слишком часто действует вопреки разуму. Но, увы, именно это безрассудство и выражало зачастую смысл существования человека. Да, конечно, ослы не пьют пива, не говорят о политике и не прибегают к магическим ритуалам, чтобы обратиться за

помощью к невидимым духам, которым полагается жить на небесах, вершинах гор или во чреве земли. На поверку же оказывается, что все это, присущее лишь человеку, — химеры, во имя которых множество людей готово было пожертвовать жизнью, полуправда, которую произносят шепотом, затаив дыхание, западающая глубоко в сознание, приукрашенная для того, чтобы, подброшенная человеку на ярмарке тщеславия, она захватила его с такой силой, что он забудет о своей человеческой сути и принесет себя в жертву во имя ее торжества.

Религия толкала человечество на бесчисленные войны. Может быть, охотникам за горными козлами служила путеводной звездой более рациональная вера? В самом деле, к кому обращали они свои помыслы? Движимые надеждой раскрыть тайну их веры, на следующее утро мы распрощались с ущельями и долинами, давшими приют Инду, и вновь оказались на дороге, ведущей в Каргил.

Преодолев в очередной раз девятнадцать головокружительных поворотов дороги, проходящей над Кхалатсе и уводящей нас прочь от стремнин Инда, мы оказались в своеобразном амфитеатре, выдержанном природой в охровых тонах и окруженном неприступными скалами. На одной из них возвышался величественный монастырь Ламаюру. Его многочисленные свежепобеленные постройки венчал семиэтажный храм, строгая элегантность линий которого свидетельствовала о таланте гималайских архитекторов. Этот комплекс, удаленный от Лхасы на тысячи километров, мог бы, без сомнения, украсить ламаистский центр Тибета. Приветствовать наш вездеход вышла группа монахов. Они принадлежали к малоизвестной ламаистской секте кадампа.

Монастырь Ламаюру, вероятно, возник на месте древнего буддийского храма, воздвигнутого в эпоху,

предшествующую появлению тибетцев, — во времена кушанских монархов. Небезынтересно отметить, что все постройки монастыря и расположенной поблизости деревни стоят на фундаменте, скрывающем лабиринт ходов, очень похожий на тот, который был обнаружен мною в Мустанге.

В поисках монахов, сведущих в истории Ламаюру, мы вместе с Нордрупом посетили множество часовен, «населенных» кровожадными божествами, чья внешняя свирепость резко контрастировала с безмятежной улыбкой Будды. Наконец мы встретили человека в красном одеянии, который, как нам показалось, был знающим и заслуживал доверия. К нашему удивлению, этот монах, так же как и другие наши собеседники, утверждал, что монастырь и расположенные в его окрестностях земли первоначально целиком и полностью принадлежали минаро.

Девушка в традиционном наряде минаро.

Мы выяснили, что некоторые живущие здесь монахи — выходцы из деревень минаро и что народ этот пользуется в Ламаюру глубоким уважением. Один раз в году в монастыре устраивается большой праздник, на который сотнями стекаются паломники со всей округи, населенной минаро.

Довольно интересен тот факт, что монастыри Ламаюру, Лингшот и Рингдом вместе с близлежащими

деревнями образуют своеобразную независимую монастырскую вотчину, на которую никогда не распространялась власть правителей Ладакха и Заскара. Вероятно, первоначально эти монастыри служили прибежищем для крестьян и местных скотоводов, принадлежащих, по всей видимости, к племени минаро.

Между монастырём Ламаюру и Каргилом расположены три района: Хенеску, Карбу и Мулбекх, земли которых, если судить по легендам и рассказам, занимали минаро. И сегодня живущие здесь люди с тонкими чертами лица, тонким носом и вытянутым черепом по облику во многом схожи с минаро.

В Мулбекхе неподалеку от гигантской статуи Будды «грядущего», у которой в 1975 году я впервые увидел минаро, нам встретилась целая группа представителей этого народа, возвращавшихся в свои деревни на берегах Инда. Женщины красовались в причудливых приплюснутых шляпках с увядшими букетиками цветов. Грудь их украшали медные зеркала величиной с чайное блюдце, сверкавшие в лучах заката тысячами бликов. Мои попытки упросить их занять место перед объективом были встречены столь решительным отпором, что мне на минуту даже стало не по себе. Вероятно, я вызвал в душе этих амазонок волну негодования. Девушки с длинными косами и матовой кожей вновь представились мне необыкновенно красивыми. Что же касается матерей, то это были настоящие гарпии. Лица их показались мне на удивление знакомыми, так сильно они напоминали лица европейских женщин, охваченных приступом ярости.

По возвращении в Каргил мы решили вновь посетить Заскар. В период подготовки к этому путешествию я часто бывал на базаре, проводя время в беседах с людьми минаро, среди которых, к своему огромному удовольствию, вскоре встретил моего друга

Дорже Намгиала. За ним, как и прежде, неотступно следовал его маленький сынишка. Вместе с другими Дорже на убедительных примерах утвердил меня во мнении, что минаро действительно находятся под пятой у своих жен. Полиандрия — обычай, позволяющий последним иметь несколько мужей, — получил в деревнях минаро довольно широкое распространение. Большинство женщин были вольны проводить ночи с любимым из представителей сильного пола, живущих в доме первого мужа, а при желании и брать его в мужья.

Есть все основания полагать, что в данном случае речь идет об обычае, практиковавшемся и в древности на основной части территории Центральной Азии. Именно этот обычай и вообще правление женщин китайские императоры презирали до такой степени, что развернули борьбу за его отмену на принадлежащих им землях. В наши дни полиандрия еще существует в Тибете, Ладакхе и Заскаре приблизительно в одной семье из десяти, но в деревнях минаро, как мне стало известно, соотношение другое: шесть — восемь женщин из десяти имеют двоих и более мужей, что может рассматриваться как признак матриархата. И тем не менее я бы не торопился брать эти рассказы за основу для выводов, превращающих женщин минаро в легендарных амазонок Востока. Однако вероятно, что слухи о женщинах, которые имеют несколько мужей и стоят во главе семейства, могли, распространяясь по свету, достигнуть и Запада.

Возможно, эти дамы ассоциировались с вооруженными луками лихими наездницами, не только не уступающими мужчинам в твердости духа, но зачастую и превосходящими их в смелости и ловкости.

Во всяком случае супружеский быт, о котором поведал мне Дорже Намгиал и его спутники, даже отдаленно не напоминал сладкие мечты о гармонии двух сердец.

Со всех сторон от мужчин сыпались жалобы на то, что женщины, эти невыносимые существа, отравляют существование своим деспотизмом. Имея несколько мужей, им без труда удается верховодить в доме, то и дело восстанавливая мужчин друг против друга.

— Как узнать, кто является подлинным отцом ребенка? — спросил я однажды у Дорже, который имел одну жену на двоих со своим кузенком.

Ответ был обескураживающим:

— Об этом нужно спрашивать у матери.

Таковы местные обычаи, несколько отличающиеся от тибетских традиций, в соответствии с которыми старший по возрасту муж считается отцом всех детей.

Матриархальный уклад жизни минаро нашел отражение и в религиозных ритуалах. В пантеонах минаро нет места богу в мужском обличье. Причины такого положения становились все более очевидными по мере изучения религии минаро, отличающейся некоторой архаичностью.

Нам уже было известно, что центральное место в религии минаро занимали две богини: Гьянце-Лхамо — богиня-фея удачи и Ширингмен-Лхамо — богиня-фея плодородия. Две женщины.

Кроме того, каждая деревня поклонялась своему собственному божеству, принадлежавшему конечно же к слабому полу. В Гаркунде возносили молитвы Кушуло-Лхамо и Зингманден-Лхамо, богиням, призванным обеспечивать хорошую погоду и защищать деревню и охотников. Все эти феи конечно же представляются верующим молодыми и красивыми девушками.

Верхнее божество, называемое по-тибетски Гьянце-Лхамо, а на языке минаро — Мун-Гьянце, что означает «фея, власть которой не знает границ», живет подобно Бабалашену (божеству заскарских минаро) на вершине высокой горы.

Основным элементом в религии минаро является представление о счастье, отождествляемом с изобилием и плодородием и зависящем от двух великих богинь. Отсюда видно, что религия эта имеет некоторые точки соприкосновения с первыми языческими религиозными культами греков, такими, как культ матери-природы, властительницы земли и ее богатств.

Чтобы не сердить богинь, мужчины и женщины должны быть чистыми в культовом отношении, беречься от скверны. Для этого им следует соблюдать целый ряд табу. Так, запрещается прикасаться к коровам, употреблять в пищу молочные продукты, прикасаться к тарелкам или кухонной утвари «нечистых» людей: беременных женщин, молодых матерей, дети которых не достигли возраста одного месяца, супругов, незадолго до этого находившихся в интимных отношениях. «Очиститься» можно не только с помощью чудодейственного дыма от горящего можжевельника, но и ведя благочестивый образ жизни.

Посредниками между людьми и богами у минаро служат многочисленные, но не столь могущественные феи, живущие на деревьях, у источников воды или в горах и охраняющие стада горных козлов, предводительствуемые уже упоминавшимся однорогим козлом. Примечательно, что на многих европейских гобеленах старинной работы единороги, как правило, имеют козлиную бороду. Не обязаны ли наши единороги своим появлением гималайскому козлу? А может быть, здесь обратная связь?

Из рассказов Дорже Намгиала я узнал, что фей лучше не гневить, иначе не оберешься бед. Встретив человека, они могут, неотступно следуя за ним, проникнуть в его жилище, наслать на него болезнь и даже лишить жизни. Фею легко узнать по ступням, обращенным носками внутрь. Считают, что некоторые

феи могут принимать облик обычных женщин. С наступлением ночи они выдергивают из крыши своего дома жердь потолще, заменяя ее длинным волосом из прически. Оседлав жердь точно так же, как это делают наши ведьмы с метлой, феи отправляются в полет.

Мне также удалось раздобыть новые сведения об охоте минаро. Охотнику не обойтись без помощи богинь и фей, приносящих удачу и изобилие. Если охотник был благочестив и сумел понравиться феям, то они, сидя на его плече, помогают ему в охоте на горных козлов, направляя выпущенные стрелы. Увидев, что преследуемое животное падает на колени, охотник не должен наносить удар, так как это означает, что животное находится под особым покровительством одной из фей. По возвращении в деревню удачливые охотники должны без промедления принести в дар внутренности, сердце и рога добычи богине Гьянце-Лхамо, возложив их на один из жертвенников деревни. Затем охотник преподносит в дар Гьянце-Лхамо рисунок убитого им горного козла. Наконец, я выяснил, что изображение должно быть выполнено не там, где заблагорассудится, а «в узкой ложбине или впадине у подножия утеса, расположенного напротив скалы, на которой находится жилище богини». Это неизменное условие нашло подтверждение в рассказах многих моих собеседников.

Принося в дар божеству внутренности и рога козла, охотник тем самым снимает с себя вину за убийство принадлежащего феям существа; что же касается наскальных рисунков, то они призваны дать убитому животному вторую жизнь.

Упомянутые причины создания подобных рисунков настолько естественны, что поневоле напрашивается предположение, что те же причины обусловили появление наскальных изображений горных козлов, бизонов и прочих животных в европейских пещерах. Что

же касается самих минаро, то, судя по всему, они — прямые потомки коренного населения Гималаев или их ближайшие родичи.

Будучи убежден в том, что в любом случае мы имеем дело с совершенно особым народом, я приступил к тщательному изучению обычаев и обрядов минаро. Мне рассказали, в частности, что в день Нового года (приходящийся на день зимнего солнцестояния) двух мальчиков одевают в козлиные шкуры и до захода солнца изгоняют из поселка. Считается, что таким образом изгоняются грехи жителей поселка, накопившиеся за год. Когда деревню поражает эпидемия, вдоль домов проводят черного козла, который затем также изгоняется, чтобы унести с собой болезнь. Вот вам и «козел отпущения» — явное, на мой взгляд, свидетельство сходства обычаев народов Востока и Запада.

Многие исследователи уже обращали внимание на взаимодействие индоевропейских культур в более поздние периоды. Например, не скифам ли обязаны европейцы таким предметом туалета, как брюки — необходимой одеждой всадников, живущих в районах с умеренным климатом? О многообразии контактов этого народа с Западной Европой свидетельствуют скифские захоронения в Бургундии и других областях Франции. Удивительная вещь: традиционная одежда минаро — узкие штаны и рубаха длиной чуть ниже талии, украшенные геометрическим рисунком, — несомненно напоминает одежду скифов Северного Причерноморья (по крайней мере, если судить по изображениям на великолепной вазе, найденной при раскопках Куль-Обского кургана).

Мое внимание привлек ритуал посвящения коня богам. Он свидетельствует о большой значимости коня в культуре минаро, что, по-моему, тоже роднит их со скифскими всадниками.

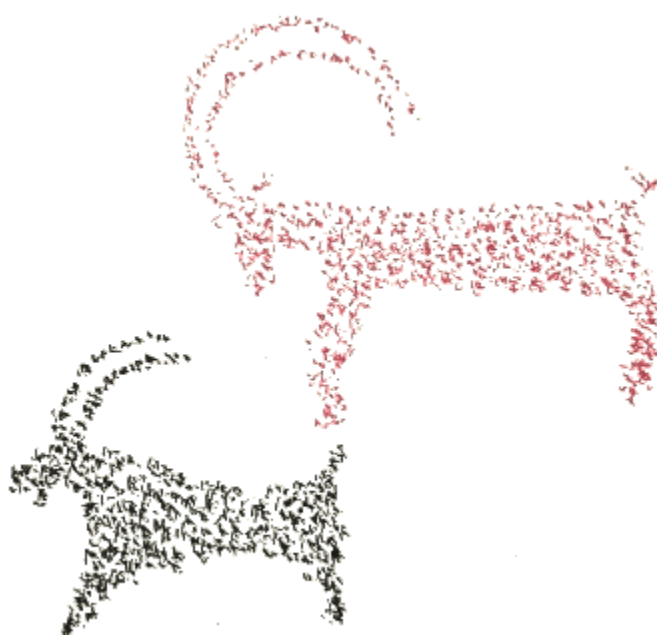
Праздник «посвящения коня» отмечается и сегодня во всех поселках минаро в Заскаре и в верховьях Инда. Он выпадает на первый день второго месяца тибетского календаря. В течение всего этого дня мужчины поселка не надевают обуви и хранят обет молчания. На заре в домах готовят пищу исключительно из «чистых» продуктов — козьего мяса и молока, баранины, гороха. Приготовленные блюда вместе с драгоценностями мужчины возлагают к ногам коня. По обычаю, этот конь должен быть белым. Круп животного натирается красной охрой, после чего оно считается посвященным Бабалашену (в Заскаре) или Гьянце-Лхамо. «Посвященного коня» теоретически уже никогда нельзя седлать, однако на практике, особенно если конь принадлежит не слишком состоятельной семье, сибаритствует он только одну неделю. Цель данного ритуала — вымолить дождь и хороший урожай.

Народу минаро не чужд спорт. Его излюбленным видом служит поло. Причем так я называю спорт минаро без всякой натяжки хотя бы потому, что само слово «поло» — тибетского происхождения и обозначает «мяч». Площадки для игры в поло (или в мяч, как угодно) — размером примерно триста на пятьдесят шагов — есть во всех поселках. Мяч делают из можжевелевого корня. В целом игра весьма напоминает современное поло. Игроки делятся на две команды, по шесть всадников каждая. Цель игры, естественно, как можно большее число раз поразить ворота противника, отмеченные двумя большими камнями. По мячу ударяют длинной палкой. Гол засчитывается лишь в том случае, если игрок, забив его, спешивается и касается лежащего за линией ворот мяча рукой. Не говоря уже о современной европейской игре, бросается в глаза сходство с аналогичным развлечением, существовавшим в Персии две с

половиной тысячи лет назад. Вот только кто кого научил: персы — предков минаро, или наоборот?

Вообще в обычаях и обрядах минаро можно найти немало сходного с обычаями, бытовавшими в древней Персии, простиравшей, кстати говоря, свое влияние до Индии куда дальше, чем существовала империя Александра Македонского. Какие-то из обычаев минаро были заимствованы у других народов. Но, я думаю, это абсолютно не исключает предположения, что минаро — коренные жители Гималаев. Более того, я почти уверен, что мы имеем дело не с собственно ариями, а с последней ветвью протоариев — «последних могикан» Гималаев [\[15\]](#).

Глава восьмая. Отравленные стрелы

С помощью Какпори и Нордрупа нам удалось приобрести в Каргиле запас провианта, достаточный для трехсоткилометровой конной (а временами и пешей) экспедиции на плато Рупшу. Этот малоизученный еще район можно с полным основанием назвать крышей мира — одной из самых высоких частей гималайских горных плато. Средняя высота плато около 4600 метров над уровнем моря.

Покинув Каргил, мы поднялись на «джипе» вверх по долине реки Суру. По дороге мы остановились, чтобы осмотреть грандиозную десятиметровую статую Будды «грядущего». На боку у колосса мы обнаружили надпись, сделанную по-тибетски, которая не была еще описана никем из побывавших здесь до нас. К сожалению, и нам не удалось ни расшифровать, ни

сфотографировать надпись — нужно было торопиться. В Гиагам мы прибыли уже поздно вечером.

Распрощавшись с шофером и его «джипом», мы вновь оказались в том мире, где слышишь лишь звук собственных шагов по тропам. Что ж, тропы некогда были единственными путями сообщения для человеческого рода.

Мы разбили палаточный лагерь, и я отправился в сопровождении Нордрупа к местному священнику и нашему старому другу Цевану. Согнувшись пополам, я на ощупь поднялся по лестнице, ведущей с первого этажа, где располагались стойла, на второй. Собственно, этажом это назвать было нельзя — скорее плоская крыша, обнесенная оградой так, что получалось нечто вроде приподнятой над землей террасы. Здесь Цеван и его семья — жена, дети и родители — жили в теплое время года, готовили пищу на костерке из козых кизяков и спали под открытым небом. Таким образом, они наслаждались свежим воздухом несколько месяцев — до прихода долгой зимы, когда нужно спасаться от холода в мрачном подвале.

Глядя на старого Цевана, который чертами лица напоминал мне греческого пастуха, я отметил по его одежде, что минаро, живущие в Заскаре, значительно продвинулись в приспособлении к тибетской культуре. Этот процесс чрезвычайно интересовал меня — ведь, поняв, как он проходил, можно было бы сделать важные выводы о прошлом района.

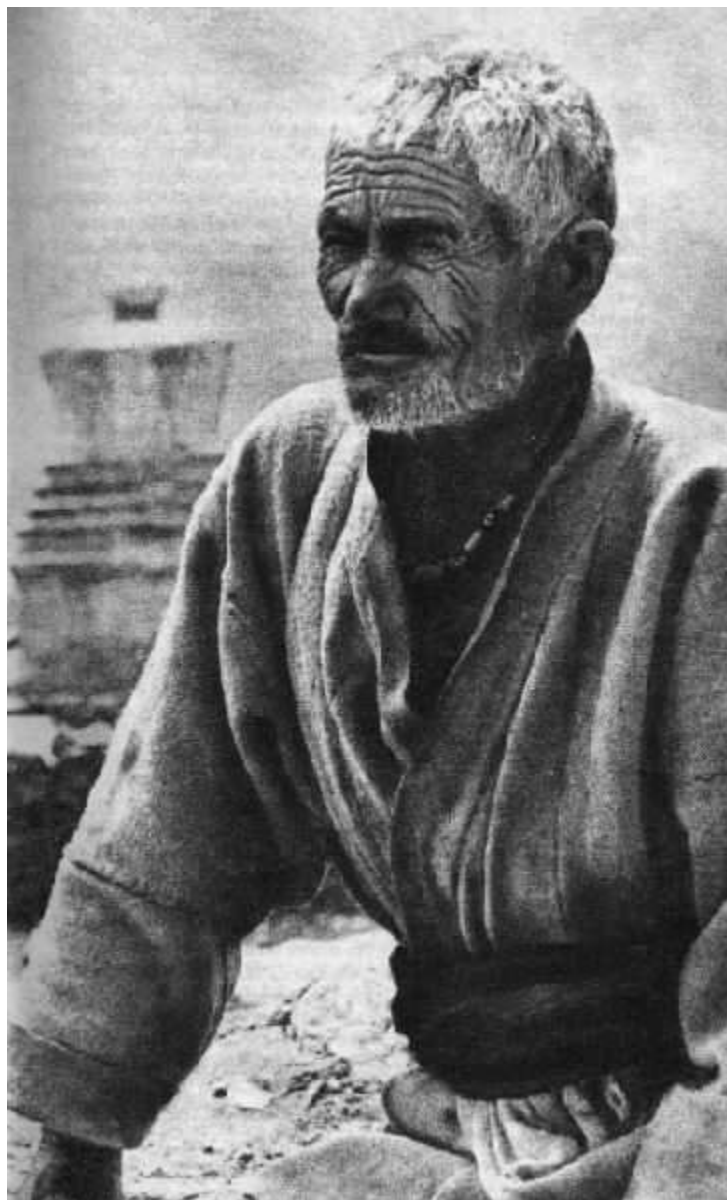
Мы уже знали, что главная богиня народа минаро Гьянце-Лхамо в Заскаре превратилась в Бабалашена, присвоившего себе все атрибуты знаменитой феи.

Мне казалось также очевидным, что именно древние верования минаро лежали у истоков тибетской «веры людей», или «безымянной религии». И в той и в другой вере почитались божества, живущие на

вершинах гор и повелевающие всем сущим на земле. И минаро, и тибетцы воздвигали своим богам алтари, на которые возлагали рога горных козлов и можжевеловые ветви. Очевидно, эти различные ныне культы некогда были слиты воедино. Исконные жители Тибета, по всей видимости, изначально поклонялись не богу-воителю, а богине земли, повелительнице природы. Превращение богини в бога в Тибете произошло, должно быть, таким же образом, как в исторически не столь отдаленные времена великий повелитель гор Бабалашен сменил в Гиагаме «всеобщую богиню» Гьянце-Лхамо.

Сосуществующая сегодня с буддизмом в Тибете и Гималаях «вера людей» распространилась в этом районе, очевидно, в эпоху неолита, когда в здешних местах обитал народ, который, по всей видимости, и воздвиг описанные Рерихом дольмены и менгиры.

Интересно, в какой мере верования минаро могут быть соотнесены с верованиями людей, населявших Европу в эпоху неолита? Есть ли связь религии минаро с представлениями народов, воздвигших менгиры на территории Европы? Уже долгое время мне не давал покоя вопрос, не являются ли менгиры и дольмены в Европе и в Азии проявлением одних и тех же верований? Обнаружив в Заскаре поставленные вертикально обломки скал, я решил побеседовать на эту тему с местными жителями.

Нелегкая жизнь заскарских крестьян рано старит их лица.

В результате расспросов я узнал, что у минаро есть три различных типа священных камней. Первый тип — вертикально поставленные длинные камни под названием «нияматхор» (солнечный указатель), величина и направление тени которых менялись в зависимости от времени года. Жители Гиагама показали мне шесть таких «солнечных указателей» на

гребне холма к востоку от поселка. Эти камни (а точнее, их тень) помогали определять периоды солнцестояния и равноденствия.

— А сооружаете ли вы вот такие каменные столы? — спросил я, нарисовав типичный для Европы и некоторой части Азии дольмен. Ответ превзошел все мои ожидания.

— Да, мы называем такие столы «до-мандал». Их делают у подножия горы, и они служат алтарем для богов, живущих на ее вершине.

Дольмены народа минаро стоят на трех ножках (если уж продолжать аналогию со столом) и состоят иногда как бы из двух «этажей». Большой дольмен близ Даха, сказали мне, считается тронем богини Гьянце-Лхамо. А огромные вертикально поставленные камни считались «огнем богов». Кстати, основной способ добывания огня в Гималаях до сих пор заключается в извлечении искры от удара стального кресала об обломок кремня или горного хрусталя. На языке минаро «огонь» — «гурр», что означает также «солнце». Минаро чрезвычайно почитают огонь и солнце. Например, во время празднования Нового года на стенах домов появляются стилизованные изображения солнца. Кроме того, все женщины минаро носят на груди отшлифованный медный диск, который так и называется — «гурр». Распространенность этого украшения указывает на существование в прошлом у минаро культа Солнца.

Наряду с огнем и Солнцем минаро почитают также воду — символ жизни. Святителища Ширингмен-Лхамо, богини плодородия, как правило, располагаются рядом с родником или ручьем и желателно в зарослях можжевельника, который также символизирует жизнь. Каждый год минаро празднуют День воды. Он выпадает на первый день второго месяца лунного календаря. Праздник начинается на рассвете, когда на небе еще

видны звезды. Один из юношей, родители которого обязательно должны быть живы, ступает босыми ногами на дно ручья или источника и набирает в чашу воды. Затем он несет чашу к очагу из можжевеловых веток и окуривает ее благовонным дымом, после чего кропит с помощью можжевеловой же веточки, обращаясь при этом к двум главным божествам. После этого люди, ждущие его в доме, оmyваются (в первый и последний раз в году). Только затем они могут обуться в мокасины из козьей кожи.

Можжевельник, как мы уже отметили, играет значительную роль в культовых обрядах минаро и в качестве символа жизни, и как средство очищения от скверны. Если кто-либо срубит можжевеловый куст, то, по поверью минаро, этого человека может постигнуть смерть от руки богов. В ходе ежегодной церемонии, проходящей у святилища Ширингмен-Лхамо (или Аби-Лхамо), женщины минаро вымаливают себе детей, собравшись вокруг можжевелового куста. Как нам стало известно, в Гилгите у родственного минаро народа шина некогда был сходный обряд, во время которого жрец кидал молодым женщинам веточки можжевельника. Те, кому удавалось поймать их на лету, могли надеяться в текущем году на продолжение рода.

Многие ученые, такие, как профессор Карл Йеттмар, французский филолог Фусман, филолог Лоример и другие, изучали язык и обычаи народа шина, представители которого живут в поселках Гилгит, Астор, Чилас, Гур на территории, контролируемой Пакистаном. Этот народ, хотя и принял ислам, сохраняет тем не менее ряд обычаев, сходных с обычаями минаро. Профессор Йеттмар первым предположил, что разрозненные остатки древних обычаев шина восходят, по всей видимости, к древнейшим обрядам существовавшего некогда народа

— предшественника индоевропейцев. К сожалению, позднейшие наслоения чрезвычайно затрудняют изучение этих рудиментов прежних верований шина.

Нужно воздать должное титаническому труду профессора Йеттмара, который предупреждал (цитирую одну из его книг), что «необходимо принять самые неотложные меры с целью сохранения для науки возможно большего количества свидетельств» доиндоевропейских корней народа шина (дардов). Призыв, однако, услышан не был. До сих пор ни один ученый не предпринял попытки исследовать места расселения народа минаро — несомненно, последнего наследника традиций, следы которых обнаружил у шина профессор Йеттмар. Меня, как исследователя, ждал непочатый край работы — и интереснейшей работы — в заповедном Заскаре.

Сидя вместе с Нордрупом рядом с Цеваном и его отцом — последними наследственными жрецами культа минаро, я ощущал себя астронавтом, попавшим на чужую планету. Как далек был от меня привычный нам современный мир! Мне казалось, я покинул его уже много лет назад. Я должен был напрячь все свое воображение, чтобы представить, что когда-то я мог жить в Париже, Нью-Йорке, Лондоне или Бостоне, мог видеть какие-то другие огни, кроме горевшего передо мной костра, отбрасывавшего красноватые отблески на лица моих друзей. Цеван, сидя неподвижно в своем странном и величественном головном уборе, говорил о всемогущих силах природы, частью которой был и он, и я, и все мы, и, казалось, голос его звучал из далекого-далекого прошлого. Вопросы, которые я ему задавал, были продиктованы уже не тем чисто научным холодновато-мертвенным интересом, столь характерным для представителей западной науки, а моим совершенно искренним желанием лучше разобраться в человеческих взаимоотношениях с

окружающим миром. Я должен был понять, какие силы управляют перелетами птиц, появлением на свет потомства у коз и овец, рождением и смертью. Мои познания в метеорологии и законах колебания атмосферного давления в данный момент ничего не значили. Да, разумеется, дождь и, напротив, ясная погода зависят от Солнца — здесь Цеван был полностью согласен с нашими учеными, а оно в свою очередь подчиняется таинственным законам небесной механики, управляющей жизнью видимых и невидимых далеких галактик. Намного ли мы продвинулись в изучении этих законов по сравнению с Цеваном? Какова наша взаимосвязь с этим хороводом звезд и планет? По правильному ли пути идет наша наука в поисках истинной сути природы?

В конечном счете кому, как не Природе, я должен быть благодарен за ячменную кашу, что ел, за воду, что пил, к кому, как не к ней, я возвращусь, когда великое Колесо Жизни, совершив полный оборот, вернет меня матери-земле? Если и впрямь на небесах или на заснеженной вершине горы восседает творец всего сущего, то не входит ли в его задачи, чтобы я жил в добром согласии с Природой? А разве я когда-либо сделал хоть что-нибудь, чтобы отблагодарить Природу? Воздвиг ли я хотя бы самый простой обелиск в знак этой благодарности или высек рисунок на скале? Как все-таки мало мы продвинулись со всеми нашими телескопами в осознании истинной глубины наших связей с миром, в котором мы живем!

Поселок Гиagam в Заскаре.

У жизни в Гиагаме мало общего с нашим современным сложным и подчас тревожным бытием. Утром, радуя глаз, солнце проливает свет на соседний холм — обитель местного божества. И жители поселка благодарят его за добытых на охоте коз, за выращенный урожай, за пиво и вино. Жизнь для них представляет собой нечто вроде обмена подарками между людьми и их богами. Для этого не нужно ни пророков, ни полубожественных жрецов, ни роскошных храмов. Одной лишь смене времен года подчиняют себя минаро, и нет королей, политиков, нет ни нации, ни государства в привычном для нас понимании. Этому народу удалось сохранить общественную структуру, состоящую исключительно из поселковых общин и даже отдаленно не напоминающую те громадные политические образования, что подчиняли себе ежедневно и ежечасно жизнь многих и многих людей в разных концах земли в разные времена.

Я был поражен полным отсутствием у минаро какой-либо общественной лестницы. Это отсутствие подчиненных и руководителей, что это — слабость или сила?

Надо думать, что именно эта общественная структура и дозволила минаро выстоять. Дав, по имеющимся сведениям, отпор войскам Александра Македонского на берегах Инда и в долине Свата, через две тысячи двести лет они вступили все на тех же берегах Инда в борьбу с англичанами, которым так и не удалось окончательно подчинить себе население района Чилас.

Живя в Гиагаме рядом с людьми минаро, я не переставал задаваться вопросом, в какой степени их сегодняшний образ жизни походил на образ жизни их далеких предков? Сопровождалось ли введение в их обиход меди, бронзы и железа изменением отношения к окружающей действительности или же, напротив, сегодняшние минаро все так же близки к своим предкам каменного века?

Разумеется, однозначного и категорического ответа здесь быть не может. И все-таки, как мне кажется, сами по себе новые орудия труда в меньшей степени определяют жизнь народа минаро, чем устоявшиеся традиции. Можно без всякой натяжки предположить, что пращуров нынешних минаро жили, действовали и мыслили приблизительно так же, как и их нынешние потомки. Лишь мы, дети технического прогресса, склонны видеть в далеких предках чуть ли не каких-то полулюдей, влачивших беспросветное и мрачное существование.

А ведь с некоторых точек зрения сегодняшние минаро находятся в более завидном положении по сравнению с людьми, ведущими «современный» образ жизни. Например, их религия не имеет ничего общего с известными нам культурами, проповедующими

нетерпимость и требующими беспрекословного подчинения человека своим законам. Многочисленные феи, живущие в их горах, — и добрые, и злые — в конечном счете весьма походят на богов греко-римского пантеона, в которых больше человеческого, нежели божественного. Это скорее олицетворения надежды, радости, удовольствия и т. п., чем повелевающие и карающие божества. В жизни этого народа нет места ни политическому, ни религиозному угнетению. Именно так, судя по всему, и должны были жить люди каменного века. Можно сказать с уверенностью, что их умственные способности были не выше и не ниже наших. Вероятно, они располагали большей личной свободой, чем мы сегодня.

Что касается труда и быта, минаро освоили употребление некоторых сегодняшних бронзовых и стальных орудий и предметов. Однако у многих в кухнях я заметил котлы, высеченные из черного камня, залежи которого находятся близ поселений минаро, в верховьях Инда.

— В них суп получается гораздо вкуснее, чем в медных, — объяснили мне. Вот вам и технический прогресс!

Продолжая изучение нашего затерянного в веках прошлого, мы получили весьма любопытные сведения о принятом у минаро способе захоронения. Оговорюсь, что последователи буддизма в здешних местах, как правило, не хоронят умерших. Их сжигают на кострах, или же отправляют тела вниз по течению реки, или расчленяют трупы и оставляют на съедение хищным птицам.

Минаро до самого недавнего времени умерших хоронили, да и сегодня еще делают это в некоторых случаях.

Тело, как мне объяснили, кладут на правый бок, ноги ему слегка сгибают и подтягивают к животу (так

называемая внутриутробная поза), руки, сложенные, как для молитвы, ладонями вместе, кладут под правую щеку.

Сверху могилу обкладывают камнями, а если хоронят в пещере, то вход замуровывают каменной кладкой. Рядом с телом ставят миску с водой, кладут лук и стрелы, одежду и украшения. И мужчин и женщин хоронят одинаково. Детские могилы состоят лишь из четырех больших камней, сложенных вокруг тела в форме четырехугольника.

Эти обряды представляют собой немалый интерес и с той точки зрения, что они точно совпадают с простейшими скифскими захоронениями в южнорусских степях, а также с некоторыми погребениями на территории Средней Азии. Во многих захоронениях тела умерших были уложены точно так, как было описано выше, — с ногами, подтянутыми к животу. Обратили внимание археологи и на положение рук. Впрочем, мелкие кости в могильниках, как правило, разрознены, и точное положение кистей определить трудно — были они сложены под головой или нет.

Цеван дал нам возможность увидеть ритуал жертвоприношения богам земли. Одну из коз, шерсть которой была выкрашена красной охрой, подвели к алтарю, где перерезали ей горло. Позже мы увидели и сфотографировали Цевана, возносящего молитву перед вылепленной из ячменного теста фигуркой горного козла. Он возложил ее на рассеченный камень у «священной рощи», где был разбит наш лагерь. В этом камне Цевану, как, возможно, и нашим предкам, виделась священная связь между небом и землей, богами и людьми.

Однажды днем Цеван повел нас к располагавшемуся на довольно значительном расстоянии от поселка большому камню, покрытому изображениями горных козлов. Цеван объяснил, что это

алтарь, воздвигнутый на границе между землями поселков Гиagam и Хамелинг.

Этот камень на языке минаро назывался «басардик», а по-тибетски — «лато фобранг». Им была отмечена не только граница между поселками, но и пересечение двух троп. Одна вела к броду через реку, а другая спускалась с перевала Пенси-ла.

На этом алтаре ежегодно в десятый день второго месяца приносили в жертву коз для того, чтобы урожай был богатым. Козу жертвовали здесь и тогда, когда юноша из одного поселка брал в жены девушку из другого. В этом случае честь совершить обряд жертвоприношения возлагалась на молодого неженатого парня, родители которого еще не умерли. Во время обряда исполняющий роль жреца должен был до того момента, пока животное не испустит дух, держать в зубах веточку можжевельника, символизирующего жизнь. Кровью жертвы затем окроплялись алтарь и молодожены.

Этот обряд представлял для нас немалый интерес. Ведь в Ладакхе мы с Мисси уже не раз задавались вопросом, зачем нужны подобные покрытые рисунками камни, расположенные на значительном расстоянии от поселков. Теперь этот вопрос был разрешен.

В один из последних дней нашего пребывания в Гиагаме, когда я уже начал считать, что мы узнали здесь все, что только было можно, сторож буддийской часовенки, располагавшейся неподалеку от нашего лагеря, показал мне букет увядших уже цветов.

— Каре ре? (Что это?) — спросил я с любопытством.

— Ду-и менток (Ядовитые цветы), — ответил он.

Не затрудняя себя предосторожностями, я взял в руки несколько растений. На каждом стебле располагалось с десятков мелких темно-синих цветков, усеянных крошечными белыми точками. Верхний

лепесток у цветков по форме напоминал что-то вроде шлема.

Сторож рассказал мне, что высушенные корни этого растения содержат смертельный яд.

— Мы натираем им наконечники стрел перед охотой, — сказал он.

В моем багаже имелся справочник по лекарственным растениям, и я принялся определять растение, принесенное сторожем. Оно относилось к семейству аконитовых. Представителей этого семейства из-за формы цветков называют «шлем Юпитера» или «монашеский капюшон», а также «волчья трава», так как волки от них погибают. «Относятся к наиболее ядовитым, — гласил справочник. — В медицине в микроскопических дозах применяются для лечения расстройства нервной системы».

Семейство аконитовых насчитывает около двух десятков видов, и я затруднялся точно определить, с которым из них имел дело. Это, впрочем, было не так уж и важно. Интересно было то, что из этого цветка получали сильнодействующий яд. Несущиеся галопом всадники племени минаро, вооруженные отравленными этим ядом стрелами, были силой, с которой враги не могли не считаться.

Осторожно засушив одно из растений, чтобы отвезти его потом во Францию, я в скором времени обнаружил десятки таких же, росших на полях вдоль оросительных каналов. Позже мы были свидетелями неборимой жизненной силы этих милых цветочков, разросшихся на пастбищах близ Рингдомского монастыря. В некоторых местах они покрывали землю сплошным ковром. Судя по всему, растение прекрасно себя чувствовало на высоте 4000 метров.

Странное совпадение: айны — древние жители Хоккайдо — использовали отравленные аконитом стрелы во время охоты на медведя и оленя. Кроме них и

живущих за тысячи километров от Японии минаро Ладакха, этим способом охоты на Востоке никто, по моему, не пользовался. С другой стороны, аконит, широко распространенный в Европе, употреблялся там в прошлом не только для того, чтобы угощать им владельцев соседних замков (обычное дело в средние века), но и для охоты на птиц.

За несколько дней до нашего отъезда из Гиагама жители поселка позвали нас посмотреть на соревнования по стрельбе из лука, устроенные в честь окончания сбора урожая. Это барабанного боя отражалось от возвышающегося над поселком пика — «жилища» Бабалашена, и стрелки один за другим посылали стрелы в мишень — врытую в землю доску. Зрелище было для нас необычным, но отнюдь не потрясающим: стрелы не отравленные, а луки сделаны из дерева... Кроме одного. Этот лук был настоящим произведением искусства. Его изготовили из пластинок козьего рога, хорошо проклеенных и обмотанных жилками. В результате получался легкий и упругий материал. Это было оружие всадника, и... оно точно копировало то, что мы привыкли называть «скифским луком». Несомненно, лук был изготовлен местными умельцами: он сделан из рога горного козла, а об особом отношении минаро к этому благородному животному мы уже знаем.

На следующий день Мисси, Нордруп и я распрощались с нашими друзьями в Гиагаме. Нам предстоял переход к высокогорьям Рупшу, населенным кочевыми народами. Район Рупшу представляет собой западную оконечность гигантского горного плато, простирающегося почти без понижений на расстояние четырех с половиной тысяч километров и лежащего на высоте 4600 метров над уровнем моря.

По дороге нам постоянно встречались наскальные рисунки, изображающие горных козлов, придорожные

алтари и простые каменные обелиски. Теперь мы точно знали, где их искать — это нам объяснили: «в долинах, у подножия скал, напротив гор, где обитают божества», а также «у пересечения дорог между двумя поселками». В каждой из долин, веером спускавшихся с хребта, мы находили алтари богини природы — следы прежних поселений минаро в этих местах, населенных ныне в основном тибетцами.

Дорога привела нас сначала в Куршу — монастырь, в котором Нордруп жил с тринадцатилетнего возраста. Издалека монастырь казался ковром, раскинутым на красновато-коричневом горном склоне. Десятки келий поднимались по склону вверх, к двум большим храмам с плоскими крышами. В монастыре наш багаж пополнился увесистым мешочком ячменной муки, предназначавшейся в дорогу Нордрупу. Для меня брат Нордрупа припас несколько глиняных горшочков, наполненных великолепным виски, которое он приготавливал с помощью глиняного же перегонного аппарата, стоявшего в его крошечной келье. В стенах этой кельи монах проводил большую часть своей жизни, размышляя о бренности всего сущего.

Монастырь Курша.

Отец — эконоом монастыря — провел нас к месту, что находится рядом с просторным общим залом. Здесь зимой устраивались кормушки с соломой для спускавшихся с гор диких козлов.

— Они знают, — пояснил эконоом, — что мы не причиним им вреда, и едят прямо из рук.

Азиатская разновидность горного козла превосходит по размеру своих европейских сородичей. Ареал его простирается от Афганистана до Сибири. Размер рогов превышает подчас полтора метра. Представители этого вида встречаются в Аравии, Нубии и на Кавказе.

Почему же эти животные стали излюбленным объектом охоты древних? Во всяком случае добыча была не из легких. Мы узнали, что стадо горных коз из десяти — пятнадцати голов постоянно охраняется одним из козлов, который в случае опасности издает предупреждающее блеяние.

Я очень надеялся увидеть этих благородных животных во время путешествия, но надежда моя была вряд ли осуществима. Дело в том, что в летнее время дикие козлы поднимаются высоко в горы, к границе снегов, которые в Заскаре лежат на самой большой в мире высоте — около 6000 метров. Там же летом обитает и легендарный снежный барс.

Перед тем как покинуть поселок, я навестил своего старого знакомого, местного землевладельца Лумпо. Немолодой уже человек, отец пятерых детей, в юности он присутствовал при раскопках древнего захоронения. Быть может, высказал он теперь догадку, это была древняя могила человека из племени минаро? Четверть часа понадобилась нам, чтобы достичь места захоронения — скалистой возвышенности в центральной части долины. Здесь можно было ясно различить ряд округлых холмиков, идущих по гребню возвышенности. Мы приблизились к небольшой глубокой яме, окруженной камнями.

— Здесь и нашли тогда человеческие кости и несколько глиняных горшков, — объяснил мой провожатый.

Это была узкая яма примерно метров двух в глубину. Как же мне хотелось иметь возможность раскопать остальные холмики!

Лумпо из Курши отвел меня затем к развалинам древней крепости, построенной, по его словам, «задолго до прихода сюда тибетцев». Здесь, у подножия холма, я увидел сотни небольших чхортенов с выбитыми на них рисунками, а рядом — неизменные изображения горных козлов. На холме вырисовывались руины мощных стен, и без труда можно было представить былую мощь крепости.

Из Курши вдоль реки мы отправились по направлению к Пимо, где я когда-то пытался намыть

хоть крупинку золота из того же песка, который лежит и на берегах Инда, сносимый туда течением.

По дороге в Пимо мы отделились к востоку и встретили необычный подвесной плетеный мост. Он был длиной около семидесяти метров или чуть больше. Соединяя берега реки, мост вел нас к поселку Зангла — резиденции одного из местных властителей Заскара.

Когда мы ступили на мост, Мисси с ужасом заметила, что его «канаты», сплетенные из ветвей карликовой березы, имели вид более чем подозрительный. Действительно, они выглядели так, будто их может разорвать и ребенок, но оказалось, что «канаты» удивительно прочны на растяжение. Легко можно было понять, почему поселок Зангла, который находился по ту сторону ущелья, редко посещали люди посторонние.

В поселке жил се ми десятилетний старец, считавшийся властелином всей окрестной территории. В обычные дни его одежда, по крайней мере с точки зрения европейца, весьма напоминала лохмотья, а по праздникам повелитель надевал красивое красное платье из домотканого полотна. Династия, продолжателем которой был почтенный старец, царила над четырьмя окрестными деревеньками в течение последних пяти веков. Теперешний монарх в глазах своих подданных был уже скорее чем-то вроде доброго дедушки, нежели царственной особой. Двадцать лет назад он раздал крестьянам принадлежавшие ему в качестве монаршего домена земли, оставив за собой лишь «дворец». Внутри этого просторного строения, выполненного в традиционном тибетском стиле, размещалась масса комнат и комнаток, из которых наиболее примечательным помещением была часовня с роскошными золочеными статуями — единственным сокровищем скромного владыки. Впрочем, недостаток внешнего величия у старца возмещался богатейшими

знаниями местных традиций и обычаев, корни которых уходят к временам, когда пришедшие с востока тибетские воины обосновались в этой уединенной долине.

На отвесной возвышенности над поселком высились руины древнего замка царей Зангла. В этом замке в 1823 году гостил и работал удивительный венгерский исследователь Чомо Кёрёши. Он был первым европейцем, добравшимся до Заскара. Мечтой всей жизни этого человека было отыскать на просторах Азии предков нынешних венгров. Как и я сам, Кёрёши видел истоки своего народа именно здесь. Без гроша в кармане в 1818 году он покинул Венгрию под именем Сикандер Бек (господин Александр).

Следы Сикандера Бека обнаруживаются затем в Персии, куда он проник под видом араба, спустившись вниз по течению реки Тигр. В Тегеране он занимает денег у британских офицеров и отправляется в Бухару. Местные власти препятствуют ему в продвижении дальше на восток, и Кёрёши, по-прежнему в восточном обличье, идет на юг и достигает Кабула. Затем — в индийский Пенджаб (еще не завоеванный англичанами). Отсюда путь к степям Средней Азии ему преграждают Гималаи. Это препятствие не смущает Сикандера Бека, и в 1820 году он пересекает Кашмир и Ладакх. В Драсе он встречает уже знакомого нам Муркрофта. Трудно со всей точностью представить, как протекала встреча двух бесстрашных исследователей, но, по всей вероятности, Муркрофт убедил Кёрёши заняться изучением тибетской культуры. Известно, что от Муркрофта Кёрёши получил латино-тибетский словарь, составленный католическим священником отцом Джорджи и изданный в Риме в 1762 году. Муркрофт снабдил также венгерского исследователя рекомендательным письмом к просвещенному монаху,

за которого к тому времени вышла замуж вдова царя Зангла.

Так начиналась ученая карьера Чомо Кёрёши, одного из основоположников современной тибетологии.

Из крошечного окошка кельи, в которой жил когда-то Кёрёши, я глядел на вершины Гималаев. Я задавал себе все те же вопросы, что мучили и моего предшественника. Не из этих ли самых мест начался путь наших далеких предков? Впрочем, что касается прямых предков венгерского народа, то тут Кёрёши, надо полагать, все же был довольно далек от истины. Во всяком случае венгерский язык не принадлежит ни к китайско-тибетским, ни к индоевропейским языкам. Вместе с финским он входит в финно-угорскую группу, и логичнее было бы искать истоки правенгров на севере, а не на востоке. Как бы то ни было, в поисках родины своих пращуров Кёрёши отправился именно на восток.

Сидя на полу в келье венгерского исследователя, я спрашивал себя, приходило ли Кёрёши когда-либо в голову, что здесь, в Зангла, ему было рукой подать до сердца прародины индоевропейцев? Ведь в считанных днях пути лежала страна охотников на горных козлов, язык и внешний облик которых куда больше походили на современных европейцев, чем у большинства народностей, что встретил Сикандер Бек к востоку от Александрии.

Кёрёши посвятил двадцать лет жизни изучению тибетской литературы. Когда ему исполнилось пятьдесят восемь лет, ученого вновь охватила тяга к поискам истоков своего народа. В феврале 1842 года он сообщил членам Азиатского научного общества, в котором также состоял, что отправляется из Калькутты через Тибет в Среднюю Азию. Целью путешествия был поиск племени югуров, или унгаров, по предположению Кёрёши — прямых потомков правенгров. 24 марта того

же года ученый прибывает в город Дарджилинг, где ожидает разрешения властей отправиться в Сикким, а затем в Лхасу. И когда все было готово для продолжения маршрута, Сикандер Бек, он же Чомо Кёрёши, тяжело заболевает. Приступ лихорадки укладывает его в постель. Ученый отказывается принимать какие бы то ни было лекарства, кроме местных снадобий, рецепт которых в свое время передал ему Муркрофт. К сожалению, состояние больного тем не менее ухудшается. В эти дни ученый вспоминает о своей давней экспедиции в Заскар. Он вспоминает о встреченных тогда и преодоленных трудностях, он вспоминает о мучительном холоде в узкой келье замка королевы Занг-ла, когда лишь усилием воли заставлял себя вынимать руку из складок одежды, чтобы окоченевшими пальцами перевернуть страницу лежавшей перед ним книги. Эти подробности известны благодаря запискам представителя британских властей в Дарджилинге. 11 апреля 1842 года, накануне дня, назначенного для отъезда, Чомо Кёрёши умирает. И по сей день корни венгерского народа, поиску которых бесстрашный путешественник отдал столько сил, со всей точностью так и не установлены.

Я спрашивал себя, не удалось ли мне чуть ближе, чем Кёрёши, подойти к точке, связывающей Восток и Запад, к тому недостающему звену в цепочке, связывающей народы Европы и Азии? Я был уверен, что этим недостающим звеном является народ минаро.

Погрузив свои вещи на пони, мы распрощались со старым царем Зангла — несомненно, самым бедным феодальным монархом из всех, которые когда-либо существовали. Путь лежал на север. Мы шли к монастырю Тхонде, находившемуся у лежащего на высоте 5140 метров перевала Тхонде-ла.

На следующий день, приобретя еще одного пони — для Мисси, мы покинули Заскар и двинулись по направлению к перевалу. Идя по дороге, я спрашивал себя, чем стало для меня изучение Гималаев? Не превратилось ли оно уже в своего рода одержимость? Как знать, не предстоит ли и мне, как Чомо Кёрёши, отдать всего себя без остатка поиску следов седого прошлого и не лучше ли было заняться постройкой своего собственного будущего... Но почему так неодолимо влекла меня к себе земля минаро?..

С перевала открывался не сравнимый ни с чем, ошеломляющий и величественный вид на долину — и это зрелище заставило меня позабыть об усталости. Мне вспомнилось, как еще в детстве я был зачарован настенной росписью в пещерах, а позднее — каменными орудиями, обработанными руками наших далеких предков. Вот и сегодня я был очарован удивительной коллективной памятью жителей Гималаев, памятью, сохранившей до наших дней события тысячелетней давности. Меня зачаровывали самые невероятные на первый взгляд истории Геродота — от Царства женщин до страны муравьев-золотоискателей. Мой неизменный интерес к прошлому я могу объяснить лишь самой человеческой природой. «Человек без традиции — не человек» — так сказала мне когда-то молодая индейская женщина в Мексике. А раз так, то, быть может, «человек разумный» смог сохраниться как вид главным образом благодаря способности изучать свое прошлое и извлекать из него уроки? В таком случае мою любознательность по отношению к древней истории следовало бы рассматривать как проявление инстинкта самосохранения, присущего всему живому, в том числе и роду человеческому.

Итак, теперь мне было доподлинно известно, что на Востоке существуют люди, наделенные орлиным

профилем и светлыми глазами; у этих людей белокурые дети. Здесь сохранились островки нашего собственного прошлого. Интересно, стоило ли это открытие затраченных на него усилий? Такой вопрос невольно возникал при взгляде на Мисси, которая и сидя на лошади выглядела усталой, хотя и старалась храбриться, или на Нордрупа, дышавшего с не меньшим трудом, чем мы, здесь, на высоте 5000 метров. Весь мир теперь расстилался внизу, а вокруг нас, куда ни посмотри, высились неприступные горные пики. Мы подходили к «ла» — перевалу, отмеченному простейшим чхортемом в виде груды камней, символизирующей связь богов и людей. Я услышал ритуальный возглас: «Ки-ки со-со! Ла гиало!» (Боги всемогущие!) — Нордруп первым достиг перевала.

Оглянувшись, я увидел у своих ног нагромождение хребтов, пересеченных тысячью гигантских шрамов, долины, в которых блестели безмолвные речушки, оживляющие своими золотыми нитями этот лунный пейзаж.

Напрасно искал я глазами хоть малейший признак присутствия человека в этих местах. Тщетно было искать в окружавшей нас грандиозной панораме заснеженных вершин свидетельства того, что люди живут здесь на протяжении тысячелетий. Величественная Природа не добра и не зла, но совершенно безразлична к помыслам нашего человеческого рода. Ей не было никакого дела до этих честолюбивых двуногих существ, которые царапали скалы, покрывая их рисунками, ставили обелиски из обломков породы в надежде оставить после себя свидетельства своей духовной деятельности. Эти скромные попытки связать себя с вечностью и были здесь единственными признаками бытия наших предков и единственным наследием, которое оставили они нам.

При подъеме на плато Рупшу мы увидели труп мула, лежавший в стороне от нашей тропы. Что это — дурное предзнаменование? С немалым трудом мы начали спускаться к высокогорным долинам по обледеневшему ущелью, которое одновременно пронизывалось ледяным ветром и выжигалось легко проходящим через разреженный горный воздух ультрафиолетовым излучением Солнца.

По мере продвижения я мысленно пытался привести в систему полученные сведения. Итак, нам было теперь ясно, что Ладакх и Заскар некогда населялись племенами охотников, принадлежавшими к индоевропейцам. Есть все основания полагать, что главным орудием их охоты были луки из рога горного козла, того же типа, что у нынешних минаро. Не исключено, что им были известны и яды, применяемые сегодня минаро на охоте.

Наши исследования, а также работы специалистов по древнейшей истории дают возможность утверждать, что каждый поселок обитателей этих мест был как бы привязан к определенным стадам диких горных козлов и охотники следовали за этими животными из долин до вершин гор во время сезонных миграций стад. Общины разграничивали свои охотничьи владения, ставя на границе территории поселка алтари с высеченными изображениями все тех же горных козлов.

Вопреки общепринятому мнению люди каменного века жили в условиях относительного изобилия. Во всяком случае к предкам минаро это относится без всяких оговорок: район их обитания действительно изобилует дичью. Предки нынешних минаро в летнее время, по всей видимости, вели полукочевой образ жизни, живя на временных стоянках. Думается, что и спали они не в шатрах или палатках, а как и все наши друзья в Заскаре — под открытым небом.

Летом в горах можно найти не только смертоносный аконит и всевозможные лекарственные растения, но также и немало съедобных кореньев, ягод, плодов. Помнится, мы с Нордрупом подкреплялись диким горохом, найденным на высоте 4600 метров. Это растение с густо-опушенными стручками, очевидно, было близким родичем культурной разновидности гороха, выращиваемого в Заскаре. Что касается ягод, то самым распространенным видом здесь была красная смородина, растущая по берегам горных речушек. Всякий раз, когда дорога пролегала вдоль потока, мы накидывались на ягодники с проворством, лишней раз доказывающим, что передние конечности «человека разумного» служат совершеннейшими орудиями для собирательства.

В здешних ручьях и речушках водится много рыбы. Наши предки могли полакомиться, в частности, местным видом форели, которую здесь называют «аса», или же рыбой «массия», также из семейства лососевых.

В высокогорных районах форель встречается в совсем мелких ручьях, и при известной сноровке ее можно ловить руками. Оговоримся, впрочем, что в наши дни никто не нарушает вольную жизнь форели в здешних горных ручьях, ибо для буддиста — наитягчайший грех лишить жизни существо, не имеющее даже голоса, чтобы позвать на помощь.

Надо полагать, что для предков минаро подобные соображения морали вовсе не были препятствием. Несомненно, они вполне могли решиться посягнуть и на жизнь обладающих весьма крикливыми голосами местных птиц, оглушительная болтовня которых сопутствовала нам на протяжении значительной части маршрута. На горных склонах здесь развелось превеликое множество кекликов, сородичей фазана, испускавших пронзительные крики, слышимые

издалека. Здешние места — земной рай для этих аппетитных пташек.

При приближении зимы предки минаро постепенно стягивались в долины, принося с собой с гор запас можжевельного хвороста, которому предстояло обогреть хижины и пещеры в долгие зимние холода. С первым снегом охотники добывали как можно больше диких животных, туши которых подвешивали, чтобы стекла кровь. Таким образом, на зиму племя было обеспечено долго сохраняющимся свежемороженым мясом. С наступлением бронзового века жизнь минаро относительно облегчилась благодаря появлению более совершенных наконечников для стрел, применяемых на охоте.

Новейшие исследования не исключают, что в эпоху мезолита могли существовать и некоторые формы земледелия. Если так, то в это время жилища минаро, возможно, были окружены садами или даже небольшими полями, где росли зерновые или, скажем, горох.

Нам не удалось найти способа точно определить время появления в Гималаях первых минаро. Тем не менее, согласно нашим расчетам, они здесь жили уже во времена, соответствующие европейской ранней античности. В VI веке до нашей эры территория минаро была захвачена персами, пришедшими с севера через территорию Бактрийского царства. Надо думать, в это время индоевропейская языковая система и вытеснила из обихода минаро их исконное наречие.

Если принять как данное, что минаро жили в этих местах с ранней античности или даже со времени, предшествовавшего появлению лука и стрел, то многое становится на свои места. Это логично объяснит обнаружение при раскопках древних захоронений в Тибете и Ладакхе скелетов с удлинённым черепом, а также позволит предположить, что минаро селились

когда-то значительно восточнее, а затем были оттеснены к западу древними кочевыми племенами монголоидной расы. Нет ничего удивительного в том, что местный фольклор и тибетская литература уделяют столько внимания символическому противоборству лошади и яка!^[16] Вероятно, это служит отражением противоборства (увы, отнюдь не символического) между двумя народами — минаро и дрок-па.

Что происходило, спрашивал я себя, когда кочевники начали появляться на землях охотников на коз? Надо думать, минаро испытывали мало симпатии к этим пришельцам, гнавшим с собой стада. О чувствах предков минаро напоминает характерное для нынешних их представителей отвращение к яку и корове. А могли ли минаро оказать существенное сопротивление пришельцам? Еще и сегодня общины минаро живут весьма разобщенно, видимо, и в те далекие времена было так же. Смешанные браки потихоньку размыли очертания племени, и до сегодняшнего дня сохранилось лишь около трехсот семейств «стоцентных» минаро.

Вечер настиг нас, когда мы переходили по ледяной воде вброд горную речушку. Мисси и я занялись установкой палаток, погонщик мулов и Нордруп отправились собирать хворост и ячьи кизяки для костра. Вскоре на огне уже булькал котелок с соленым чаем для наших провожатых. Мы же подкрепились галетами и поспешили скрыться в палатки от холода, который царит по ночам здесь, на высоте 4800 метров. Нордруп и погонщик, подтрунивая над нашей изнеженностью, предпочли расположиться под открытым небом.

Наутро мы начали спуск вдоль реки, которая время от времени пряталась меж фантастических башен, высеченных ветром. Красноватая горная порода в

сочетании с зеленью карликовых деревьев и синевой воды создавала незабываемую картину. Река причудливо извивалась между скалами, и мы то и дело вынуждены были разуваться и переходить вброд бурлящий поток, который по мере впадения в него новых ручейков становился все глубже и глубже. Если сначала Мисси удавалось переправляться верхом, держась за гриву своей лошадки, то затем ее верный пони уже не доставал ногами дна и был вынужден пускаться вплавь. Я подсчитал, сколько раз в тот день нам пришлось принимать холодную ванну: восемнадцать.

Проводник экспедиции — неутомимый Нордруп.

Когда я готовился в очередной раз зайти в ледяной поток, Нордруп молча тронул меня за плечо и указал пальцем на скалу, высившуюся прямо над нами.

— Скин, — прошептал он.

Я по привычке скользнул взглядом по скале, думая увидеть очередную серию изображений горных козлов, — ничего похожего.

— Ты о чем? — переспросил я с некоторым нетерпением.

— Ди ла (На перевале), — ответил Нордруп, повторно указывая на вершину горы, которая была слишком высоко, чтобы я мог что-нибудь на ней разглядеть.

— Там горные козлы. Целое стадо.

Я понял наконец, что Нордруп имел в виду живых козлов.

Напрягая зрение, я действительно разглядел как будто небольшое стадо. Неожиданно для меня самого сердце вдруг часто забилось: похоже, эти животные начали играть в моей жизни более значительную роль, чем я мог предположить. Как и для наших минаро, они стали для меня чем-то вроде божественного символа.

По мере продвижения вперед у меня начало складываться впечатление, что мы никогда не выйдем из этого бесконечного ущелья. С обеих сторон высились отвесные стены, в разломах которых виднелись окружавшие ущелье горные пики. Мы шли по наименее изученным местам самой высокой и недоступной горной системы планеты.

Когда силы, казалось, были уже на исходе, нам вновь пришлось переправляться через реку. Ледяная вода доходила до пояса, и в голову поневоле закралась мысль о том, что уже очень много незадачливых путешественников так и не смогли добраться до противоположного берега таких вот бурных гималайских потоков. Прогнав эту мрачную мысль, я поспешил на помощь Мисси. Вместе с Нордрупом я помог ей достичь берега, а затем взобраться по склону. Наша мужественная спутница сама не смогла бы подняться — мешали наколенники. Было чистым безумием с моей стороны вовлекать ее в эту авантюру, и, собственно, ради чего? Показать ей горных козлов, настоящих и нарисованных...

Я так углубился в свои мысли, что чуть не вскрикнул от неожиданности, когда перед нами вдруг возник выкрашенный в ярко-красный цвет чхортен. Молитвенные флажки на древках из неоструганных ветвей колыхались на ветру вокруг рогов горного козла, укрепленных на верхушке святилища. Что это могло означать?..

Солнце клонилось к закату, и окружавшие нас горы мало-помалу погружались в золотистую дымку. В скале за высившимся перед нами чхортеном темнела широкая щель. Значит, это — гигантский «рассеченный камень»? С удивлением мы увидели, как Нордруп взял лошадь под уздцы и уверенно направился к расщелине. Я направился следом — и мы вошли внутрь скалы. Несколько километров мы шли по дну погруженной в полумрак глубокой теснины. Расщелина, однако, становилась постепенно все шире. По ее дну бежал ручеек, берега которого были покрыты густой травой. Впервые за несколько недель мы увидели хоть какую-то более или менее существенную растительность. Затем трава уступила место густым зарослям болотных травянистых растений. Стены ущелья расступались все шире и шире, и вскоре вместо привычных уже глазу каменистых вершин нас окружали округлые холмы, покрытые нежной зеленью. Этот тайный ход вывел нас в широкую долину. Как мы узнали позже, посредине долины стоял поселок. Название его было Шади. А вот и кое-кто из его жителей стал встречаться на дороге, провожая удивленным взглядом наш маленький отряд. Лица этих людей были темными, частично от загара, частично от втираемой в кожу золы от жженного козьего рога. Цель этого местного удивительного на первый взгляд макияжа проста — защищать кожу от опасных на такой высоте солнечных лучей. Монголоидные черты лиц встречных не оставляли сомнений — перед нами тибетцы.

Впервые за последние двадцать лет я ощущал себя среди этих людей чужаком. Мне теперь хорошо было понятно, что я в глубине души был не таким, как они, погонщиком стад — я всегда оставался человеком из племени минаро, охотником за горными козлами. Вот здесь, в долине Шади, мое племя проиграло решающую битву в войне, начавшейся через неполных сто лет после походов Александра Македонского. Это было в 221 году до нашей эры, когда на престол Поднебесной империи взошел император Шихуанди. Этот человек не только начал строительство Великой китайской стены, но и отправил также в Монголию трехсоттысячную армию, приказав ей разгромить войска кочевников сюнну.

Последствием этих двух событий — постройки стены и отправки армии — стало величайшее в истории переселение народов. Потерпевшие поражение сюнну откатились на запад и вторглись в земли белокожих юэчжи, которые в свою очередь двинулись на запад и заняли территории, населенные саками (скифами). И этот народ устремился на запад; так, подобно опрокидывающимся косточкам домино, древние народы стали подталкивать друг друга в западном направлении. Последними всплесками этого своеобразного явления стали миграции, известные Европе как «вторжения варваров». Эти миграции довели сначала готов до Португалии, а много позже — к монголов до ворот Вены.

Менее известным последствием того же процесса стало переселение тибетских кочевников к юго-западу. Лишь несколько крошечных островков остались нетронутыми могучей рекой их миграции — община минаро, сохранившаяся в Заскаре, а также некоторые поселки вдоль верхнего течения Инда. Поселок Шади, до которого мы дошли, был аванпостом на фронте этого переселения. Мы достигли финиша в своем

путешествии, пришла пора возвращаться и думать о новых задачах.

Глава девятая. Операция «горный козел»

По возвращении в Европу и подведении итогов экспедиции мы пришли к однозначному выводу: исследования должны быть продолжены. Мы выбрали даже название для следующей экспедиции: «Операция „Горный козел“». Учитывая тот факт, что различные поселения минаро оказались сегодня по разные стороны индо-пакистанской демаркационной линии, было решено на сей раз начать «Операцию „Горный козел“» с территории, контролируемой Пакистаном. И вот настал срок — это было 20 августа — снова отправляться в дорогу.

В Пакистане нам пришлось пройти целый ряд инстанций для получения допуска в приграничную зону. Пока улаживались формальности, мы с Мисси отправились по местам, связанным с прохождением здесь армии Александра Македонского.

У меня не выходили из головы некоторые разрозненные сведения о том, что минаро являются якобы потомками солдат армии Македонского.

Километрах в шестидесяти от Равалпинди и Исламабада находятся развалины древней столицы северной провинции нынешнего Пакистана — города Таксилы, лежавшего на пути Александра. Об индийском походе легендарного завоевателя написано немало работ, но до сих пор нет точных данных, какие же народы населяли в то время этот район. Кое-что мы можем собрать по крупице из работ древних историков, таких, как Арриан, Диодор Сицилийский и Плутарх. Из их трудов следует, что, дойдя до реки Кабул (на территории нынешнего Афганистана), войска Александра пошли вдоль ее русла и после непродолжительной остановки в долине реки Сват достигли Инда.

Любой, даже современный, путешественник ожидал бы на месте Александра, что в этих местах он встретит людей исключительно со смуглой кожей. Каково же было изумление македонского воинства, Да и самого Александра, когда на берегах Свата, в городе Ниса, их встретили абсолютно белокожие люди! Все без исключения историки свидетельствуют, что жители Нисы внешним обликом скорее напоминали греков, чем, скажем, персов или индийцев.

Кто же были эти люди? Арриан, к примеру, выдвигает гипотезу, что жители Нисы были потомками греческих солдат, принесших в свое время в Индию из Фив культ Диониса. Это предположение, кстати, было официально принято на вооружение и Александром. Он

воспользовался гипотезой о солдатах Диониса, чтобы доказать своим воинам, что ему, Александру, суждено было пойти дальше, чем самому Дионису. Полководец сохранил жителям Нисы их независимость и самоуправление. Этот город, по мнению современных археологов, находился на краю холмов Кох-и-Нура, в долине Свата. Забавная деталь: если Александр Македонский поспешно зачислил жителей Нисы в потомки греческих солдат, то британцы сразу после завоевания долины столь же поспешно объявили светлокожих калашей Гиндукуша потомками солдат Македонского.

Лично я убежден, что ни светлокожие калашаи, ни минаро с их европейским обликом, ни поразившие воображение македонцев жители Нисы не имеют к грекам никакого отношения. Несомненно, речь идет об исконных народах Центральной Азии, которые, подобно современным минаро, смогли сохраниться благодаря труднодоступности здешних горных долин. Между прочим, продвигаясь вверх по долине Свата, войско Александра проходило через места, населенные другими светлокожими племенами. Их называют то ассаценами, то аспасийцами, то гурейцами. Первое столкновение греков с этим народом (или народами) произошло у стен крепости Массага, которая так и осталась непокоренной. От Свата греческое войско направилось к долине Инда, начинающейся к северу от города Таксилы. Здесь полководец решил дать еще одну битву непокорным белокожим людям, чтобы расквитаться за битву у Массаги. Он осадил одно из укреплений, называемое греками «Аорноская скала», и продвинулся вперед, преодолевая сопротивление.

В окрестностях поселков минаро часто встречаются изображения горных козлов.

Кто же в действительности были эти загадочные ассацены, аспасийцы, гурейцы? Думаю, что речь идет об одном и том же народе.

Это я и намеревался узнать, направляясь в приграничный район в верхнем течении Инда, где и поныне язык шина — родной для более чем ста тысяч человек. Чрезвычайно важным был и такой вопрос: в какой степени полностью перешедшие сегодня в ислам шина родственны живущим в Ладакхе и Заскаре минаро?

В маленьком самолете мы с Мисси летели вдоль долины Инда, к его верховьям в направлении Скарду. Крылья самолета почти касались вершин горных пиков, теснящих великую реку. Да, похоже, что лежащая под нами местность весьма мало подходила для решающих битв — у Александра были все основания повернуть назад. Через две тысячи лет британские войска

встретили именно здесь наиболее ожесточенное сопротивление за весь период покорения Индии. Вплоть до 1939 года британцам пришлось иметь дело с упорным сопротивлением шина в районе Чилас, который так и не удалось полностью подчинить британскому господству. Как нас предупредили, еще и сегодня некоторые народы здесь весьма настороженно относятся к непрошеным гостям-иностранцам, и без приглашения в их поселки заглядывать небезопасно.

Продвинувшись еще чуть дальше на север, мы облетели эти непокорные поселки и достигли того места, где Инд делает резкую излучину, огибая гору Нангапарбат (8128 метров). Самолет стал снижаться у города Скарду, стиснутого горными цепями Каракорума и Гималаев. Из аэропорта до города мы добрались по дороге, идущей среди наступающих на нее песчаных дюн. Опасность скрывается в будущем под песками угрожала и базару, раскинувшись перед построенной в традиционном стиле резиденцией раджей Скарду. Мы были теперь на территории Кашмира, контролируемой Пакистаном. От Каргила Скарду находится километрах в ста двадцати. Местное население (в основном — мусульмане) говорит на одном из диалектов тибетского языка.

В Скарду мы попытались получить разрешение подняться вверх по течению Инда до демаркационной линии, чтобы исследовать район с точки зрения присутствия культуры минаро. Несмотря на все рекомендательные письма, в таком разрешении нам было отказано, и мы довольствовались опросами местных жителей. Из этих опросов удалось выяснить, что на интересующей нас территории действительно есть три поселения минаро. Жители их исповедуют ислам в отличие от минаро-буддистов в Заскаре.

Интересная деталь: жители Скарду четко различали поселки минаро и селения народа шина, несмотря на то

что шина и минаро чрезвычайно похожи друг на друга внешне, а также говорят на схожих языках.

Далее мы с Мисси направились в долину Шигар, лежащую в предгорьях Каракорума. Эта горная цепь включает в себя вторую по высоте вершину мира^[17].

Мы обратили внимание, что у людей народа балти, живущих в долине, цвет кожи значительно светлее, чем у ладакхов, говорящих на том же языке, что и балти. Можно предположить, что среди населения долины Шигар тибетский язык распространился в результате постепенного смешивания местных жителей с пришедшими в эти края тибетцами. В долине нами были обнаружены многочисленные изображения горного козла, идентичные тем, что мы видели в Ладакхе. Интересно, что среди минаро бытует мнение, будто бы долина Шигар, как и ее окрестности, принадлежала когда-то им.

По возвращении в Скарду нам удалось получить пропуск для проезда через горы Деосай в долину Астор. Принадлежащий местным властям «джип» вез нас через ущелье, на стенах которого можно было видеть уже знакомые изображения все того же горного козла, ставшего символом нашей экспедиции. Дорога круто поднималась вверх, выводя нас на высоту около 4300 метров над уровнем моря. Последний вираж — и перед нами открылась картина, от которой захватывало дух.

Под нами лежала огромная долина, покрытая цветами и кустарником, изборожденная серебристыми ручьями, — и ни одного, даже самого крошечного поселка. А вокруг — лишь заснеженные горные пики, закрывающие собой линию горизонта. Казалось, какой-то исполин перенес на ладони в этот лунный ландшафт немного зелени, предназначенной радовать взор одних лишь местных божеств.

Впрочем, нет, не так: кроме божеств красотами этих мест пользовались тысячи сурков и сотни медведей. Проезжая через долину, мы видели великое множество сурков, надо думать, редких представителей животного мира, которым оказалась по силам здешняя суровая зима. При нашем приближении они вытягивались в струнку перед своими норами и свистом предупреждали сородичей об опасности.

Вместе с нами ехали несколько местных чиновников. По дороге они рассказали мне одну легенду, связанную с сурками. Однажды у некоего человека потерялась лошадь на плато Дансар. Было это в самом начале зимы. Несчастный был в отчаянии — ведь лошадь неминуемо погибнет зимой на этой голой равнине. Каково же было его изумление, когда весной он отыскал свою пропажу. Лошадь даже несколько не похудела. Оказывается, она кормилась запасами, собранными в норе одного добросердечного сурка. Неблагодарный владелец лошади немедленно разорил нору, чтобы узнать все сурочьи секреты. И с тех пор всегда сурки, издали завидев человека, приподнимаются на задних лапах и встревоженно свистят, чего никогда не делают при приближении какого-либо зверя.

Я поинтересовался на всякий случай, нет ли в здешних местах золотоносных жил. Мне ответили, что когда-то намывали немного золотого песка в двух речушках, текущих в долину Астор.

Золото!.. Я лихорадочно начал расспрашивать всех, кто мне встречался в Асторе, не слышали ли они каких-нибудь историй о муравьях-золотоискателях. Увы, никто не слышал ничего подобного. Мне пришло в голову, что единственный способ установить местонахождение страны «золота муравьев» — это соотнести рассказ Геродота со сходной местной легендой. Но в том-то и дело, что таких легенд не было и в помине.

Спускаясь по долине в направлении Инда, мы продолжали осматривать окрестности в поисках наскальных рисунков. И тут уж нам повезло куда больше. Мы нашли изображения горного козла и вдоль течения Инда, вблизи Гилгита, и в Хунзе. Местные жители, однако, не имели ни малейшего представления о происхождении рисунков. А ведь шина — народ, родственник минаро, да и сами минаро уверяли, что пришли на берега Инда из Гилгита, их привел вождь по имени Гил Сангие — Гилгитский Лев.

Исследования профессора Йеттмара и других ученых подтверждают, что шина до принятия ислама действительно исповедовали религию, сходную с верой минаро. В этой религии также особое значение придавалось каменным обелискам, горным козлам и можжевельнику.

В нескольких километрах к северу от Гилгита находится небольшое княжество Хунза, жители которого славятся своим долголетием. Население княжества составляют мусульмане секты исмаилитов. Говорят они на языке, называемом бурушаски. Этот язык не имеет ничего общего ни с тибетскими наречиями, ни с местными индоевропейскими диалектами, такими, как шина. По этой причине некоторые исследователи выдвигают гипотезу, что именно жители Хунзы — хунзакуты — коренное население этого района. То есть предполагается, что хунзакуты жили здесь еще до прихода шина и минаро, не говоря уже о более поздних пришельцах. Я придерживаюсь другого мнения. По-моему, хунзакуты относительно недавно переселились в эти края. Свое предположение я могу подкрепить, в частности, тем, что в верховьях Инда ни в одном из поселков не употребляют слов из языка бурушаски. Кроме того, мне стало известно, что шаманы в Хунзе, впадая в транс, по непонятной причине переходят на чистейший шина.

Думается, составившие население княжества племена в прошлом прибыли сюда по караванному пути, вдоль которого и сегодня располагаются здешние поселки. Но, как бы то ни было, в сегодняшней Хунзе мы не обнаружили и намека на существование верований эпохи каменного века.

Увлекательное путешествие подходило к концу — мы должны были вернуться в Сринагар.

Глава десятая. Кончина льва

И вот самолетом мы прибыли в Кашмир. Во времена Александра Македонского повелителем Кашмира был некий Абисарес, союзник Пора, боевые слоны которого чуть было не остановили победоносное продвижение армии греков после ее выхода из Таксилы. Когда Пор потерпел-таки поражение, его союзник направил в дар победителю немало серебра, а также слонов. Лично же на поклон к Александру Абисарес не явился, сказавшись больным. Разгневанный полководец счел это уловкой и немедленно отрядил в Кашмир воинов, задачей которых было проверить на месте состояние здоровья лукавого владыки. Воины этого небольшого отряда были, судя по всему, первыми и единственными греками, посетившими Кашмир. Убедившись, что властелин этих плодородных земель действительно нездоров, они повернули назад и присоединились к основной части армии.

Если бы только посланцы Александра прошли чуть дальше в глубь долины, думал я, то они, возможно, обнаружили бы, что кашмирцы, живущие в окрестностях озера Вахур, называют своих соседей — жителей лежащей к северу высокогорной местности именем «дарада» (или «дарады»)! Впрочем, этот факт ускользнул не только от воинов Александра, но и от многих исследователей, тщетно пытавшихся установить происхождение названия племени, которое считалось стражем «золота муравьев». Как знать, если бы кашмирский экспедиционный корпус все-таки принес это известие повелителю, то, может быть, Александр, вместо того чтобы продолжать свое продвижение к Гангу, отправился бы на север, в страну муравьев-золотоискателей... Как нам удалось выяснить в Сринагаре, еще и сегодня кашмирцы с озера Вахур называют горцев, «носящих шерстяную одежду», то есть крестьян-скотоводов с высокогорных долин, что к северу от Сринагара, «дарада» или «дарады». Отметим и то, что в наши дни дарады говорят на языке шина, родственном языку минаро. Думается, если бы мне или другим исследователям довелось обнаружить приведенную логическую цепочку чуть раньше, то это существенно облегчило бы наши поиски ответа на вопрос, кто такие дарды. Во всяком случае все сказанное еще раз подкрепило мое предположение о том, что Геродотовы «дарды» — никто иные, как наши знакомые минаро.

Древнегреческие историки подразумевали под кашмирцами народ, живший в верховьях Инда и занимающийся разведением коз. Некоторые детали: эти кашмирцы были хорошими наездниками, что же касается их страны, то ее главной особенностью было изобилие золота в недрах. Похоже, что названные детали у нас начинали складываться во вполне логичное построение. И если никаких муравьев-

золотодобытчиков мы еще не нашли, то были, вероятно, на верном пути.

На следующий день после прибытия в Сринагар до нас дошло печальное известие: шейх Абдулла слег в результате сердечного приступа. На базаре, куда мы отправились закупать походный провиант, люди обсуждали эту весть.

Дня через два после нашего переезда в Каргил, вечером, когда мы уже готовились ко сну, в дверь постучали. Это оказался Какпори, приехавший из Сринагара вместе с красавицей женой (она родом из Ладакха) и маленьким ребенком. Какпори был очень взволнован и не стал скрывать причину этого. Ему уже была известна новость, которую жители Каргила узнают лишь на следующее утро: шейх Абдулла скончался.

Утром я вышел на веранду нашего дома. Перед моими глазами лежала долина Суру. Солнце дотла выжгло берега реки, и взлетающий с подножия одного из холмов вертолет висел над землей в огромном пылевом облаке. Выше, за холмами, виднелись зубцы далекой горной цепи, которую нам вскоре предстояло пересечь.

Вертолет взмыл наконец ввысь и начал быстро удаляться. Я спустился на базар, и сразу в глаза бросилась толпа, собравшаяся на перекрестке. Оглядевшись, я увидел черные флаги, свисавшие с крыш. «Шейх Абдулла умер» — эта новость передавалась из уст в уста. Сердце мое сжалось — меня искренне опечалила кончина этого замечательного человека, которому я был многим обязан. В течение многих лет главный министр штата оказывал мне всяческую поддержку. Во время последней нашей экспедиции он еще раз проявил глубокое понимание ее целей. Мне подумалось, что, продолжая эту работу, я как бы отдам долг памяти «Кашмирскому Льву». Он

лучше других понимал, как важно в кратчайшие сроки завершить изучение традиций минаро, что облегчит путь к пониманию древней истории Кашмира.

Громкоговоритель оповестил народ о начале трехдневного траура. На базаре многие обсуждали возможные последствия кончины политического лидера штата. Было известно, что, вероятно чувствуя приближение смерти, несколькими неделями раньше шейх Абдулла в качестве преемника назвал своего сына Фарука. Людей волновал теперь вопрос, в какой мере сын сможет продолжить линию отца и поддерживать порядок в этом беспокойном районе.

А нам нужно было приниматься за работу. Я планировал нанять в Каргиле носильщиков из минаро и отправиться с ними вверх по долине Суру до того места, где годом раньше мы обнаружили не расшифрованную до сих пор древнюю надпись на статуе Будды. Оттуда я думал пройти через перевалы Руси-ла и Сапи-ла и добраться, таким образом, к еще не изученным древним поселениям минаро.

В подборе проводников я очень рассчитывал на помощь Нордрупа и направил ему письмо с просьбой присоединиться к нам в Каргиле, как бывало во время предыдущих экспедиций.

Надеясь на скорое прибытие Нордрупа, я прогуливался по базару, заранее высматривая возможных попутчиков. Увы, минаро на базаре не было, что и понятно: уже 8 сентября, уборка урожая в самом разгаре.

Еще несколько дней я бродил так по базару — и без всякого результата. Отчаявшись, я побрел как-то к ветхому зданию транспортной компании, где в предыдущий наш приезд мне посчастливилось встретить семью минаро. На сей раз я обнаружил в комнате на третьем этаже лишь двух ладакхов, кипятивших свой соленый чай. Я уселся на пол рядом с

ними и завел разговор. Мои собеседники были приятно удивлены тем, что я говорю на их языке, и оказались весьма разговорчивыми. Решение отдаться на милость транспортной компании оказалось счастливым: вернувшись сюда на следующий день, я увидел в соседней комнате троих минаро. Они рассказали мне, что прибыли из Дарчики, чтобы продать излишки собранного урожая абрикосов. Минаро угостили меня абрикосами, а затем я поспешил к Мисси, чтобы сообщить ей об удаче.

— Как ты думаешь, они согласятся пойти с нами? — спросил я.

— Давай лучше подождем Нордрупа, — заметила осторожная Мисси.

Но на следующее утро, так и не дождавшись Нордрупа, мы отправились все-таки вдвоем к зданию транспортной компании. Увы, минаро уже ускользнули. Похоже, что вместе с ними исчезла и последняя надежда найти в этом городе проводников для экспедиции. Мы уселись в соседней комнате рядом с уже знакомыми мне ладакхами. Но вдруг дверь приоткрылась, и — о радость! — в нее заглянули те, ради кого мы сюда пришли. И вот мы уже все вместе сидим за соленым чаем.

В глазах стороннего наблюдателя мы являли собой весьма примечательную компанию: ладакхи в своих красных халатах, рядом — Мисси, будто только что вышедшая из магазина модной спортивной одежды, и минаро в обтрепанных одеяниях. Впрочем, несмотря на непритязательность одежды, именно минаро, вероятно, в первую очередь привлекли бы внимание, до такой степени они были похожи на нас, европейцев. Один из них, — как я потом узнал, его звали Сонам — был вылитой копией моего друга из Шотландии. У него были узкие вытянутые нос и подбородок, живые глубоко посаженные глаза. Я никак не мог отделаться от

ощущения, что он вот-вот заговорит по-английски с шотландским акцентом. Но само собой разумеется, говорил он на ладакхи — языке, которым большинство минаро хорошо владеют. Черные волнистые волосы Сонома доходили ему до плеч, и он чертовски походил на развязного европейского хиппи. Попутчик Сонома, которого звали Таши, был постарше, лет приблизительно сорока. Голову его прикрывала шерстяная красно-сине-зеленая шапочка. Как потом выяснилось, под этим убором скрывалась заурядная лысина — редкое, между прочим, явление среди местных жителей. На манер некоторых озабоченных аналогичной проблемой европейцев он пытался замаскировать нехватку волос. Однако, как и у его европейских собратьев по несчастью, толку от этой маскировки не было никакого. Сама ее методика, впрочем, довольно любопытна: отросшие на висках длинные волосы Таши заплетал в косицы, которые собирал затем на макушке в узел. Черты лица Таши — орлиный нос, тонкий профиль — делали его похожим на утонченного европейского аристократа, конечно, если не обращать внимания на макушку. Третий минаро был очень похож на Сонома — впоследствии выяснилось, что это его брат.

Выпив обязательные три чашки чая, похожего по вкусу на жидкий бульон, мы все поднялись. Оставив ладакхов, я прошел в комнату минаро и напрямик спросил их, не согласятся ли они сопровождать меня по долине Суру. Какое-то время все трое удивленно и с некоторым недоверием молча глядели на меня, а затем перекинулись между собой несколькими фразами на своем языке. После этого мне был задан деловой вопрос об оплате.

— Двадцать пять рупий в день. — Я решил не скупиться.

— Хорошо, мы согласны. Двое из нас пойдут с тобой. Но это будет не раньше, чем через два дня, — нам нужно сначала распродать абрикосы.

Я со своей стороны заверил предполагаемых проводников, что и сами мы не торопимся, так как ожидаем прибытия друга — одного ламы из Заскара, который отправится с нами.

Когда я услышал, что двое минаро согласны сопровождать нас, то сначала не мог поверить этому неожиданному счастью. Теперь оставалось только дожидаться Нордрупа.

А Нордруп не появился ни на завтра, ни через день. Я отправлял в Заскар все новые и новые отчаянные послания — их везли теперь и шоферы большегрузных грузовиков, и монахи, и туристы. В конце концов я рассудил, что ждать дольше не имеет смысла — нужно собираться. Что же все-таки приключилось с нашим другом? Я был не на шутку встревожен. Может быть, он болен, а может, просто совершает очередное дальнее паломничество? Вот уже девять дней, как мы ждали его в Каргиле. Тем временем становилось все холоднее и холоднее. Пронизывающий северный ветер позолотил листву росших по краям базара ив: надвигалась суровая гималайская зима.

В ночь перед выходом я еще раз осмотрел снаряжение и багаж. Заранее трудно было рассчитать, сколько мы пробудем в пути, и провианта запасли примерно недели на три. Нам предстояло преодолеть два перевала, и поэтому нужно было нести с собой все необходимое для дороги и стоянок в горах. Словом, вещей хватало.

Не теряя все-таки надежды, что Нордруп в конце концов появится в Каргиле, я оставил для него описание нашего маршрута у Гуляма Какпори. А начаться маршрут должен был со статуи Будды — нам

предстояло «официально открыть» древнюю надпись на ней.

Глава одиннадцатая. Золото муравьев

Какое все-таки наслаждение покинуть наконец душный Каргил!

Мы направились вверх по долине, ведущей в Заскар. Вскоре с обеих сторон появились первые отроги горной цепи.

В Санко мы выбрались из долины и теперь уже ехали к поселку Картсе по разбитой дороге. Километрах в полтора от села дорога превратилась в тропинку. Нам пришлось оставить «джип», выгрузиться и попрощаться с водителем. Теперь с нами были только Сонам и Таши. Отныне мы уже полностью зависели от них.

Отправившись на поиски места, где можно было бы разбить палатки, я обнаружил довольно крутую тропинку, спускающуюся к маленькому оросительному

каналу. Я прошел вдоль него до отвесной скалы, на которой был высечен десятиметровый Будда с толстыми губами и несколько негроидными чертами лица. Задрав голову, чтобы хорошенько рассмотреть статую, я увидел, что вся она вымазана коровьим навозом. Вероятно, мусульмане из окрестных селений выражали таким способом свое презрение к чужому божеству.

Я вернулся, чтобы показать дорогу Сонаму и Таши, несшим наше снаряжение. Мы устроили лагерь у самого подножия огромной статуи. Лагерь был маленький, так как для проводников мы захватили с собой лишь палатку и два одеяла.

Я думал остаться здесь на один-два дня в надежде, что Нордруп все же нас настигнет. Устроившись, мы с Сономом отправились искать материал для лестницы, чтобы можно было добраться до бедра Будды, где выбита надпись. Несколько дней назад неожиданным паводком вырвало с корнем все небольшие деревья у берега, так что подходящего материала для лестницы-временки было предостаточно.

Новый проводник экспедиции по имени Таши.

Со нам оказался ловким и сговорчивым парнем, всегда готовым оказать любую помощь. Таши тоже был человеком приятным в общении, но куда более сдержанным. Любопытные это были люди: несмотря на их повадки и поведение, кажущиеся нам странными, мы не могли не чувствовать какую-то связь между нами — связь, основанную лишь на их европейской внешности. И они, и мы, кажется, понимали, что эта связь существует. Наверное, они должны были чувствовать

себя несколько отчужденно в этих краях. Даже индийские солдаты, эти арии с темной кожей, были не похожи на них, Минаро не только внешне, но и темпераментом напоминали европейцев. Обладая чуткой и непосредственной натурой, они более откровенны и разговорчивы, чем жители Заскара или Ладакха. Их движения более порывисты. И Сонам, и Таши громко и как-то совершенно не в восточной манере излагали свои намерения и мысли. Наблюдая за ними, я понял, что за двадцать три года пребывания в Гималаях я настолько привык к тибетцам, что поведение минаро мне уже казалось странным, хотя они и были так похожи на нас. Случалось, мы с Мисси обращались к Сонаму и Таши по-английски, забывая, что они не знают этого языка.

Сонаму было тридцать три года, и женат он был на жене своего старшего брата. Обычай «братской полиандрии» весьма распространен среди минаро. Он находит отражение даже в терминологии родственных отношений: так, слово «аис», означающее «мать», служит и для обозначения жены дяди по отцовской линии. Обычай широкой полиандрии, по-видимому, результат матриархальных связей, хотя, с другой стороны, имущество у минаро всегда наследуют мужчины, а не женщины.

Таши сообщил нам, что у него есть девятилетняя дочь. Это его первый ребенок от жены старшего брата.

— Такая красавица! Вам надо будет обязательно на нее посмотреть, — заявил он с гордостью.

Сонам почему-то часто грустил.

Оба наших спутника держались с большим достоинством, и весьма своеобразное одеяние не было в этом помехой. Сонам без конца поправлял обшлага рубашки и расчесывал волосы, а потом принимался крайне старательно прилаживать на голове свою забавную вязаную шапочку. Таши тоже не отставал от него, с серьезным видом поправляя волосы, сплетенные на лбу в косички. Было ясно, что для них возможность сопровождать экспедицию — настоящее событие. Они пристально изучали наше снаряжение, приводившее их в настоящий восторг. Надувные матрасы и молнии на палатке, фотоаппарат и все остальные привычные для нас вещи были для них открытием. Особый интерес вызвали записные книжки, и проводники были готовы давать любые, какие только мы пожелаем услышать и записать разъяснения по части обычаев минаро. От них-то мы и узнали очень ценные подробности о празднествах и религиозных обрядах. Сонам и Таши

рассказали, например, что по случаю праздника весны все жители Дарчики уходили на высокогорные пастбища и жили там в пещерах два дня, после чего приносили в дар богине пастбищ цветы и ветки можжевельника. Все приношения складывались у огромного камня, святилища этой богини. С их точки зрения, между буддизмом и старыми верованиями нет противоречий.

Мы вскоре заметили, что Таши очень набожен. Он часто бормотал какие-то молитвы у огня, внимательно следя за тем, как мы странно, по его мнению, готовим пищу. Со своей стороны мы почтительно наблюдали, как он вытаскивал из потертого кожаного мешочка масло (из козьего молока) и добавлял его себе в чай.

Надо сказать, у Таши очень часто бывал грустный вид. Тосковал ли он по дочке, с которой долго не мог увидеться, или такими бывают все мужчины, когда им попадается жена с тяжелым характером?

Что Таши, что Сонам ели очень мало — вероятно, этим и объясняются их подвижность и впалые щеки. Узнав, что мне сорок пять лет, они решили, что я очень старый. И еще: им очень хотелось знать, какой нам был интерес ездить по этому суровому, негостеприимному краю. Попытавшись рассказать о достижениях нашего современного технократического общества, я вдруг с удивлением обнаружил, что многие из них вовсе не так впечатляющи, как мне казалось ранее. Сонам и Таши уже знали, что такое самолет, вертолет, автомобиль, грузовик, электричество — все это они видели в Каргиле. А что мне было еще добавить к короткому списку технических достижений, которыми на Западе прикрывают пороки нашего промышленно развитого общества? Я рассказал конечно же о людях, побывавших на Луне, но куда им тягаться с самой захудалой феей минаро, которой ничего не стоит, вволю налетавшись под облаками, махнуть вдруг на Луну и

поболтать с проживающим там Зайцем. Тем более что великие деяния американского Национального управления по авиации и космонавтике, по правде говоря, не были моими собственными достижениями.

Но зато мне было что рассказать о французском вине, и вскоре оказалось, что мы с Сономом оба искренние почитатели Бахуса. Мы вместе горевали, что в мусульманском Картсе не достать ни вина, ни пива. Не было этого и на буддийской территории. Но Соном не унывал, спел несколько песенок о том, о сем, о красивых девушках, даже исполнил одну погребальную. Наши спутники без конца угощали нас сушеными абрикосами. А Таши с грустью вспоминал, сколько у них в селе яблок и винограда.

Статуя Будды в поселке Картсе.

Сидя рядом с этими дальними родственниками европейцев, я понял лучше, чем когда-либо, как мало изменился человек за века своего существования. Если что и изменилось, так это наше материальное окружение, эволюцию которого не всегда можно назвать прогрессом. Тогда-то я и почувствовал, каким был человек каменного века — почти таким же, как и мы. Но одновременно он не ведал обязанностей,

налагаемых на нас современными социально-экономическими системами, когда за простейшие удовольствия приходится платить многими часами труда, выгядевшего бесполезным и отупляющим в глазах минаро.

Вечером, собравшись у костра, мы слушали доносившиеся из долины песни сборщиков урожая. Похожие сверху на движущиеся стожки, они цепочкой, друг за другом направлялись с поля к своим домам. Сидя в тот вечер у подножия гигантской статуи Будды, смотревшего на нас загадочным взглядом, мы почувствовали, как между нами и минаро постепенно зарождается дружба.

На следующее утро Сонам и Таши, едва проснувшись, простерлись ниц перед Буддой, а как только я соорудил лестницу, они, рискуя сорваться с высоты, принялись очищать статую от налипшего навоза.

Весь день к нам приходили жители соседнего поселка Картсе, чтобы посмотреть на нас и спросить, что мы здесь делаем. У всех них были европейские черты лица, что, вероятно, находит свое объяснение в истории Картсе. Крепость Картсе была основана тем же представителем народа минаро, который владел когда-то Гиагамом в Заскаре. Сам поселок расположился у подножия скалы и возвышался над рекой, достигающей здесь в ширину метров пятидесяти. На этой-то скале и стояла крепость Картсе, от которой теперь не осталось и следа.

В ожидании Нордрупа мы принялись копировать старинную надпись, сделанную на правой ноге статуи Будды на высоте более трех метров от земли.

Не один час ушел на то, чтобы как можно точнее передать старинные тибетские знаки и сфотографировать их в разное время дня. Потом эти снимки помогли нам расшифровать текст, который сам

я с моими довольно ограниченными знаниями тибетского литературного языка перевести не мог. По возвращении в Париж я передал фотографии профессору Штейну из Коллеж-де-Франс. Он посоветовал показать письма моему старому другу Самтену Кармаю из Национального центра научных исследований. Этот знаток тибетского языка расшифровал их с очень большим трудом, так как текст был в плохом состоянии. Датировались надписи, по видимому, X или XI веком. В них упоминалось имя какого-то местного владыки, но потом оно было намеренно затерто. Я хочу здесь еще раз поблагодарить Самтена Кармая за его помощь.

Гигантский Будда в Картсе несколько не похож на того, что стоит в Мулбекхе, который, как известно, был вырублен в VIII веке, то есть еще до прихода тибетцев. Сам же район был буддийским уже со II века нашей эры благодаря стараниям миссионеров правителя Канишки.

Примерная набожность наших спутников объяснялась, возможно, и тем, что их народ давно поклонялся Будде, еще до прихода тибетцев.

Минаро особенно почитали местные статуи Будды и святые места доламаистского периода: прежде всего Будду из Мулбекха и тысячелетние святыни в пещерах Фокар-Дзонга.

Через три дня после нашего прибытия в Картсе, закончив все дела с письменами и потеряв практически всякую надежду дождаться Нордрупа, я решил продолжить выполнение своего плана. Теперь нам предстояло пройти вверх по долине Хунга к перевалу Руси-ла, находящемуся на высоте 4800 метров над уровнем моря, затем перейти через менее высокий перевал Сапи-ла, откуда дорога вела уже к долине Шоргола.

Этот восьмидесятикилометровый переход по малоосвоенному и нехоженому маршруту обещал быть

трудным. За два дня нам предстояло совершить тяжелое восхождение, причем перевал был почти на высоте Монблана.

Так как здесь не было ни подъемника, ни лифта, то мне надо было во что бы то ни стало найти лошадь для Мисси. Я уже переговорил по этому поводу кое с кем в соседней деревушке, находившейся вверх по течению в нескольких километрах от Картсе. Там же я нанял одного местного жителя с ослом, чтобы помочь Таши и Сонаму нести наше снаряжение. На рассвете, когда мы отправлялись в путь, крестьяне уже работали в поле и что-то пели.

Тропинка поднималась вверх по левому берегу вдоль белесых вод Хунга, проходила через несколько деревушек. На крышах побеленных домов сушились заготовленные на зиму дрова. В полдень мы добрались до поселка, где должны были взять лошадь для Мисси. Пока Таши и Сонам разводили костер, чтобы приготовить себе очередную порцию чая, я понапрасну искал лошадь. Теперь оставалось лишь надеяться найти какое-либо животное, способное идти под седлом, на высокогорных лугах неподалеку от подножия перевала. Перспектива не из приятных для Мисси.

После обеда мы продолжили свой путь все так же пешком, пойдя на приступ крутых склонов Руси-ла. Мы шли по узкому проходу, загроможденному скалами и пересекаемому небольшой, но стремительной рекой, через которую Мисси перебралась с помощью Сонама, прыгая с камня на камень. За каждым новым поворотом тропинки показывался еще один скалистый гребень, и каждый раз казалось, что он-то и есть тот самый последний подъем перед перевалом.

Руси-ла во всех отношениях очень трудный перевал. Скоро Мисси стало совсем тяжело идти. У меня самого кровь стучала в висках и пот заливал глаза, так что едва оставались силы подбодрить Мисси хотя бы

словом. Все чаще нам приходилось останавливаться, поджидая ее. Во время одной из таких остановок нас догнала группа местных женщин. Бодро и весело они шли вверх, к высокогорным пастбищам, где жили летом в примитивных лачугах, приглядывая за пасущимися яками. Они любезно помогли Мисси преодолеть крутой участок тропы, взяв ее за руку. Еще через несколько километров, пройденных медленно и с большим трудом, к великой нашей радости, вдали показались очертания хижин, небрежно сложенных из камня. Они были разбросаны по голому, почти без единой травинки коричневому склону. Наше восхождение продолжалось восемь часов.

Начинало темнеть, когда мы наконец наткнулись на стадо яков. Из пещер, наверное, еще каменного века тянуло дымком. Нам навстречу выбежали дети, чтобы рассмотреть нас поближе. Я поставил палатку на единственном плоском месте — на крыше сарая для скота. Холод стоял страшный. Мисси легла отдохнуть, а мы с Сономом, набрав для костра сухого навоза, стали на скорую руку готовить ужин. Ночью порывистый ветер всю трепал нашу палатку, и мне не спалось. Я думал, как хорошо было бы сейчас сидеть вместе со всеми в пещере. Комфорт — понятие относительное, думал я. Все зависит от точки зрения. Наши предки в каменном веке наверняка не были уж такими несчастными, когда они, завернувшись в теплые шкуры, сидели в своих каменных пещерах. А сколько они получали радости от охоты, за которой следовали пиры с горами жареного мяса! Во всяком случае ничто не говорит о том, что нашим предкам не хватало самого необходимого. И действительно, каждый день их меню включало в себя многие блюда, на которые мы сейчас смотрим как на деликатес: и свежие ягоды, и фрукты, и улитки, и лягушачьи бедрашки. Не странно ли, что сегодня на Западе толстосумы мечтают о таких лакомствах,

которые были самой обычной едой в каменном веке? Охота и рыбная ловля считаются сейчас спортивными занятиями, неотъемлемой принадлежностью роскошного образа жизни. Я лежал и думал о тех временах, когда никому не надо было бегать кроссы, чтобы поддерживать форму, и выкладывать огромные деньги за мясо, поджаренное на древесном угле. То, что в наши дни называют потерянными раем, вполне могло существовать в каменном веке.

Сейчас необходимо было позаботиться о Мисси. Она разбила себе колени и дальше сама передвигаться не могла. Любой ценой мне надо было найти для нее яка, чтобы добраться хотя бы до перевала. А до него еще предстояло идти и идти.

На следующее утро, когда мы проснулись, вся палатка была в инее. Позавтракав чаем с маслом и простоквашей, мы отправились на поиски этого неуловимого и давно ожидаемого яка. Одного из них нам все же удалось поймать у подножия перевала. Его хозяйкой оказалась одна из тех женщин, которых мы встретили накануне. Она сказала, что с нами не пойдет, но яка своего отпустит. За него беспокоиться нечего, он сам вернется, надо только после подъема прогнать его, кидая вслед камни. Все удовольствие — тридцать рупий, которые я ей тут же с радостью и вручил.

Медленно поднимаясь вверх, мы с удивлением обнаружили довольно странные ледяные цветы, образовавшиеся у основания высоких и ломких стеблей какого-то травянистого растения. Я наклонился и попробовал сорвать один «цветок», но он тут же растаял у меня в руке. Должно быть, эти незнакомые мне растения выделяют влагу, и она ночью замерзает, образуя белый ледяной налет. Вот так скорее всего и распускались эти нежные призрачные соцветия. Я никогда раньше не видел таких сказочных цветов,

таявших сейчас у меня на глазах в первых лучах восходящего солнца.

В зоне снегов началась для нас наиболее трудная часть пути, проходившая между скользкими скалами. Як оказался мирным и бодрым животным, хотя мне и пришлось сломать об него палку Мисси, добиваясь, чтобы он все-таки продвигался вперед. Мы уже совершенно выбились из сил, когда добрались до седла перевала, отмеченного пирамидкой из камней. В ней торчало множество флажков с молитвами. Все это должно было напоминать, что отсюда начинается буддийская территория. Вокруг — роскошная панорама заснеженных вершин. На юге вдали виднелась громада горной цепи Гималаев, к северу — цепь Ладакха, на западе и на востоке раскинулись хребты Заскара. Сонам показал пальцем на север, в сторону гор, за которыми, как он сказал, находилось его родное селение. Мое сердце забило сильнее, когда я впервые посмотрел туда, где находилась моя давняя цель. Удастся ли мне достичь ее?

Прогнав яка, согласно уговору, обратно и починив палку Мисси, мы начали спускаться к виднеющейся внизу долине Сапи-шу, где протекала река с таким же названием, вдоль которой мы надеялись подняться вверх до самого перевала Сапи-ла. Но преодолеть его нам предстояло уже завтра. И вдруг оказалось, что мы заблудились. Мои спутники-минаро и владелец осла никогда по этому пути раньше не ходили, а выпавший снег скрыл последние следы тропинки. Далеко внизу, справа под нами, мы увидели стадо яков. Я послал Таши узнать, находятся ли они на нашем пути или же нам, чтобы спуститься вниз, надо брать левее.

Мисси, Сонам и Таши на вершине перевала Руси-ла.

Через час Таши вернулся, не встретив ни единой живой души, которая могла бы показать ему дорогу. Тогда мы решили идти напрямик через скалы к реке Сапи, правда уже пропавшей из виду. Спуск тоже оказался не из легких, и прежде всего для Мисси. Глядя на ее страдания, я все более сомневался, стоило ли вовлекать ее в эту авантюру. Восхищаясь стойкостью своей спутницы, я одновременно чувствовал себя виновным в том, что взял ее в экспедицию, трудную для нее не только в смысле физической нагрузки, но и по целому ряду других причин.

Спускаясь с горы, обычно чувствуешь большое облегчение. Но сейчас на спуск мы потратили пять часов, и солнце уже близилось к закату. Я лишний раз убедился, что спуск порой бывает столь же трудным, как и подъем. Мисси еле держалась на ногах, а мы все еще продолжали спускаться по крутой тропинке, усеянной осколками горной породы, которые катились

из-под ног. До реки мы добрались уже в сумерках, после многих часов перехода. Снова поднялся ледяной ветер. Сняв ботинки и взявшись за руки, мы осторожно перешли горный поток. На другом берегу мы обнаружили дом, на котором также развевались флажки с молитвами. По ним можно было понять, что хотя мы находимся и рядом с мусульманской территорией, но все-таки в этом месте преобладает буддийская вера.

Так же как и в первый раз, мы поставили палатку на крыше. Немного погодя, когда все — я, Мисси, наши провожатые и хозяин дома — расселись около огня, мне стало понятно, что наша дружба окончательно окрепла в испытаниях сегодняшнего дня...

Сонаму и Таши был известен лишь мой большой интерес к их народу. Они знали, что я годами составлял словарь их языка, изучал религию, легенды и традиции. Как бы невзначай я сказал, что хочу побывать у них в селении. Сонам воспринял с энтузиазмом мое намерение и заявил, что ему было бы очень приятно представить меня своей семье. На этом пока я и остановился и пошел договариваться о пони для Мисси, чтобы завтра утром она могла перебраться с нами через перевал Сапи-ла. На следующий день, как только наш гостеприимный хозяин привел крепкого тибетского пони, мы снялись с места. По случаю отъезда гостей молодая женщина, жившая в доме, надела свой самый красивый наряд, расшитый, по местному обычаю, бирюзой. Особенно интересным мне показался головной убор с длинной передней частью, выступающей далеко вперед в виде заостренного козырька. По всей видимости, убор составлял все ее приданое.

Во время нашего тяжелого восхождения к перевалу Сапи-ла я вновь принялся обдумывать план действий. После перевала нам надо было спуститься в долину и разбить лагерь неподалеку от мусульманского поселка

Шоргол, рядом с главной здешней дорогой. Меня все еще не покидала надежда, что Нордруп нас догонит, идя по нашим следам.

Наверху, на перевале, мы обнаружили скалу, покрытую надписями, гласившими, что здесь простирается территория минаро, хотя вся округа в настоящее время была заселена исключительно ладакхами.

Отдохнув на перевале, мы спустились прямо в долину, зажатую горами и ведущую к Шорголу. Нам потребовалось несколько часов, чтобы добраться до первых селений на склонах холмов. Спустившись к ручью, протекавшему в самом низу, мы увидели страшную картину. За несколько недель до нашего прибытия здесь прошли проливные дожди, что бывает редко в этом засушливом районе. Они вызвали сель, обрушившийся на долину. На своем пути он вырывал с корнем деревья, сметал дома, убивал сотни животных. Теперь мы с трудом пробирались между их разлагающимися трупами, наполовину засыпанными засохшей грязью и заваленными стволами деревьев. Было примерно три часа дня, когда вдалеке, в глубине долины, я увидел дорогу. Самое время подыскать укромное место для палатки. В конце концов мы присмотрели себе симпатичный лужок под ивами в стороне от тропы и неподалеку от селения Сершинг, состоявшего из десятка домов, расположенных по обеим сторонам ручья.

В глубине души я все еще надеялся на прибытие Нордрупа. Мне так часто случалось рассказывать о нем Сонаму и Таши, что он, вероятно, стал для них мифическим существом. А может быть, они думали, что я его просто выдумал. Я объяснил им, что мне действительно очень хотелось бы побывать в Дарчике.

— Мы побудем здесь еще несколько дней, — сказал я, когда они вернулись из поселка.

Но и на следующий день Нордруп не появился. Мои спутники были этим обеспокоены, кажется, не в меньшей степени, чем я сам. Присутствие монаха послужило бы своего рода гарантией моей честности и явно бы их порадовало. В конце концов откуда им было знать, не жулики ли первые иностранцы, с которыми они имеют дело.

Весь следующий день мы отдыхали, и у меня было время расспросить Таши и Сонама об обычаях и традициях их народа.

Они мне, в частности, рассказали, что по случаю Нового года все мальчики моложе девяти лет участвуют в забеге и победителей награждают цветами. Подобный обычай, как мне известно, существовал и в Иране, только там победитель назначался хранителем храма Солнца. Кроме этого я знал, что в Иране, так же как и у минаро, Новый год ассоциируется с понятием огня.

В тот вечер, помнится, я спросил у Сонама и Таши, не приходилось ли им слышать о муравьях, добывающих золото. Нет, ничего подобного они никогда не слышали.

— Но, — добавил Сонам, — наши родители рассказывали, что в свое время они находили золото в норах сурков.

— Как это? — подскочил я.

— А так. Старики говорят, что раньше они ходили на высокогорное плато Дансар собирать золотоносный песок, вырытый сурками из нор. Их так и называли — «сурки-золотодобытчики».

— ?!

— Понимаешь, — растолковывал Сонам, — сурки, когда роют нору, вытаскивают изнутри на поверхность песок, содержащий золото.

Я ушам своим не поверил и попросил Сонама повторить мне еще раз все, что он мне рассказал. Таши подтвердил слова Сонама, добавив от себя, что, хотя

сейчас этим уже никто не занимается, раньше на плато Дансар ходили очень многие.

— А где же оно находится? — не выдержал я.

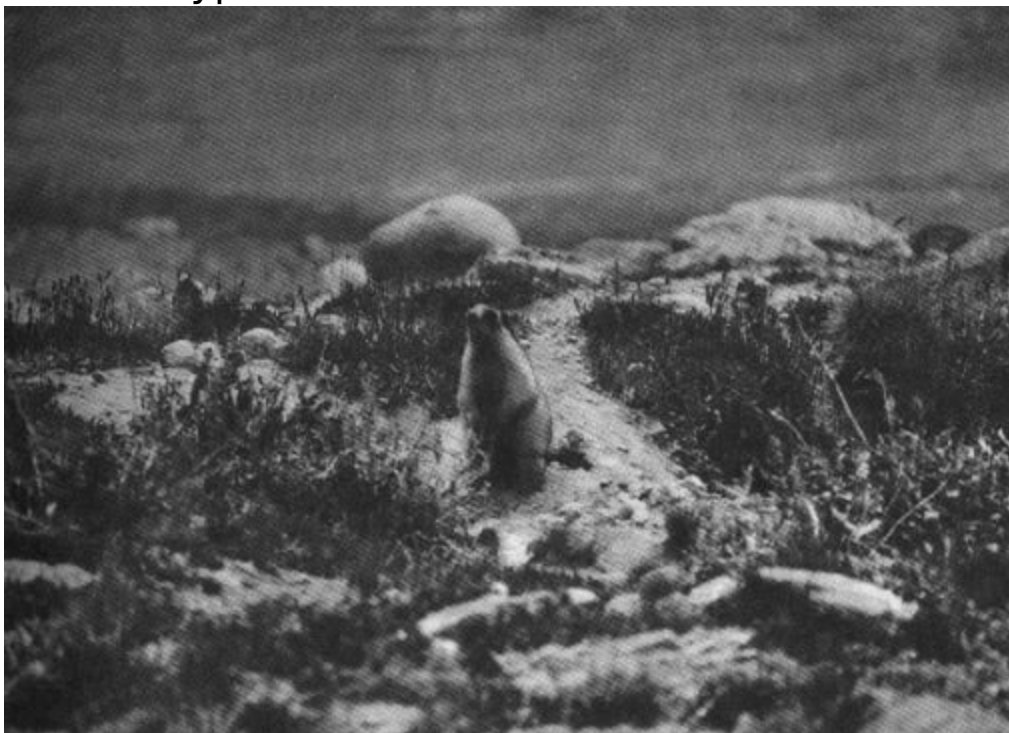
— Между Ганоксом и Моролом. Это выжженное плато, почти пустыня, и сурков там видимо-невидимо.

Мне сразу же пришел на память рассказ Геродота:

«Есть и другие индийцы — они живут севернее, рядом с городом Каспатиросом, и в районе Пактика. Образ жизни у них примерно тот же, что и у бактрианцев. Это самое воинственное из индийских племен. Именно оно и добывает золото в одной пустыне, где водятся огромные муравьи: они больше, чем лиса, но меньше, чем собака. Несколько таких муравьев можно увидеть у персидского царя при дворе, для которого они были выловлены в этом районе. Огромные муравьи роют ходы под землей и выбрасывают на поверхность песок, совершенно так же, как и наши муравьи, на которых они очень похожи внешне. Только песок этот золотиносный. Именно за ними и ходят индийцы в пустыню. Таким образом, по рассказам персов, индийцы добывают большую часть своего золота, в то время как остальная часть идет из приисков и рудников их страны».

Моей радости не было предела. Таким образом, совершенно случайно, а может быть, совсем и не случайно я получил, насколько мне известно, первое устное подтверждение рассказу Геродота о громадных муравьях, выкапывающих из-под земли золотиносный песок. Муравьями Геродот, возможно, называл сурков, так как не нашел лучшего слова. Все совпадало с рассказом историка: пустыня, размеры муравьев, их волосяной покров, о котором упоминает Неарх, и люди, до сих пор именуемые жителями Кашмира «дарадами». Минаро являются прямыми потомками этих «дарадов». Я поспешил сообщить новость Мисси и бросился искать

на карте Ганокс и маленький поселок Морол на берегу Инда, в том районе, где Суру и Шинго сливаются перед впадением в Инд. Рядом с ними расположена крупная горная цепь. Как мне подтвердили мои друзья минаро, именно там и находилось высокогорное плато Дансар. Там-то и обитали «сурки-золотоискатели», якобы похожие на муравьев.

Легендарными муравьями-золотоискателями оказались обитатели плато Дансар — сурки.

«Эти существа роют норы под землей, так же как это делают муравьи в Греции». Геродот был прав, и он не сочинял, когда писал эти строки, как все думали до сих пор. Он просто достоверно и точно передал реальные факты. Рассказывая об этом районе Земли, он пишет: «Золото здесь в громадном количестве, его добывают в рудниках, моют на берегах рек или крадут у огромных муравьев».

А насколько мне известно, это действительно так. Золото здесь мыли на берегах Заскара и Суру,

действительно существовали прииски на берегу Инда, точно так же, как мне теперь стало известно, существовали и норы сурков на высокогорном плато Дансар. Но весь вопрос в том, почему до сих пор никто не обнаружил этого места? Почему до сих пор ни один солдат, авантюрист или ученый не узнал доподлинно, что это были за «муравьи»? Каким образом случилось так, что рассказ о муравьях-золотоискателях превратился в одну из самых замечательных легенд античности и нашего времени? Каким образом ни немецкий эрудит Херрманн, ни преподобный Франке, проведший столько лет в Ладакхе, не смогли обнаружить ни истоков легенды, ни высокогорного плато Дансар? Кажется, ответ на мой вопрос был написан здесь же, на моей карте, его можно было прочесть на лицах моих спутников. Ответом служили и горные островерхие пики, окружавшие нас со всех сторон. Высокогорное плато Дансар и его непосредственное окружение всегда были и остаются одним из наиболее труднодоступных мест на Земле. Вот почему минаро смогли выжить здесь — выжить, сохраниться и остаться непобежденными. Вот почему даже Франке никогда, кажется, не заглядывал в этот район к востоку от Дарчики, а возможно, даже не бывал в Дарчике, где в течение тысячелетий тщательно хранился секрет происхождения золота, добываемого из нор сурков. Не случайно и то, что демаркационная линия пролегла на карте по высокогорному плато Дансар. Как вчера, так и сегодня любой армии мира было бы, наверное, не под силу проникнуть в этот мир глубоких ущелий и отвесных скал. Для армии зайти в подобную ловушку равно самоубийству. Пленники своей земли, минаро благодаря ей и смогли выжить. Здесь их не тревожили какие бы то ни было захватчики, в течение многих веков разорявшие соседние районы. Никогда не беспокоили их и проезжие

путешественники, так как основной торговый путь, идущий в других местах вдоль берега Инда, здесь вынужден отклониться от русла великой реки, зажатой среди скал.

Нет, вовсе не случайно плато не было открыто в течение многих веков. Другой серьезной причиной этому стал факт, что долина Дансар и вся территория племени минаро оставались столетиями на пограничье великих царств старого мира.

Густой мех хорошо защищает сурка от холода.

Уже в XIX веке англичане, чья империя включала в себя Ладакх, имели в этом районе нескольких представителей, живших в Лехе. Один из них, некто Шоу, хотя и очень интересовался минаро, но так за все время и не выбрался в Дарчику. Не видел он, конечно, и плато Дансар, где мог бы обнаружить легендарное «золото муравьев».

Территория минаро входила в состав великого персидского государства Ахеменидов в V веке до нашей

эры. В это время владения Дария простирались до Западных Гималаев. И именно благодаря этому и стала известна история о муравьях, добывающих золото. Геродот рассказывает, что в период своего расцвета громадное персидское царство состояло из двадцати провинций, или сатрапий. Одна из них, седьмая в списке Геродота, включала в себя Бактрию (территория нынешнего Северного Афганистана и частично Советской Туркмении и Узбекистана). По Геродоту, эта сатрапия была населена гандарийцами, саттагидами, апаритами и нашими загадочными дардийцами, или дардами; она должна была платить персидскому царю дань в сто семьдесят золотых талантов. Получая дань, Дарий, возможно, и услышал, каким странным способом дарды добывают золото. Из любопытства он приказал привезти к своему двору одного такого удивительного зверька-золотоискателя. Из рассказов персидских купцов и солдат Геродот, возможно, и узнал о зверьках и поразительном способе добычи золотоносного песка. Полученное этим способом золото приобрело известность под именем «бактрийское», так как в Персию оно поступало из Бактрии, седьмой сатрапии империи. То, как именно рассказал Геродот об этом в своих записках, запутало исследователей. Два обстоятельства ввели их в заблуждение: он применяет слово «муравей» для описания, по всей вероятности, сурков и утверждает, что эти «муравьи» были опасными. В его оправдание скажем, что термин «муравьи» он использует очень осторожно, за неимением лучшей аналогии, уточняя, что «эти существа» вытаскивают на поверхность золотоносный песок точно так же, как муравьи выбрасывают землю, роя ходы.

Геродот нигде не говорит, что именно муравьи добывают золото. Он рассказывает лишь о своего рода муравьях, внешне похожих на наших. Позже эта

аналогия была забыта писателями, которые запомнили лишь слово «муравьи». Кажется, это слово и поразило воображение всех исследователей, которые оставляли точные описания размеров «муравьев», данные греческим историком, и ссылки Неарха на «мех», покрывавший неведомых «существ», как называл их Геродот. Так они и стали для всего мира муравьями. Что самое удивительное, в наше время такие ученые, как Херрманн, Лауфер, Франке и другие, прицепились к слову «муравей» вместо того, чтобы попытаться опознать «существ», описываемых Геродотом. Были и исключения из общего правила. Так, в 1833 году Риттер впервые предположил, что у Геродота речь может идти о сурках, но он не учитывал возможность расположения золотоносных песков в районе расселения дардов. Риттер считал, что сурки-золотоискатели обитают у истоков Сатледжа, у священной горы Кайлас. В своих предположениях он основывается на сведениях из путевых заметок Муркрофта. Последний действительно указывал на существование золота и сурков в этом месте, не проводя между ними, впрочем, никакой параллели. Да и ни в одном из известных мне описаний района между сурками и золотом никакой логической связи не устанавливается.

Из таких нор сурки выбрасывают на поверхность песок, в котором может оказаться золото.

С другой стороны, Херрманн в 1938 году правильно определяет границы страны, где, по Геродоту, в районе нынешнего Кашмира жили дарды, хотя в 1938 году никто не мог еще точно установить действительное происхождение и родину дардов. Так же как и остальные исследователи, Херрманн отверг версию сурков, предпочитая верить в муравьев. Как и все, он находился под впечатлением рассказа Геродота,

описывающего «свирепость муравьев»... А как известно, сурки считаются животными безобидными. Действительно, и Геродот, и Мегасфен описали, насколько агрессивны и опасны были муравьи, так что золото можно брать только с предосторожностью. Как я понимал теперь, «опасные муравьи» были одним из обычных атрибутов истории о таинственных странах и несметных сокровищах. По традиции в подобных рассказах клады с золотом охраняются великанами, драконами, сказочными чудовищами или даже акулами. Это позволяет рассказчику давать совершенно естественное объяснение того, каким образом сокровище до сих пор не было ни обнаружено, ни украдено. Это же предоставляет ему возможность отпугнуть всяческих авантюристов, позарившихся на богатство. С другой стороны, мне рассказывали, что сурок становится свирепым, когда нападаешь на его нору.

Наши современники, поверившие легенде о муравьях, без труда обнаружили множество историй о насекомых в разных странах мира. По правде говоря, муравьи всегда интересовали человека своей неустанной деятельностью. Неудивительно поэтому, что существует столько рассказов и сказок о муравьях. В некоторых из них говорится о золоте и несметных сокровищах, о королях, министрах и дьяволе. Примером может служить та самая изложенная Франке сказка, которая объясняет, почему у муравьев тонкая «талиа», и рассказывает о том, как принцессе, жившей на берегу озера, удалось достать необходимое приданое.

Что же касается сурков, то они действительно по натуре не агрессивны, но защитить себя в случае необходимости могут. Опасности же, описываемые Геродотом, если и не исходили от сурков, то во всяком случае были вполне реальными, так как местные жители, без всякого сомнения, берегли свое золото.

Любой, кто приходил за ним, имел дело с этим народом, обитавшим в верхнем течении Инда. А были у него и хорошие стрелки, и гончие собаки, и стрелы, пропитанные смертельным ядом, «одним из сильнейших известных науке»...

Сомнений быть не могло: то, о чем рассказывали Сонам и Таши, и породило миф о муравьях-золотодобытчиках. Теперь у меня достаточно доказательств того, что именно здесь и была родина, дардов, как их называли кашмирцы и Мегасфен во время своего пребывания в Индии. Кашмирцы скорее всего ему и рассказали об этом народе. Несомненно также и происхождение легенды, берущей свое начало на высокогорном плато Дансар, в глубине территории минаро.

В течение веков географическая изоляция минаро держала на расстоянии непрошенных гостей. До сих пор этот район остается труднодоступным не только с географической точки зрения: в район демаркационной линии нельзя попасть посторонним.

Когда пытаешься понять, почему плато Дансар с его сурками-золотоискателями так долго выходило из поля зрения ученых, надо еще принимать во внимание языковой барьер. Минаро, по всей вероятности, — один из наименее изученных и употребляемых языков Азии. Разве не мы расширили словарь этого языка, до сих пор изучаемого по урезанному вокабулярию Шоу столетней давности? Что же касается старотибетского, который минаро понимают, то мало кто из иностранцев его знает. Разве я сам, свободно владея тибетским, не потратил три года на поиски, прежде чем открыл благодаря Сонаму и Таши тщательно охраняемый секрет Дансара?

Теперь я уже не сомневался, что муравьи Геродота были в действительности тем, что здесь называют байбаками. Это азиатская разновидность сурков,

обитающих на высокогорьях и горных плато, расположенных на высоте более 4000 метров над уровнем моря, что вполне соответствует высоте Дансара. Эти сурки роют себе большие норы, в которых накапливают огромные запасы травы и другого корма, а землю выбрасывают рядом с выходом. Во время путешествий я не раз видел многочисленные холмики высотой сантиметров девяносто — сто двадцать, занимавшие площадь примерно в десять квадратных метров. Если представить, что весь этот песок изъят из золотоносного слоя, то каждый холмик будет содержать в себе небольшое состояние.

Так как раскраска сурков темно-бурая, коричневая или бежевая, то не будет ошибкой сказать, что их мех похож на мех леопарда. И последнее. Сурки действительно мельче собаки и крупнее лисы.

В этот вечер, чтобы отпраздновать наше открытие, мы с Сономом перебрались на другую сторону реки. Там стоял дом, где три малосимпатичные старухи варили превосходное ячменное пиво. Было уже совсем темно, когда мы вернулись в палатку.

Глава двенадцатая. Земля предков

Утром, выйдя из палатки, я обратил внимание на довольно узкую ровную площадку, поросшую травой. Поле было огорожено невысокой каменной стенкой. Подоспевший Таши разъяснил, что это площадка для игры в поло. Примечательно это место, по словам Таши, было тем, что здесь в 1980 году проводил торжественное богослужение сам далай-лама. Для его святейшества тогда было сооружено специальное возвышение на краю поля. Таши с волнением поведал мне, что и ему самому, как и многим другим минаро, довелось присутствовать при этом событии. Это место было выбрано не случайно: выше по склону расположено святилище Ургиен-Фокар-Дзонг, что в переводе означает «белая крепость-пещера Ургиена».

Ургиен, известный также под именем гуру Римпоче, был монахом. Он появился в этих местах в XIII веке и приобщил здешнее население к буддизму, за что и был причислен к лику святых. Фокар-Дзонг — одно из старейших и наиболее почитаемых местных святилищ, и сам далай-лама провел там в молитвенном уединении немало дней.

Искушение было слишком велико — нужно изменять маршрут. Но как быть с Мисси?.. Сонам и Таши не скрывали, что дорога будет не из легких. Посоветовавшись, мы решили: Мисси останется в лагере. Не покидала меня и некоторая надежда, что за это время Нордруп как раз нас нагонит.

Мы двинулись по тропе, которая привела нас к узкому ущелью. В ущелье мы обнаружили множество камней с изображениями горного козла и даже целую скалу, всю испещренную такими же рисунками. Двигаясь вверх по ущелью, мы вскоре были вынуждены шагать по дну бурного потока, стиснутого узкими берегами. Временами стены ущелья так сближались, что нам не было видно неба.

Примерно через два с половиной часа мы вышли на ровную площадку, окруженную со всех сторон скалами. Здесь и находилось святилище — об этом напоминал выбеленный известкой храм с плоской крышей. Именно в этом храме пребывал в свое время далай-лама.

Перед храмом высились два четырехгранных чхортена недавней постройки, увенчанные можжевельновыми ветвями и великолепными рогами горного козла.

За краем площадки, возле храма, высилась изрытая пещерами высокая отвесная стена, путь к которой преграждал глубокий овраг. Одна из пещер в этом склоне и стала когда-то обителью основателя ламаизма гуру Римпоче.

Сонам и Таши благоговейно простерлись ниц перед святилищем и три раза коснулись лбами земли. Затем мы поднялись в пещеру гуру Римпоче, где увидели молящегося почтенного старца. Монах помоложе, его помощник, разъяснил нам, что этот святой человек дал обет провести в уединении три месяца. Мои друзья были вне себя от счастья оказаться в этом священном месте рядом с таким почтенным ламой. В сопровождении молодого монаха, который был родом из Фокары, мы обошли пустующие пещеры, в одной из которых обнаружили два небольших чхортена. Наш сопровождающий соскреб немного глины со стены пещеры и передал ее Сонаму и Таши. К моему изумлению, мои друзья принялись есть эту глину, настаивая, чтобы я тоже ее отведал! Удивительное дело: когда я уступил их настояниям, глина показалась мне куда менее несъедобной, чем можно было подумать. Считалось, очевидно, что эта глина служила единственной пищей гуру Римпоче, и тот, кто причащался теперь пищей святого, как бы получал его благословение. Затем Таши обратился к монаху с просьбой благословить его дочурку. Тот пропел полагающиеся молитвы и вручил нам шнурочки, сплетенные из синих и красных шелковых нитей. Эти шнурочки мы повязали вокруг шеи. В таком виде мы и завершили обход пещер, которые в целом очень напоминали те, что мне довелось видеть в Мустанге.

На Сонама и Таши, несомненно, произвела большое впечатление моя праведность, так же как и мое почтительное обращение с помощником ламы. Они неожиданно объявили, что теперь у них уже нет никаких сомнений на мой счет: я действительно был достойным человеком.

Повествование наше близится к концу — близилось к концу наше путешествие. Маршрут его пролегал по суровым и пустынным местам, но земля эта была

согрета искорками древнего и чудесного мира народа минаро. Это был мир фей — повелительниц горных козлов, это был мир богинь Плодородия и Природы, оберегавших судьбу жителей Дарчики и Гаркунда, Гамахану и Даха. Это была страна «золота муравьев», страна-легенда, вечно ускользающее Эльдорадо.

Многие смельчаки исходили континент вдоль и поперек в поисках этой страны — от далекой Греции до Китайского моря, от Монголии до Индии, и все напрасно.

Оглядываясь мысленно на открытое наконец нами в Гималайских горах Эльдорадо, я понимаю, что истинным богатством его жителей было не их золото, а их чудесные мифы и сказания. В конечном счете блеск «золота муравьев» оказался куда ярче в нашем воображении, чем в действительности. Но для нас и действительность была не менее чудесной — мы увидели, несмотря ни на что, легендарную страну, мы стояли на ее земле, мы узнали все, что смогли, о ее народе.

Эти знания и были самым дорогим трофеем, который мы увозили с собой. Нам удалось заглянуть в самые темные глубины нашего прошлого.

И это прошлое, адресовавшее нам до этого лишь молчаливые послания забытых захоронений и обработанных камней, — это прошлое заговорило. Мы смогли взглянуть в лица и души наших предков, и этот взгляд рассказал нам, как менялись в течение многих веков представления людей об окружающем мире. Мы стали свидетелями того, как женщины уступали мужчинам главенствующую роль в обществе и как богиня — хранительница Природы стала Бабалашеном, богом-отцом. Мы увидели, как цари присваивали себе право властвовать от имени этого бога. На наших глазах оседлое земледелие привело к образованию излишков и повлекло эксплуатацию человеком не

природы, но человека. А вот и стрелы обратились не против горных козлов, а против людей. Вот уже среди пастухов и охотников встают первые тираны, которые, подобно Дарию и Александру Великому, заявляют о божественном происхождении своей власти... А чем свирепее тиран, тем меньше вера в его богов — и вот монотеизм дает возможность властителям заявить, что лишь их бог существует в мире, а прочие божества должны исчезнуть. Вооруженные словом о своей богоизбранности китайские императоры, а затем христианские монархи и мусульманские властители огнем и мечом утверждают на земле якобы дарованное им небесами право властвовать над другими народами. Мало тех, кто — будь то в Европе или в Азии — смог избежать чужеземного порабощения или насильственного обращения в чужую веру; мало, кто сохранил и пронес сквозь века память о древних верованиях и традициях. Минаро, сохранившие практически неприкосновенным свое прошлое благодаря неприступности их территории, — из этого малого числа.

Пройдя по стране минаро, мы могли теперь с уверенностью сказать, что некогда такие вот народы населяли всю Европу и большую часть Азии. Такие вот люди высекали на скалах рисунки, воздвигали каменные указатели времен года — словом, оставляли после себя свидетельства своей любви и уважения к природе. Здесь, в сердце Гималаев, вне досягаемости могучих императоров и нетерпимых к чужой вере священнослужителей, осталась горстка тех, чьи предки жили когда-то в мире лучшем, чем наш.

Но как долго или, вернее, как недолго просуществуют еще эти последние уголки?..

Эпилог

Когда мы подходили к стоянке, к своему великому удивлению, я увидел стоящего перед палаткой Нордрупа. Выбежавшая навстречу Мисси объяснила, что наш друг появился здесь сразу после нашего ухода из лагеря. Нордрупу немало пришлось поплутать: в Каргиле Гулям Какпори из министерства туризма смог лишь приблизительно набросать наш предполагаемый маршрут, а из всех записок, что мы посылали ему с оказией, Нордруп получил лишь одну, врученную нами какому-то западногерманскому туристу. В наилучшем настроении все вместе мы отправились в Каргил.

Пришло время возвращаться домой и подводить итоги четырех лет, которые мы отдали изучению народа минаро. В нашем багаже был теперь самый полный из существующих на сегодня словарей архаического индоевропейского языка, на котором говорит этот народ. Нам удалось также собрать немало данных об общественном укладе и древних верованиях минаро. В этой книге — лишь краткое изложение полученных нами богатых сведений об их ритуалах и обычаях. Сумма данных позволяет нам сделать уверенное заключение: минаро — один из последних в Азии хранителей традиций, появившихся в каменном веке. Эти традиции начали складываться еще до зарождения индоевропейской общности народов. Впереди много работы, но главное то, что начало ей положено.

Вспомним также о проведенных нами поисках и описании поселений минаро, затерянных в Заскаре, а также о найденной неоспоримой связи между верованиями минаро и столь мало изученной до сих пор «верой людей». Эта связь открывает, несомненно,

новые перспективы для анализа первобытных верований в Центральной Азии.

Как знать, может быть, мне уже не доведется вновь увидеть гордые вершины Западных Гималаев, где несколько лет мы с Мисси бились над раскрытием тайны минаро, стараясь приподнять завесу над их — и нашим собственным — прошлым. Хочу надеяться, что наши поиски «золота муравьев», на первый взгляд безрассудные, все же не были напрасными. Нам удалось оправдать Геродота: на Земле и в самом деле есть страна муравьев, а вернее, сурков-золотоискателей. Эта страна лежит на плато Дансар, в пяти километрах восточнее Морола, тремя километрами западнее Ганокса, и имеет координаты $34^{\circ}46'$ северной широты и $76^{\circ}15'$ восточной долготы. Оставляю другим право воспользоваться ее золотом.

Кадак, 1983 г.

notes

Примечания

1

Пессель М. Заскар. Забытое княжество на окраине Гималаев. М., 1985.

См.: *Пессель М.* Затерянный мир Кинтана-Роо. М., 1969; *Он же.* Путешествие в Мустанг и Бутан. М., 1978; *Он же.* Заскар. Забытое княжество на окраине Гималаев. М., 1985.

З

См.: *Йеттмар К.* Религии Гиндукуша. М., 1986.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. II. С. 890.

5

Там же.

6

Там же. С. 914.

7

Там же. С. 915.

Эдельман *Д. И.* Дардские языки. М., 1965.

Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М., 1986. С. 195.

Там же. С. 197.

Йеттмар К. Указ. соч. С. 339.

На русском языке об этом см.: *Кычанов Е. И., Савицкий Л. С.* Люди и боги страны снегов. М., 1975.

Несториане — последователи учения константинопольского патриарха Нестория (ок. 380 ~ ок. 451 гг. н. э.). Учение, включавшее отказ от догмата о святой троице, было признано решением Эфесского собора в 431 г. ересью. Последователи Нестория, спасаясь от преследований, покинули Восточную Римскую империю и рассеялись по Азии вплоть до Дальнего Востока. На территории России в начале XX в. были обращены в православную веру. Что касается Диего д'Альмиедо, то на его месте мог ошибиться и более образованный человек — несторианское письмо оказало существенное влияние на развитие письменности в монголо-тибетском районе. — Примеч. пер.

НАСА — Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (США). — *Примеч. пер.*

См. Предисловие. — *Примеч. ред.*

См. Предисловие. — *Примеч. ред.*

Чогори, 8611 метров над ур. моря. — *Примеч. пер.*